Статистикъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Крестьянская семья и „Семейная собственность" въ Архангельской губерніи.

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1912.

Статистикъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Крестьянская семья и „Семейная собственность“ въ Архангельской губерніи.

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Крестьянская семья и „семейная собственность" въ Архангельской губерніи.

Глава первая.

Матеріалъ, положенный въ основу настоящей статьи. Краткая характеристика хозяйственныхъ условій района.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ покойнымъ П. С. Ефименко было здано нѣсколько трудовъ, относящихся къ изслѣдованію различныхъ торонъ обычнаго права въ Архангельской губерніи. (Сборникъ народ- ыхъ юридическихъ обычаевъ изд. 1869 г. „Приданое по обычному раву крестьянъ Архангельской губерніи", изд. 1872 г. „Семья Архан- ельскаго крестьянина по обычному праву" и пр.). Какъ изслѣдованія . С. Ефименко, такъ и статьи А. Я. Ефименко въ извѣстной ея кни- ѣ „Изслѣдованія народной жизни" (касавшіяся, главн. образомъ, поло- енія женщины въ крестьянской семьѣ и роли трудового начала въ рестьянскомъ быту), давно уже сдѣлались, по словамъ самой А. Я. фименко, „библіографической рѣдкостью", а между тѣмъ за весь соро- алѣтній періодъ, истекшій со времени ихъ появленія изученіе обычна- о права населенія Архангельской губерніи ничуть не подвинулось впе- едъ, и мы не имѣемъ ни одного труда, который хотя-бы въ слабой тепени дополнялъ названныя изслѣдованія мѣстной народной жизни*). ри этихъ условіяхъ, разработка того хотя бы и весьма ограниченнаго ъ географическомъ отношеніи матеріала, какимъ располагаю я, все-же несетъ нѣчто цѣнное въ мало изученную область обычнаго права ѣшняго крестьянскаго населенія. Далекій отъ мысли придавать своей татьѣ сколько-нибудь крупное значеніе, я все же думаю, что читатель айдетъ въ ней такой *фактическій матеріалъ*, который мало кому извѣ- енъ и доступенъ.

Матеріаломъ этимъ являются просмотрѣнныя мною *рѣшенія волост- ыхъ судовъ* по пяти волостямъ Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ разные годы, *договоры и сдѣлки* также за нѣсколько разныхъ лѣтъ по вумъ волостямъ и, наконецъ, *приговоры сельскихъ сходовъ*, главнымъ обра- омъ по четыремъ сельскимъ обществамъ Ломоносовской и Кушевской олости и за два года Кегостровской. Какъ видитъ читатель, перечи- енный мною матеріалъ охватываетъ небольшой районъ—три нынѣш- ихъ волости Холмогорскаго уѣзда, Ломоносовскую, Кушевскую и урьинскую**) и четыре волости Архангельскаго—Кехотскую, Лявлен- кую, Вознесенскую и Кегостровскую, причемъ изъ этихъ шести воло- тей лишь по двумъ, Кушевской и Кехотской, собранъ матеріалъ болѣе ли менѣе обширный (на него преимущественно и будутъ ссылки въ альнѣйшемъ).

Всего мною просмотрѣно по означеннымъ волостямъ около тысячи ѣшеній волостныхъ судовъ за тридцать лѣтъ, начиная съ 1867 г. и ончая 1911 г., причемъ относительно 300 приблизительно рѣшеній сдѣ-

*) *Примѣчаніе.* Въ „Памятныхъ книжкахъ Архангельской губерніи" можно, рочемъ, найти отдѣльныя указанія на тѣ или иныя стороны обычнаго права, равно акъ и въ издававшихся Губ. Статист. Комитетомъ сборникахъ „Сельская земельная щина въ Архангельской губерніи"; но все это крайне разбросано, и вынести оттуда о-либо цѣльное весьма трудно или даже и вовсе невозможно. За послѣднее время ышелъ трудъ А. Гранцилевскаго, посвященный родинѣ М. В. Ломоносова, и въ немъ ть главы, относящіяся *къ обычаямъ и правамъ* населенія Ломоносовской волости.

**) Послѣднія двѣ до 1910 г. составляли одну волость, Кушевскую.

ланы болѣе или менѣе подробныя выписки и замѣтки, касающіяся ка предмета разбирательства, такъ, вынесенныхъ судами рѣшеній, съ мо вами къ нимъ, и наложенныхъ судомъ наказаній.

Различнаго рода договоровъ и сдѣлокъ, также за разные го мною выписано цѣликомъ или въ краткихъ извлеченіяхъ около ста, п смотрѣно же, конечно, значительно больше. Наконецъ, довольно з чительный матеріалъ составили мірскіе приговоры сельскихъ сходо просмотрѣнные приблизительно по 50 книгамъ за различные годы, гл нымъ образомъ, по четыремъ обществамъ Холмогорскаго уѣзда — Ку стровскому, Богоявленско-Ухтостровскому, Быстрокурскому и Марил скому; изъ общаго количества этихъ приговоровъ до 400 выписано к краткихъ или подробныхъ извлеченіяхъ, не считая приговоровъ о редѣлѣ земли.

Такимъ образомъ, въ моемъ распоряженіи было около 800 разл наго рода *документовъ*, касающихся быта и юридическихъ отношеній селенія названнаго района.

А если принять во вниманіе, что *просмотрѣно* мною было гора большее число ихъ — примѣрно около 2500 — и что кромѣ того съ част означеннаго района мнѣ пришлось ознакомиться довольно подробно . томъ 1911 г. въ качествѣ участника экспедиціи по обслѣдованію холм госкаго скотоводства, то думаю, что собранный мною фактическій м теріалъ былъ бы достаточенъ для знакомства съ различными сторона обычнаго права среди населенія Архангельской губерніи, особенно пр нимая во вниманіе его строго документальный характеръ. Въ насто щей статьѣ я, однако, использую не весь матеріалъ, имѣющійся моемъ распоряженіи — все, относящееся до *общиннаго землевладѣнія* и взаимныхъ отношеній между крестьянами, какъ членами земельной щины, сейчасъ мною не будетъ разработано, такъ какъ вопросомъ о общинѣ въ Архангельской губерніи я надѣюсь заняться въ особой ст тьѣ, въ которую и войдетъ все, касающееся землевладѣнія, распоряже землей и взаимотношеній между общиною и отдѣльными ея членам Точно также документовъ, относящихся до *имущественнаго и обязате ственнаго права* я касаюсь лишь, поскольку они имѣютъ отношенія спеціально поставленной мною въ настоящей статьѣ задачѣ — *характе стикѣ семейнаго обычнаго права*, какъ оно обрисовывается изъ рѣшеній лостныхъ судовъ и изъ другого рода документовъ, а также изъ личны наблюденій и свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ путемъ опроса. Попутн придется, конечно, касаться и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ обычна права, гдѣ это будетъ вызываться необходимостью или дастъ возмо ность лучше уяснить разсматриваемыя юридическія отношенія.

Въ виду незначительнаго района, къ которому относится нашъ м теріалъ, у читателя можетъ возникнуть вполнѣ законный вопрос имѣемъ-ли мы право распространить результаты нашего изслѣдованія на другія части Архангельской губерніи, или-же все нижесказанное настоящей статьѣ должно относиться лишь къ взятому нами райо шести волостей? По поводу этого прежде всего слѣдуетъ замѣтить, ч обычное право, какъ извѣстно, отличается значительной консервативн стью и, въ частности, взаимоотношенія членовъ крестьянской *семьи* о ладаютъ довольно сильной однородностью и устойчивостью. Кромѣ т го, сравненіе нашего матеріала съ данными, относящимися къ разным мѣстностямъ Архангельской губерніи и даже къ разнымъ губерніям Европейской Россіи, позволитъ намъ болѣе опредѣленно отвѣтить н только что поставленный вопросъ. Такого рода сравненіе читатель най

четъ въ послѣдней, заключительной главѣ настоящаго изслѣдованія: въ ней, подводя итоги всему сказанному въ предшествующихъ главахъ, мы сопоставимъ полученные нами результаты съ имѣющимся уже въ литературѣ матеріаломъ по обычному семейному праву, ссылаясь главнымъ образомъ на книгу П. С. Ефименко „Народные юридическіе обычаи для Архангельской губерніи и на II томъ труда Пахмана „Обычное гражданское право" для остальной Россіи, а также на нѣкоторыя отдѣльныя журнальныя статьи.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе особыхъ условій, при которыхъ была задумана и написана настоящая статья, мнѣ не удалось имѣть въ своихъ рукахъ двухъ изслѣдованій П. С. Ефименко, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ моей темѣ—„Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи" и „Семья архангельскаго крестьянина по обычному праву", что, вѣроятно, составляетъ большой пробѣлъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ непосредственной нашей задачѣ, думаю, будетъ не лишнимъ дать общую характеристику главнѣйшихъ хозяйственныхъ условій, въ которыхъ живетъ населеніе вышеперечисленныхъ волостей. Это даетъ читателю право съ большимъ основаніемъ распространить сказанное ниже на мѣстности, находящіяся въ подобныхъ-же хозяйственныхъ условіяхъ, а съ другой стороны заставитъ съ большей осторожностью примѣнять всѣ выводы настоящей статьи къ мѣстностямъ, населеніе которыхъ находится въ условіяхъ слишкомъ отличныхъ отъ нашихъ.

Ломоносовская, Кушевская съ Курьинской и отчасти Кехотская и Лявленская волости принадлежатъ къ району т. н. „историческаго холмогорскаго скотоводства", характеристика котораго дана была уже на страницахъ „Извѣстій" правительственнымъ агрономомъ И. И. Тулубьевымъ, и потому говорить о значеніи скотоводства въ данной мѣстности я не буду. Напомню только, что въ этомъ именно районѣ мы и встрѣчаемъ тотъ интересный скотоводческій промыселъ, который носитъ названіе „похода": взрослый молочный скотъ продается скупщикамъ, которые вывозятъ его преимущественно въ Петербургъ, въ очень незначительной степени въ Москву и другія мѣстности. Въ общемъ можно считать, что изъ названнаго района ежегодно отправляется около 900 головъ молочнаго продуктивнаго скота, на сумму болѣе 100 тыс. рублей. Кромѣ дохода отъ экспорта, молочный скотъ доставляетъ, конечно, извѣстную прибыль отъ продажи молока на маслодѣльные заводы и, наконецъ, не мало скота, какъ взрослаго, такъ и въ видѣ телятъ —„опоекъ"—ежегодно сбывается на мясо.

Стало уже избитой истиной, что знаменитое холмогорское скотоводство могло развиться и продержаться до сихъ поръ, благодаря прекраснымъ естественнымъ лугамъ въ названномъ районѣ и обильнымъ пастьбищамъ, что особенно относится къ Ломоносовской и частью къ Кушевской и Кехотской волостямъ. Съ другой стороны, самое разведеніе молочнаго скота заставляетъ населеніе особенно ревниво относиться къ владѣнію *лугами*, которые здѣсь составляютъ значительно больщій % надѣльной земли, чѣмъ пашня. Такъ, въ Ломоносовской волости пашни числится 1620 дес., а покосу 2720 дес., въ 4-хъ обществахъ Кушевской 729 дес. пашни и 1920 дес. луговъ, въ Курейской, входившей до 1910 г. въ составъ Кушевской вол., 397 дес. пашни и 963 дес. луговъ, въ Кехотской около 800 дес. пашни и 2550 дес. покосу и т. д. На душу м. п. это однако, составитъ немного, бол. частью отъ $^3/_4$—1 дес., рѣдко больше; а пахотной надѣльной земли всего отъ $^1/_4$—$^1/_2$ дес.

Насколько высоко цѣнятся здѣсь сѣнокосныя угодья, можно судить по тѣмъ высокимъ арендным цѣнамъ, какія существуютъ на церковныя земли, которыя берутся почти исключительно ради сѣнокосовъ *).

Далѣе, необходимо упомянуть, что данный районъ, какъ вся вообще Архангельская губернія, представляетъ два вида владѣнія землей: однѣ земли, такъ называемыя мирскія „надѣльныя", состоятъ въ общинномъ владѣніи, но кромѣ нихъ есть и земли, состоящія какъ бы въ „частной собственности" отдѣльныхъ домохозяевъ—это казенныя земли, взятыя подъ расчистку на правахъ 40-лѣтняго пользованія и оставленныя впредь до изданія закона о расчисткахъ въ рукахъ лицъ, разработавшихъ ихъ, или ихъ наслѣдниковъ. Земли эти въ названномъ районѣ имѣетъ приблизительно половина всѣхъ домохозяевъ, и средній размѣръ этихъ владѣній отъ 1½—3½ дес., но разумѣется, большинство отдѣльныхъ участковъ не превышаетъ 1—2 дес. Расчистки состоятъ также главнымъ образомъ изъ сѣнокосовъ, которые превышаютъ мѣстами втрое и вчетверо пахотныя расчистки. Въ владѣніи и распоряженіи этими двумя видами земель существуетъ какъ увидимъ ниже, значительная разница, вытекающая изъ того основного начала, что распоряженіе мірской землей находится въ рукахъ общины, расчистками-же каждый ихъ временный обладатель можемъ распоряжаться *по своему усмотрѣнію* и потому онѣ постоянно бываютъ предметомъ всевозможныхъ сдѣлокъ и переходятъ по наслѣдству, завѣщательнымъ порядкомъ, и безъ завѣщаній—сообразно мѣстнымъ обычаямъ, существующимъ въ данной мѣстности относительно порядка наслѣдованія.

Наконецъ, немаловажнымъ факторомъ, такъ или иначе отражающимся на юридическихъ взаимоотношеніяхъ членовъ какъ крестьянской семьи, такъ и всего крестьянскаго „міра", является развитіе въ названномъ районѣ различныхъ мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ, что должно сказываться на измѣненіи состава семьи, на положеніи женщины въ семьѣ и на экономическомъ положеніи отдѣльныхъ дворовъ, а также на увеличеніе различнаго рода договоровъ и сдѣлокъ, заключаемыхъ уходящими на продолжительный промыселъ съ остающимися дома. Изъ мѣстныхъ промысловъ наиболѣе развиты въ разныхъ обществахъ названныхъ волостей—бондарный, горшечный, выдѣлка кирпича, постройка карбасовъ (въ Чевакинскомъ обществѣ, Кехотской вол.), маслодѣльный, веревочный (въ Кегостровской волости) и рыбный. Послѣдній главнымъ образомъ въ двухъ обществахъ Кушевской волости (Быстрокурскомъ и Мариловскомъ) и въ Кехотской волости. Что-же касается до отхожихъ промысловъ, то здѣсь сильно развитъ уходъ въ Петербургъ—въ артельщики и кровельщики. Это главнымъ образомъ въ Ломоносовской, Кушевской, Курейской и Кехотской волостяхъ, гдѣ отходъ въ Питеръ существуетъ изстари и отрываетъ, вѣроятно, около трети взрослаго мужского населенія. Нерѣдко кровельный промыселъ переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, поступающему сразу въ Петербургъ въ артель своихъ земляковъ. Кромѣ Петербурга, не мало народу уходитъ также въ Архангельскъ, особенно изъ ближайшихъ, пригородныхъ волостей, Вознесенской и Кегостровской. Уходятъ на лѣсныя работы, на лѣсопильные заводы, на суда, въ чернорабочіе, плотники, пильщики и пр.

Таковъ, въ краткихъ словахъ, „экономическій базисъ", на которомъ, говоря марксистскимъ языкомъ, возникла та обычно-правовая „надстройка", отдѣльныя части которой намъ и предстоитъ разсмотрѣть въ

*) См. объ этомъ статью мою „Объ арендѣ церковныхъ земель" въ №№ 14 и 15 „Извѣстій" за 1912 годъ.

дальнѣйшемъ. Насколько непосредственно и прочно спаяна эта „надстройка“ со своимъ „фундаментомъ“, или же на архитектурѣ ея отразились вліянія иного рода—это, быть можетъ, выяснится передъ нами изъ дальнѣйшаго изложенія.

———

Часть вторая.

Составъ крестьянской семьи – семья простая и сложная. Семейные раздѣлы. Причины и поводы къ ихъ возникновенію. Какъ они происходятъ.

При изученіи юридическихъ отношеній въ крестьянской семьѣ надо различать простую и сложную семью. Простой мы будемъ называть семью, состоящую изъ мужа и жены, или бездѣтныхъ. или имѣющихъ не выданныхъ дочерей и не женатыхъ сыновей. Сложной—когда въ такую простую семью вступаетъ новое, до той поры совершенно постороннее ей лицо: жена сына (невѣстка) или мужъ дочери (зать), или, наконецъ пріемышъ—будь то дальній родственникъ или вовсе чужой человѣкъ. Съ нашей точки зрѣнія, въ послѣднемъ случаѣ мы имѣетъ также сложную семью, такъ какъ при этомъ между членами такой семьи возникаютъ *новыя* юридическія отношенія, которыя могутъ быть совершенно сходными съ взаимоотношеніями родителей и дѣтей, но могутъ и отличаться отъ нихъ. Сложная семья, состоящая изъ двухъ или болѣе нераздѣльно живущихъ братьевъ, каждый со своимъ семействомъ, встрѣчается въ названномъ районѣ какъ исключеніе, и въ нашихъ матеріалахъ почти вовсе нѣтъ данныхъ для сужденія объ юридическихъ отношеніяхъ между членами такой большой семьи.

Основаніемъ для принятаго нами подраздѣленія семьи на простую и сложную является тотъ фактъ, что простая семья не только естественный кровный союзъ, но и потребительно производительная ассоціація, гдѣ всѣ ея члены, такъ или иначе, но обязательно участвуютъ, съ самаго ея возникновенія, въ созданіи семейной собственности и разныхъ имущественныхъ цѣнностей. Понятно, что при этомъ условіи и отношенія между членами такой семьи будутъ иныя, чѣмъ въ семьѣ сложной, гдѣ новые члены вступаютъ уже въ сложившуюся хозяйственно правовую единицу.

Всякая простая семья, состоящая изъ мужа, жены и дѣтей, съ переходомъ послѣднихъ въ возмужалый возрастъ, или переживаетъ процессъ распаденія ея въ простѣйшую брачную пару, въ случаѣ выдѣла дѣтей въ самостоятельныя семьи; или, съ сдругой стороны, въ ней происходитъ противоположный процессъ превращенія въ сложную—посредствомъ вступленія въ нее одного или нѣсколькихъ новыхъ членовъ.

Всѣ разнообразныя измѣненія, происходящія въ составѣ семьи, можно свести къ этимъ двумъ основнымъ типамъ. Какъ процессъ распаденія семьи (путемъ ухода и выдѣла дѣтей). такъ и превращеніе ея въ сложную, всегда сопровождаются новыми юридическими взаимоотношеніями, опредѣляемыми или закономъ, или мѣстнымъ обычаемъ. Вотъ этого-то рода взаимоотношеніями—опирающимися на обычное право—мы и займемся теперь, поскольку позволятъ намъ сдѣлать это имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя. По самому характеру нашего матеріала, намъ придется больше касаться отношеній членовъ семьи въ моменты распаденія одной семьи и образованія новой – простой или сложной —такъ какъ взаимоотношенія между членами семьи въ ея status quo рѣдко могутъ фиксироваться въ какихъ-либо актахъ или документахъ.— Обычный типъ *распаденія* прежней семьи въ цѣломъ на одну или двѣ новыхъ представляютъ т. н. „семейные раздѣлы“—правильнѣе, выдѣлы—

когда одинъ или нѣсколько сыновей выдѣляются въ самостоятельное хозяйство, а старики или остаются доживать свой вѣкъ одни, или переходятъ въ какую-либо изъ образовавшихся молодыхъ семей.

Съ этого именно момента—образованія новыхъ семей путемъ „семейныхъ раздѣловъ"—мы и начнемъ наше изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что есть и другіе основательные доводы поставить семейные раздѣлы на первомъ мѣстѣ.

Еще П. С. Ефименко въ „сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ" писалъ, что „здѣсь (т. е. въ Архангельской губерніи) замѣчается такое сильное стремленіе къ раздѣламъ, какое тамъ (во внутреннихъ губерніяхъ) врядъ-ли возможно гдѣ встрѣтить". Правда, конецъ XIX столѣтія показалъ, что и во многихъ внутреннихъ губерніяхъ стремленіе къ раздѣламъ проявилось въ такой сильной степени, что искуственная административная преграда, въ видѣ закона 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, оказалась вовсе безсильной сдержать огромный натискъ индивидуалистическихъ стремленій въ крестьянской семьѣ. Семья мельчала и дробилась почти повсюду, а вмѣстѣ съ измельчаніемъ прежней большой сложной семьи тускнѣли и исчезали былыя семейныя традиціи. Интенсивнѣй-ли шелъ этотъ процессъ разложенія большой семьи въ Архангельской губерніи, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, сказать нельзя; но что сложная семья распадалась здѣсь безпрерывно и распадалась быстро—это, повидимому, можно утверждать и не имѣя въ рукахъ цифровыхъ данныхъ. Такой же сильный распадъ крестьянской семьи встрѣчаемъ мы и въ нашемъ районѣ.

Большія семьи, состоящія изъ родителей и неотдѣленныхъ 2—3-хъ женатыхъ сыновей—явленіе здѣсь крайне рѣдкое. Обычный типъ семьи—мужъ съ женой и при нихъ малолѣтніе дѣти или, если и взрослые, то еще не женатые сыновья. Въ книгахъ приговоровъ сельскихъ обществъ то и дѣло встрѣчаешь раздѣльные приговоры, которые сходъ почти всегда утверждаетъ безъ всякихъ препятствій со своей стороны. Съ просьбой о раздѣлѣ чаще всего обращаются, повидимому, братья, когда ихъ двое или трое и одинъ изъ нихъ уже семейный; причемъ если родители живы, то обычно отецъ переходитъ въ семью старшаго сына, а мать остается съ младшимъ, разумѣется, если раздѣлъ происходитъ по обоюдному согласію. Очень часты также случаи раздѣла отца съ однимъ или нѣсколькими сыновьями. Иниціатива раздѣла исходитъ при этомъ или отъ отца, недовольнаго чѣмъ либо сыномъ, или отъ сына, жалующагося на обиды и притѣсненія со стороны отца. Наконецъ, встрѣчаются и раздѣлы вдовы-матери съ сыновьями, мачехи съ пасынкомъ, дяди съ племянникомъ.

Согласно закону 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ (нынѣ уже отмѣненному), послѣдніе могутъ быть разрѣшены сходомъ лишь съ согласія домохозяина, по уважительнымъ причинамъ и при условіи имущественной благонадежности раздѣляющихся семей. Остановимся прежде всего на *согласіи* домохозяина. Какъ мало выполняется это условіе, можно судить по тому, что прежде, чѣмъ обратиться къ сходу за разрѣшеніемъ раздѣла, очень многія семьи живутъ уже по нѣскольку лѣтъ отдѣльно, самостоятельными хозяйствами. Въ приговорахъ сплошь и рядомъ встрѣчаешь фразу: „тотъ и другой давно уже живутъ каждый самостоятельно своими средствами", или „живутъ давно уже особымъ хозяйствомъ". Сельскій сходъ даетъ лишь санкцію этимъ нелегальнымъ самостоятельнымъ хозяйствомъ, дѣлая ихъ вполнѣ правомочными членами своего общества. Нерѣдко встрѣчаются приговоры, заднимъ числомъ утверждаю-

щіе фактъ раздѣла нѣсколькихъ семействъ. Такъ въ приговорѣ Богоявленско-ухтостровскаго сельскаго общества (Ломонос. вол.) отъ 26 мая 1896 г. читаемъ:

„Относительно семействъ нашего общества, самовольно раздѣлившихся и проживающихъ въ особыхъ домахъ, а нѣкоторые и въ одномъ домѣ, но въ разныхъ фатерахъ, но имѣющие отдѣльныя хозяйства... сельскій сходъ, по обсужденіи настоящаго предмета, постановилъ: раздѣлы прописанныхъ въ сей вѣдомости семействъ, какъ проживающихъ совершенно въ отдѣльныхъ домахъ, такъ и въ общихъ, имѣющихъ одинъ отъ другого особыя хозяйства нѣсколько лѣтъ, утвердить и уполномочить каждаго изъ нихъ домохозяиномъ, имѣющимъ право голоса".

Тоже самое встрѣчаемъ въ приговорахъ Мариловскаго общества (Кушевской вол.), Княжестровскаго (Кехотской) и др. При этомъ сходъ обычно постановляетъ: поводы, послужившіе къ раздѣлу, признать уважительными, а „инструкціи о раздѣлѣ" выполненными. Вотъ почему нельзя придавать большой вѣры тѣмъ „поводамъ", какіе указаны обычно въ приговорахъ сельскихъ сходовъ. Очень часто—это простая декорація, отсутствіе которой влечетъ за собой неутвержденіе приговора чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ. Что дѣйствительно это такъ, можно отчасти судить по тому, какъ въ разныхъ сельскихъ обществахъ существуютъ свои излюбленные „поводы" къ раздѣламъ, очевидно, въ зависимости отъ вдохновенія и усмотрѣнія сельскаго писаря. Такъ, въ однихъ чаще всего встрѣчаемъ указанія на „стѣсненія, обиды, ссоры" или „неуживчивый характеръ"; въ другихъ—„многочисленность семейства", причемъ семья въ 7 или даже 6 человѣкъ уже признается многочисленной; въ третьихъ—„домашнія обстоятельства и неравномѣрный заработокъ". Въ дѣйствительности, конечно, всѣ эти поводы могутъ вести и ведутъ къ раздѣламъ, но правильно-ли они указаны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—сказать трудно, и вѣрнѣе, что здѣсь слишкомъ многое зависитъ отъ доброй воли сельскаго писаря и сговорчивости сельскаго схода.

П. С. Ефименко указывалъ въ „Сборникѣ", что ближайшей причиной раздѣловъ являются „тѣснота помѣщеній, при многолюдствѣ семьи, ссоры, преимущественно женщинъ, расточительная жизнь кого-либо изъ членовъ семьи, секретное скопленіе денегъ, желаніе избѣжать рекрутства, но главное, старинная привычка жить независимо".

Мы думаемъ, что послѣдняя изъ указанныхъ причинъ и является дѣйствительно *основной причиной*—стремленіе къ независимой жизни. Ссоры обиды, взаимныя столкновенія, неравномѣрность дохода, при сильномъ развитіи отхожихъ промысловъ, и пр.—все это является лишь тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, подъ вліяніемъ котораго семья, давно уже въ лицѣ младшаго поколѣнія, носящая въ себѣ затаенное желаніе уйти изъ подъ власти „отцовъ", окончательно распадается. Въ названномъ районѣ приходилось слышать, что на семью съ двумя или тѣмъ болѣе тремя женатыми и не отдѣлившимися отъ стариковъ сыновьями смотрятъ какъ на рѣдкость—о такихъ семьяхъ знаютъ даже въ другомъ обществѣ. Если невѣстка со свекровью рѣдко уживаются вмѣстѣ, то двѣ невѣстки и того рѣже *).

Вообще женщина въ крестьянской семьѣ—и это вполнѣ понятно—чаще всего является „виновницей" семейныхъ раздѣловъ, и мнѣ лично не рѣдко приходилось слышать ссылки на „бабъ", которыя, молъ никакъ

*) Хотя мнѣ пришлось однажды встрѣтить семью изъ пяти братьевъ, частью женатыхъ, частью холостыхъ, жившихъ совмѣстно въ одномъ домѣ и однимъ хозяйствомъ по достатку выше средняго.

ужиться другъ съ другомъ не могутъ,—вотъ и подѣлились, чтобы „уйти отъ грѣха".

„Мужъ реветъ, да за женой идетъ", какъ характеризовалъ мнѣ одинъ старикъ семейные раздѣлы, поводомъ къ которымъ послужили несогласія „женскаго полку".

И въ другихъ губерніяхъ вѣдь часто указывается именно на женщину, какъ на причину раздѣла. У Пахмана приведено нѣсколько крестьянскихъ отзывовъ подобнаго рода. „Отецъ при жизни обыкновенно выдѣляетъ женатыхъ, чтобы отъ бабъ какой бѣды не было" (Тамбовская губ.); „выдѣляетъ отецъ обыкновенно старшихъ женатыхъ сыновей, чтобы отъ бабьихъ ссоръ какой бѣды не приключилось"... (Кіевская губ.) и т. д.

Разумѣется, дѣло не въ „бабьихъ ссорахъ", а въ томъ, что у женщинъ, благодаря ихъ занятіямъ домашнимъ хозяйствомъ, больше поводовъ для всякаго рода недоразумѣній и столкновеній, съ одной стороны а съ другой, женщина скорѣе замѣчаетъ и интенсивнѣй мужчины чувствуетъ ту неравномѣрность въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ членовъ семьи, которая неизбѣжна при развитіи отхожихъ промысловъ и другихъ „стороннихъ" заработковъ. А такъ какъ отходъ на сторону съ теченіемъ времени все увеличивается, то и поводовъ къ выдѣламъ является больше. Притомъ же отсутствіе мужа по цѣлымъ мѣсяцамъ часто дѣлаетъ жизнь молодухи въ домѣ новыхъ „родителей" слишкомъ тяжелой и сильнѣе пробуждаетъ въ ней желаніе выйти на свою волю и хоть надъ малымъ да быть полновластной хозяйкой.

Характеризуя это-то именно стремленіе къ независимой жизни, старики съ неодобреніемъ и говорятъ, что „народъ нонѣ *несносный* пошелъ изъ молодежи"--изъ-за пустяковъ бѣгутъ изъ родительскаго дому"; и всегда почти прибавятъ въ поясненіе: „а больше жизни разбиваютъ изъ женскаго полку—не хочетъ старшимъ покориться и мужа собьетъ". Ну, а результатъ извѣстенъ: „мужъ реветъ, да за женой идетъ"... Впрочемъ, какъ читатель увидитъ ниже, далеко не всегда мужъ играетъ такую пассивную роль при раздѣлахъ, и есть случаи—конечно, какъ исключеніе—когда выдѣляются даже не женатые сыновья.

Семейный раздѣлъ влечетъ за собой, съ хозяйственной точки зрѣнія, образованіе вмѣсто одного большого домохозяйства два или больше мелкихъ. Каждое изъ нихъ, чтобы существовать, а тѣмъ болѣе „благоденствовать", должно быть достаточно обезпечено какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ. Только при этихъ условіяхъ сходъ и можетъ признать ихъ „благонадежными" къ уплатѣ податей и недоимокъ. На какихъ же началахъ дѣлится бывшее прежде въ общемъ пользованіи всей семьи имущество? Здѣсь возможны большія различія, въ зависимости, во-первыхъ, отъ того, кто съ кѣмъ дѣлится, во-вторыхъ, какія отношенія существуютъ между вступающими въ раздѣлъ, и въ третьихъ наконецъ, отъ рода того имущества, которое составляетъ предметъ раздѣла. Такъ, между братьями, по большей части, имущество раздѣляется поровну (надѣльныя земли; конечно, по числу душъ), причемъ если живы родители, то отецъ переходитъ въ семью старшаго сына, а мать остается съ младшимъ, или оба вмѣстѣ поселяются у одного изъ нихъ.

Въ одномъ изъ приговоровъ богоявленско-ухтостровскаго общества читаемъ: ...„Послѣ раздѣла отдѣльныя семьи будутъ имѣть слѣдующій личный составъ: старшій членъ семьи П. Ф. З—й 63 лѣтъ остается съ старшимъ сыномъ П. 27 лѣтъ съ женой Настасьей 26 л., съ сыномъ А.

2 лѣтъ; младшій дѣлящійся остается съ матерью А. 58 л. Михаилъ 23 л. ...домъ двухъ-этажный пополамъ П. внизу и вверху по лѣвую сторону, а М—у по правую сторону... скотскій сарай въ связи съ домомъ владѣть тому и другому пополамъ, пользоваться вмѣстѣ... Вѣтряная мукомольная мельница, баня, овинъ и гуменный сарай, амбаръ, погребъ, пахотныя расчистки—это все поименованное владѣть и пользоваться вмѣстѣ уравнительно"... и т. д. (Приговоръ бог. ухт. об-ва отъ 6/II 1905 г.). Упомянутое здѣсь совмѣстное пользованіе разными хозяйственными постройками и домашнимъ инвентаремъ встрѣчается очень часто. Такъ, въ другомъ приговорѣ того же об-ва—дѣлится отецъ съ сыномъ—находимъ: „баней, овиномъ, амбаромъ пользоваться сообща до прихода ихъ въ ветхость" (1905 г.) Въ иныхъ случаяхъ возникаютъ впослѣдствіи ссоры и тяжбы по поводу такого совмѣстнаго владѣнія, и тогда стороны обращаются въ волостной судъ, который всегда почти и выноситъ рѣшеніе „пользоваться сообща, согласно приговору сельскаго схода о раздѣлѣ".

При раздѣлѣ отца съ сыновьями почти все зависитъ отъ воли отца. Сынъ имѣетъ право только на причитающуюся ему по числу душъ надѣльную землю; во всемъ остальномъ отецъ *можетъ отказать* ему, если раздѣлъ правильнѣе „отдѣлъ", уходъ происходитъ противъ желанія отца. Но, какъ увидимъ ниже, даже и право сына, уходящаго „самовольно" т. е. противъ желанія отца, нерѣдко не признается послѣднимъ, и сынъ уходитъ „съ голыми руками", если отецъ заупрямится дать что нибудь.

При семейномъ „согласіи" между ними, отецъ обычно выдѣляетъ сыну часть дома и скота, если послѣдній не былъ еще ранѣе распредѣленъ между ними, какъ это часто бываетъ, а также иногда даетъ ему и нѣкоторую долю расчистокъ, остальную часть ихъ оставляя за собой *до смерти*. Въ одномъ изъ приговоровъ Быстрокурскаго общества (Кушевской вол.) находимъ интересное распредѣленіе расчистокъ.

Дѣлится исключительно большая семья—отецъ и пятеро сыновей. *Пахатныя* расчистки идутъ братьямъ поровну каждому; *сѣнокосныя же* раздѣляются на шесть частей: пять братьямъ по одной части и 6-ая отцу при его жизни, а послѣ смерти матери, т. е. женѣ его. Вообще, расчистки нерѣдко оставляются матери, съ назначеніемъ ихъ послѣ смерти или одному сыну, или всѣмъ поровну, часто въ зависимости отъ того, сколько сыновей принималъ участіе въ ихъ разработкѣ. Такъ, въ одномъ случаѣ, при раздѣлѣ *мачехи-вдовы* съ пасынкомъ, расчистка, переданная ей, очевидно, покойнымъ мужемъ, поступаетъ въ пользованіе ея съ дѣтьми, а пасынокъ получаетъ лишь комнату и изъ скота телушку; другого имущества у дѣлившихся не было или, какъ сказано въ приговорѣ, „по оплошности не имѣютъ цѣнности" (приговоръ быстрокурскаго общества 1902 г.).

Иногда, при раздѣлѣ, отецъ передавая сыну часть надѣла, выговариваетъ себѣ за это денежное вознагражденіе.

Такъ, крестьянинъ Т. О. обязался за надѣлъ уплатить отцу сразу 2 р. и по пріѣздѣ изъ Петербурга того же года 3 руб., слѣдующіе же года, начиная съ 1909 г. уплачивать впредь до самой смерти отцу по 12 р. въ годъ, при чемъ всѣ сборы и повинности лежатъ на обязанности сына. Но этотъ случай не характеренъ и является скорѣе замаскированной сдачей надѣла въ аренду—онъ и занесенъ именно въ книгу договоровъ и сдѣлокъ (Кушевская волость, 1908 г.).

Дѣло значительно мѣняется по сравненію съ только что сказаннымъ, когда отецъ не изъявляетъ согласія на раздѣлъ. Въ этихъ слу-

чаяхъ сынъ часто отходитъ отъ отца ни съ чемъ, получая отъ него лишь надѣлъ на свои души и забирая все принадлежащее ему лично (одежду, напр.). Весьма интересны два случая такого раздѣла, о которыхъ мы разскажемъ болѣе подробно. Сельскій сходъ богоявленско-ухтостровскаго общества не разрѣшилъ раздѣла Матвѣя Н. съ сыномъ Михаиломъ, хотя Михаилъ былъ выведенъ изъ дому безъ всякаго вознагражденія семь лѣтъ тому назадъ и за это время пріобрѣлъ себѣ домъ и особое хозяйство, а надѣльной землей они пользовались „мѣстно", т. е. сообща, причемъ „Матвѣй Н. сына Михаила каждогодно какъ въ пахотныхъ, такъ и сѣнокосныхъ земляхъ крайне обидѣлъ", и лишь при послѣднемъ передѣлѣ 1886 г. они были надѣлены каждый отдѣльно. Сходъ нашелъ, что Матвѣй Н. „къ самостоятельному веденію хозяйства за старостью лѣтъ неспособенъ, только лишь надѣется на то, что имѣетъ средства вести таковое посредствомъ найма рабочихъ силъ", на соединеніе же съ сыномъ не согласенъ. И вотъ сходъ опредѣлилъ, что „основательнаго повода къ раздѣленію семьи, изъясненнаго въ 3-й статьѣ правилъ, по неспособности къ самостоятельному веденію хозяйства старика Н., не существуетъ, а посему раздѣла не разрѣшать, а *предоставить право* (! к. н.) соединиться въ одну семью всѣми доходами какъ отъ участковъ земли, такъ и всего хозяйства совмѣстно".

Разумѣется, это мудрое рѣшеніе, продиктованное статьей третьей только что вышедшаго въ томъ году закона о семейныхъ раздѣлахъ, никакихъ результатовъ не имѣло, или лучше сказать, имѣло совершенно обратное. Старикъ Н. не захотѣлъ жить съ сыномъ въ одномъ домѣ и сыну не далъ жить въ немъ, принудивъ того судомъ выселиться изъ дому; въ 1891 году, т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ состоявшагося приговора, сынъ проситъ у схода разрѣшенія проживать въ покинутомъ отцомъ домѣ, такъ какъ въ пустой домъ заходила деревенская молодежь для игры въ карты и другихъ забавъ и домъ легко можетъ погибнуть „отъ пожарнаго случая". По просьбѣ сосѣдей Н-хъ и всего затѣмъ общества, было дозволено Михаилу Н. проживать въ домѣ „для обезпеченія всякой безопасности". (Приговоры бог. ухт. об. 1886 г. и 1891 г.).

Не менѣе характеренъ другой случай, имѣвшій мѣсто въ Быстрокурскомъ обществѣ за 1901 годъ. Крестьянинъ Василій В. проситъ раздѣлить его съ отцомъ, Семеномъ В., который жалуется, что сынъ не повинуется ему и наноситъ оскорбленія. Сходъ предлагаетъ жить имъ совмѣстно—сынъ не согласенъ. Тогда сходъ постановилъ въ просьбѣ Василію В. отказать и въ случаѣ самовольнаго раздѣла привлечь В-хъ къ законной отвѣтственности передъ волостнымъ судомъ. Василій В. подаетъ жалобу чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, и тотъ передаетъ дѣло снова на разсмотрѣніе схода. На сходѣ Семенъ В. показалъ, что онъ сына ни въ чемъ не стѣсняетъ, *если только онъ будетъ ему повиноваться* (к. н.), а если не желаетъ продолжать совмѣстную жизнь, то и грѣшить съ нимъ не желаетъ и согласенъ выдѣлить ему земельный участокъ на одну душу; что-же касается помѣщенія въ домѣ, то такового онъ дать не можетъ, потому что домъ принадлежитъ не ему одному, а совмѣстно съ братомъ Степаномъ В. и кромѣ того онъ имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей; *имущества другого также дать сыну ничего не имѣетъ* (к. н.).

Сходъ снова не разрѣшаетъ раздѣла, оговариваясь однако, что если разойдутся сами между собой по согласію, то на выдѣлъ земли Василію В. отъ отца со стороны общества препятствій не имѣется. Наконецъ, въ томъ же году состоялось третье постановленіе схода по тому же дѣлу: хотя домохозяиномъ согласія на семейный раздѣлъ не

изъявлено, но тѣмъ не менѣе сходъ признаетъ справедливымъ разрѣшить раздѣлъ „по причинѣ неуживчиваго во всѣхъ отношеніяхъ и неисправимаго характера Семена В., извѣстнаго однодеревенцамъ“.

Такимъ образомъ, чтобы постановить „справедливое“ рѣшеніе (хотя бы и подъ давленіемъ чиновника по крест. дѣламъ), сходу пришлось явно нарушить статью вторую закона о семейныхъ раздѣлахъ, по которой „при отсутствіи согласія домохозяина, сходъ приступаетъ къ обсужденію о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ нему были *расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина*“ (к. н.), и приравнять, очевидно, къ послѣднему качеству „неуживчивый во всѣхъ отношеніяхъ и неисправимый характеръ“, что, кстати сказать, незадолго передъ тѣмъ сходъ отрицалъ.

Семенъ В., однако, оказался вѣренъ себѣ и изъ имущества ничего не пожелалъ дать сыну, за исключеніемъ... „сѣраго рабочаго пальто“... а изъ „*жилыхъ*“ помѣщеній—прачешную (!)... Случаи такихъ „выдѣловъ“ сыновей съ однимъ „сѣрымъ рабочимъ пальто“, а то и вовсе безъ него— нерѣдки, и отдѣлившимся протестантамъ тяжело достаются первые годы самостоятельной жизни.

Иногда обиженные отцомъ сыновья обращаются въ волостной судъ, съ просьбой о раздѣлѣ, но судъ отказываетъ имъ, такъ какъ „это дѣло ве сельскаго схода“. Такъ, одинъ изъ сыновей того же Семена В. и братъ послѣдняго обращались съ жалобой па стѣсненія со стороны Семена—выгналъ изъ дому и не даетъ ничего: просятъ объ отобраніи земли на 2 души и имущества. Отвѣтчикъ отрицалъ стѣсненіе и соглашался дать боковую комнату, заявивъ, что *на дѣла дать не желаетъ*, и кромѣ того просилъ привлечь сына за постоянное нанесеніе оскорбленій ему и матери. Судъ отказалъ въ раздѣлѣ, а сына присудилъ къ аресту на 2 дня. (Рѣшенія Кущевскаго вол. суда 1898 г.). Въ другомъ случаѣ сынъ жаловался на отца, что тотъ его выгналъ изъ дому, не давъ ничего—и также получилъ отказъ, съ указаніемъ обратиться къ сельскому сходу.

Въ случаяхъ „самовольныхъ раздѣловъ“ сельскія власти, конечно, по требованію ближайшаго своего начальства—чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, привлекаютъ виновныхъ „къ законной отвѣтственности“ передъ волостнымъ судомъ, который въ этихъ случаяхъ налагаетъ на виновныхъ штрафъ, обычно въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго, съ внушеніемъ „соединиться вновь въ одну семью“. Штрафъ уплачивается, а семьи, „самовольно“ раздѣлившіяся, продолжаютъ, конечно, жить врозь, если сами не пожелаютъ почему либо вновь сойтись.

Иногда, впрочемъ, судъ принимаетъ и болѣе активное рѣшеніе.

Крестьянинъ Возенсенской волости Степанъ Т. проситъ волостной судъ предоставить ему право пользоваться лошадью отъ сына Павла, проживающаго въ самовольномъ раздѣлѣ. Сынъ объяснилъ, что имущество не раздѣлено, хотя онъ и живетъ отдѣльно отъ отца, но лошадь *должна принадлежать* ему, Павлу, для обработки-же поля онъ предоставитъ ее отцу. Судъ постановилъ—право пользоваться лошадью предоставить *отцу* и теперь-же употребить ее въ работу при посѣвѣ полей, а

самое дѣло о ея принадлежности и вообще о раздѣлѣ всего имущества передать на разрѣшеніе сельскаго схода. Очевидно, это предварительное рѣшеніе о лошади принято здѣсь гл. обр. въ виду настоятельной хозяйственной необходимости пользоваться ею сейчасъ-же.

Такой рисуется намъ картина „семейныхъ раздѣловъ", по приговорамъ сельскихъ сходовъ и „самовольныхъ". Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ мы будемъ говорить объ имущественномъ и наслѣдственномъ правѣ въ крестьянской семьѣ, мы дополнимъ сказанное здѣсь данными другого рода.

Глава III.

Послѣ раздѣла. Право родителей на пропитаніе и обязанность дѣтей содержать ихъ. Конкретные случаи. Требованія иного рода, предъявляемыя родителями къ дѣтямъ, и разрѣшеніе такихъ дѣлъ волостными судами. Случаи назначенія тѣлеснаго наказанія.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ происходятъ семейные раздѣлы среди населенія нашего района. Но теперь передъ нами возникаетъ вопросъ: съ фактомъ самаго раздѣла прекращаются ли юридическія отношенія между членами раздѣлившихся семей, или они продолжаютъ существовать и принимаютъ лишь иную форму? Если мы подумаемъ, что выдѣлъ взрослыхъ сыновей для родителей часто соединяется съ обреченіемъ ихъ на одинокое существованіе, существованіе старыхъ людей, часто уже не имѣющихъ силы пропитывать себя, то намъ станетъ ясно, что между родителями и дѣтьми должны сохраняться извѣстныя юридическія отношенія и послѣ раздѣла. Тутъ нужно различать два случая. Первый—когда отецъ и мать входятъ во вновь образовавшіяся семьи своихъ дѣтей, и живутъ или вмѣстѣ у кого нибудь изъ сыновей, или врозь. На обязанности сыновей, принявшихъ мать или отца въ домъ, лежитъ дать имъ помѣщеніе, отопленіе и содержаніе, а также похоронить послѣ смерти по христіанскому обряду. Во второмъ случаѣ родители, выдѣливъ дѣтей, сами остаются доживать свой вѣкъ или въ одной изъ горенокъ изъ своего прежняго дома, или иногда снимаютъ даже квартиру, чтобы вовсе не стѣснять себя и дѣтей. На обязанности сыновей и въ этомъ случаѣ лежитъ доставлять имъ средства для пропитанія, а если отецъ оставляетъ за собой душевой надѣлъ, то и помогать ему въ обработкѣ его и уплатѣ податей.

Таковы въ общихъ чертахъ права родителей и обязанности дѣтей послѣ раздѣла семейнаго имущества.

Теперь посмотримъ, какъ осуществляются права однихъ и выполняются обязанности другими въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, каковой матеріалъ намъ дадутъ, главнымъ образомъ, дѣла въ волостныхъ судахъ. Здѣсь мы часто встрѣчаемся съ жалобами отца или матери на сыновей въ отказѣ со стороны послѣднихъ давать имъ пропитаніе.

Въ большинствѣ случаевъ дѣла этого рода кончаются добровольными, „миролюбными“ сдѣлками, причемъ происходитъ какъ-бы нѣкоторый торгъ между родителями и дѣтьми.

Въ результатѣ состоявшагося соглашенія сынъ обязуется выдавать столько то на содержаніе отца или матери, а послѣдніе удовольствоваться обѣщаннымъ.

Любопытно взглянуть на тѣ „нормы пропитанія“, какія обычно вырабатываются при этомъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, взятыхъ изъ прошеній различныхъ волостныхъ судовъ. Мать жалуется на сына въ отказѣ ей пропитанія. Происходитъ добровольная сдѣлка: сынъ обязуется выдавать каждое полугодье по 5 пуд. житной муки и отапливать дровами комнату вверху, при этомъ имущества, оставшагося за матерью, ей не утрачивать. (Кушевская вол., 1868 г.).

Мать вдова жалуется на двухъ сыновей, что не даютъ ей пропитанія, обуви и одежды, и проситъ взыскать съ нихъ за это по 1 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго. Сыновья согласны, и судъ постановляетъ взыскать по 1 руб. въ мѣсяцъ впредь до ея смерти (Кушевская, 1898 г.). Иногда вмѣсто рубля въ мѣсяцъ назначается одинъ пудъ муки ежемѣсячно.

Алексѣй Р. живетъ отдѣльно, жалуется на сына Ивана, что тотъ не даетъ пропитанія. Сынъ объясняетъ, что не давалъ отцу, потому что давалъ матери, а отцу долженъ давать пропитаніе братъ Ивана Кузьма. По состоявшемуся соглашенію сыновья обязались давать „отсыпь" отцу и матери по $1^1/_2$ четверти въ годъ и кормовыхъ денегъ отцу съ Ивана 1 р. 50 к., а съ Кузьмы 4 р. 50 коп.; съ Ивана потому меньше, что у него живетъ мать на пропитаніи (Кушевская, 1867 г).

Обязанность пропитанія ложится не только на родного сына, но и на *зятя*, если послѣдній взятъ въ домъ именно для этой цѣли, а также на пасынка. Такъ, крестьянинъ Л. жалуется на зятя Б., котораго онъ принялъ въ домъ „для пропитанія", что тотъ не даетъ ему съ женой пропитанія и кромѣ того возымѣлъ власть воспользоваться всѣмъ имуществомъ, которое пріобрѣтено имъ, Л., отобралъ у него разныхъ вещей всего на 10 руб. и не даетъ ему продать вѣтреную мельницу. Проситъ объ отобраніи вещей и о высылкѣ Б. вонъ изъ дома своего, такъ какъ „для поддержанія ихъ есть человѣкъ ничтожный".

Отвѣтчикъ на судѣ далъ такое объясненіе: не даетъ пропитанія, такъ какъ Л—ы живутъ въ отдѣльной комнатѣ по согласію ихъ; вещи, отобранныя имъ—приданое за женой; мельницы не позволяетъ продавать, такъ какъ шелъ въ домъ съ условіемъ, чтобы имущество поступило во владѣніе его, Б—а.

Состоялась подробная добровольная сдѣлка, въ результатѣ которой Б. обязался давать отсыпать хлѣба по 6 четвертей ежегодно до смерти Л—хъ, а имущество должны продавать по согласію. (Кушевская, 1868 г.).

Однако, не всегда дѣло кончается миролюбной сдѣлкой, и порой суду приходится принуждать сыновей содержать родителей. Такъ, двухъ сыновей вдовы Б. судъ присудилъ давать пропитаніе матери „безъ всякихъ отзывовъ", но жить ей вмѣстѣ съ сыновьями въ одной комнатѣ, а не отдѣльно, такъ какъ она больна родимцемъ (мать просила объ отдѣльной комнатѣ вслѣдствіе ссоръ и обидъ) (Кушевская, 1868 г.). Въ другомъ случаѣ судъ постановилъ, чтобы сынъ давалъ ежегодно матери отсыпь по $1^1/_2$ четв. и 6 руб. на приварокъ, такъ какъ мать съ нимъ жить не желаетъ (Кушевская 1882 г.).

Приведенная выше „норма пропитанія" въ 12—15 руб. въ годъ за послѣднее время, повидимому, имѣетъ наклонность увеличиться, какъ объ этомъ можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ. Такъ, въ той-же Кушевской волости за 900-ые годы мы чаще встрѣчаемъ уже 15 руб. въ годъ, а не по 1 руб. въ мѣсяцъ. Въ Кегостровской волости кр. Иванъ Л. присужденъ былъ къ уплатѣ на пропитаніе матери ежемѣсячно по 2 руб., какъ онъ раньше добровольно согласился, но на дѣлѣ уплачивалъ лишь по 1 руб. въ мѣсяцъ (Кегостровская, 1911 г.).

Необычно большой размѣръ денежной уплаты находимъ въ Вознесенской волости въ рѣшеніи волостного суда отъ 21 VIII 1906 г.: взыскать на содержаніе матери съ Василія П. по 4 руб. ежемѣсячно впредь до возвращенія младшаго сына изъ военной службы. Но это объяснялось, видимо, тѣмъ, что при матери находились двѣ дочери, относитель-

но-же отвѣтчика судъ нашелъ, что онъ живетъ хорошо и получаетъ достаточное жалованье для того, чтобы дать матери необходимое содержаніе. Однако, рѣшеніе суда было отмѣнено, и по новому рѣшенію назначено сыну выплачивать по 3 руб. въ мѣсяцъ.

Любопытное рѣшеніе вынесъ Кехотскій волостной судъ въ 1909 году. Крестьянка Марѳа С. взыскивала съ двухъ сыновей, Петра и Леонтія, средства для продовольствія до смерти ея, въ помощь 3-му сыну, а ихъ брату Василію, на иждивеніи котораго она находится уже 9 лѣтъ, что для Василія, какъ человѣка семейнаго, обременительно. Отвѣтчики взять мать на иждивеніе согласны, платить же брату Василію ничего не желаютъ. Судъ нашелъ, что такъ какъ по словамъ Марѳы С., ей безразлично, у кого ей жить, лишь бы она была сыта и покойна, и безразлично, будутъ-ли они чередоваться или найдутъ удобнымъ жить ей у одного кого-нибудь,—а потому и постановилъ, на основаніи 159 ст. „Положенія", заставить кр.-нъ Петра, Леонтья и Василья С-хъ содержать свою мать поочередно, по 2 мѣсяца у каждаго, при чемъ предупредить ихъ, чтобы они давали матери, какъ старушкѣ, болѣе подходящую ея возрасту пищу, ухаживать за ней добросовѣстно и не обижать.

Но обязанность содержать родителей ложится не на всѣхъ сыновей: сыновья, ничего не получившіе при раздѣлѣ, обычно не участвуютъ и въ пропитаніи родителей. Такъ, старшій сынъ вдовы Д. отказался помогать матери, такъ какъ 10 лѣтъ тому назадъ они раздѣлились, и младшій, Михаилъ, получилъ изъ имущества причитающуюся ему на себя и на мать долю, а онъ ничего не получилъ кромѣ ветхаго дому. По миролюбивой сдѣлкѣ младшій сынъ обязался пропитывать мать. (Кушевская, 1881 г.).

Въ другомъ случаѣ отецъ жалуется на младшаго сына, что онъ отказываетъ матери въ *половинѣ* дневного пропитанія, такъ какъ хотя сыновей трое, но получили имущество только два". Отвѣтчикъ ссылается, что даетъ $^1/_3$ часть и впредь согласенъ давать ее, такъ какъ сыновей трое. Судъ постановилъ обязать отвѣтчика давать своему отцу и матери дневное пропитаніе въ *половинномъ* количествѣ—3 пуда хлѣба въ теченіе полгода и на харчи 60 коп. въ мѣсяцъ, уплативъ половину подати и прочія повинности за одну душу и доставить дровъ въ теченіе года около 6 саж., отнюдь не стѣсняя въ этомъ отца и матери (Кушевская, 1881 г.).

Что обязанность пропитанія родителей вытекаетъ изъ надѣленія сына имуществомъ, довольно опредѣленно высказанно въ одномъ договорѣ, заключенномъ между отцомъ и сыномъ В. Отецъ передаетъ сыну, вслѣдствіе отхода его, пахотный и сѣнокосный надѣлъ и право совмѣстнаго пользованія овиномъ, гумномъ и баней, впредь до выстройки ихъ. „Кромѣ изложеннаго Ив. В. ничего не получаетъ, а также отказывается отъ всякаго участія въ пользованіи домомъ и другими постройками и имуществомъ, а *вслѣдствіе сего не обязанъ давать отцу или матери никакихъ средствъ на ихъ существованіе*" (к. н., изъ книги договоровъ и сдѣлокъ Кушевскаго вол. правл. за 1908 г.).

Въ волостномъ судѣ той же Кушевской волости разбирались два весьма интересныя дѣла, возникшія по требованію родителей пропитанія отъ трехъ своихъ сыновей, уплаты подати за душу отца, уплаты долга въ 2 р. 90 к. за комитетскій хлѣбъ, долга вспомогательной кассѣ 4 р. 44 к., уборки сѣнокоса и обработки пашни. Характерны отвѣты сыно-

вей, данные ими на судѣ. Старшій, Павелъ, заявилъ, что уплачивать $1/3$ часть податей и по 3 рубля матери согласенъ, а долгъ платить нѣтъ, „такъ какъ долгъ комитету сдѣланъ отцомъ уже послѣ того, какъ онъ раздѣлился, а въ числѣ кассоваго долга отца имъ ранѣе сего уплачено, въ 1885 г. и 1886 г., 18 рублей, косить и обрабатывать земельный надѣлъ не согласенъ, такъ какъ отецъ къ этому самъ имѣетъ силы. Второй сынъ, Венедиктъ, тоже согласенъ лишь на уплату податей и содержаніе матери, долгъ-же находитъ для себя обременительнымъ, потому что раньше уплачивалъ за душу отца по 2 руб. въ годъ и кромѣ того отецъ пользовался его землей за 7 лѣтъ военной службы, а обрабатывать землю не желаетъ, не имѣя на это силъ. Наконецъ, младшій, Николай, повторилъ то-же самое, что и старшіе братья, указавъ, что хлѣбнаго долга онъ заплатилъ за отца 4 р. 95 к., а остальной долгъ уплачивать и землю обрабатывать несогласенъ, такъ какъ уплатилъ отцу на печку 3 р. деньгами и на дрова 1 рубль. При этомъ онъ добавилъ, что отецъ, напиваясь часто пьянъ, производитъ скандалы, а потому онъ проситъ обязать отца прекратить это безпокойство какъ для него, такъ и для матери. Судъ нашелъ просьбу старика К. заслуживающей уваженія, а отзывы сыновей неосновательными и опредѣлилъ взыскивать съ нихъ на пропитаніе матери по 3 р. съ каждаго, взыскать съ нихъ-же долгу 2 р. 90 к. и 4 р. 44 к. съ % и обязать ихъ обрабатывать душевой земельный надѣлъ отца и уплачивать подати по равной части съ каждаго (Кушевская вол. 1898 г.). Здѣсь мы встрѣчаемся какъ со взглядомъ дѣтей на свои обязанности по содержанію стариковъ-родителей, такъ и на самыя детальныя имущественныя отношенія между тѣми и другими, доходящія до высчитыванія 3 р. на печку и 1 рубль на дрова.

Еще болѣе характерно другое дѣло: крестьянинъ Б. жалуется на свою мать, что она ночью унесла принадлежащія ему различныя вещи (перечисляетъ ихъ) и проситъ о взысканіи ихъ съ нея. Мать отвѣчаетъ, что дѣйствительно взяла эти вещи и *продала ихъ на пропитаніе*, въ котором сынъ ей отказывалъ $1^1/_2$ года, а потому и возвратить ихъ не можетъ и проситъ взыскать съ сына на пропитаніе по 12 пуд. муки въ годъ и по 50 к. въ мѣсяцъ на харчи. Судъ нашелъ заявленіе отвѣтчицы въ первомъ и во второмъ случаѣ заслуживающимъ уваженія, а отзывъ Б. и его заявленіе неосновательнымъ и опредѣлилъ въ искѣ Б. отказать, взыскавъ съ него по 12 пуд. муки и 50 к. въ мѣсяцъ (Кушевская 1899 г.).

Вопросъ объ обязанности дѣтей давать пропитаніе родителямъ иногда становится предметомъ обсужденій и со стороны сельскаго схода. Такъ, въ книгѣ приговоровъ Куростровскаго сельскаго общества за 1909 г. находимъ интересный приговоръ схода. Крестьянкѣ А—й было назначено по рѣшенію волостного суда 1907 г. по 2 р. ежемѣсячно на пропитаніе отъ сына, но послѣдній проживаетъ въ Петербургѣ и за 2 года уплатилъ всего 10 руб. и въ Петербургѣ найти его не могутъ; земельный его надѣлъ сдаетъ исполу жена его, а А—й, между тѣмъ, взять средствъ на пропитаніе не откуда.

Сходъ единогласно постановилъ отобрать вышеозначенный душевой надѣлъ отъ арендатора его и передать А—й до прибытія ея сына, который, возвратившись, имѣетъ право взять землю обратно, уплативъ матери всѣ слѣдуемыя съ него деньги, а также уплативъ и за обработку земли, если она окажется засѣяна (Куростр. об., Ломонос. вол.).

Въ другомъ случаѣ крестьянка Т. Ш—ва обращалась къ сходу съ жалобой на невѣстку, будто-бы та отобрала у нея надѣлъ ея умершаго сына, а ей, невѣсткѣ, мужа. Хотя въ дѣйствительности это оказалось неправильно, сходъ все же вынесъ приговоръ, которымъ передавалъ надѣлъ Т. Ш—й, такъ какъ она „при старости лѣтъ и слабости здоровья безъ земельнаго надѣла болѣе средствъ къ жизни не имѣетъ, а невѣстка ея, какъ человѣкъ молодой, можетъ пропитываться отъ работы рукъ своихъ, въ домѣ умершаго мужа имѣетъ помѣщеніе, телку и часть домашняго заведенія и мужнину одежду" (Приговоръ Богоявленско Ухтостровскаго с. об ва 1891 г.). Наконецъ, сельскій сходъ признаетъ обязанность содержать стариковъ родителей даже такимъ дальнимъ „дѣтямъ", какъ второй мужъ ихъ невѣстки, т. е. жены ихъ умершаго сына. Такъ, Быстрокурскій сельскій сходъ обсуждалъ старое условіе между кр. Р. и вторымъ мужемъ его невѣстки, С—мъ, оспариваемое Р—мъ и постановилъ не утверждать его „по той причинѣ, что пропитаніе престарѣлыхъ Р—хъ падаетъ на С—ва, а не на малолѣтнюю дочь, Пелагею С." (Приговоръ Быстрок. об ва 1900 г.).

Если волостные суды обычно строго слѣдятъ затѣмъ, чтобы обязанность дѣтей по содержанію престарѣлыхъ родителей выполнялась ими какъ слѣдуетъ, то изъ этого все-же нельзя заключить, чтобы всякія претензіи родителей относительно пропитанія удовлетворялись судами. Встрѣчаются случаи, когда суды и отказываютъ въ такихъ требованіяхъ.

Крестьянка Кушевской вол. Л—ва проситъ о взысканіи съ проживающаго въ Петербургѣ *пасынка* ея Ивана Л. на поддержаніе хозяйства и пропитаніе 4 малолѣтнихъ дѣтей и уплату подати по 60 р. въ годъ впредь до нахожденія его въ отлучкѣ. Судъ отказалъ ей, такъ какъ при разборѣ дѣла выяснилось, что Ив. Л. высылаетъ матери по мѣрѣ возможности и кромѣ того она пользуется его надѣльной землей (Кушевская, 1899 г.).

Причиной отказа является также самовольный раздѣлъ тяжущихся. Такъ, было отказано въ жалобѣ кр-нкѣ Ф. на старшаго сына, что тотъ не обрабатываетъ надѣла младшаго ея сына, умершаго на военной службѣ, и не даетъ отопленія для комнаты ея съ дочерью. Сынъ соглашается обрабатывать землю и давать пропитаніе, если мать отдастъ ему половину расчистокъ, принадлежащихъ общей ихъ семьѣ. Судъ постановилъ отказать Ф—ой и приказать ей и сыну „вновь соединиться по прежнему въ одну общую семью, *согласно правилъ* о разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ, при чемъ въ этой общей семьѣ *мать Ф. должна быть управительницей всего дома и хозяйства*, а сыну находиться въ полномъ ея повиновеніи, *какъ матери и какъ старшаго члена семьи* (к. н.). За разрѣшеніемъ раздѣла обратиться къ сельскому сходу и лишь по полученіи узаконеннаго приговора на раздѣлъ, мать Ф. можетъ вновь обратиться въ судъ съ жалобой на сына объ отказѣ ей въ пропитаніи, отопленіи, обработкѣ земли и пр. (Кушевская 1889 г.).

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ читатель могъ видѣть, что требованія, предъявляемыя родителями къ дѣтямъ, касаются не одной обязанности пропитані . Часто м жду ними возникаютъ и тяжбы иного рода. Въ основѣ ихъ лежитъ требованіе отъ дѣтей повиновенія и извѣстной степени уваженія.

Чтобы не возвращаться болѣе къ претензіямъ родителей къ дѣтямъ, приведемъ еще нѣсколько случаевъ, характеризующихъ взаимныя отношенія тѣхъ или другихъ, главнымъ образомъ, въ семьяхъ еще не раздѣлившихся.

Вдова Ч. жалуется на сына, что онъ притѣсняетъ ее послѣ ухода младшаго сына въ солдаты. Состоялась добровольная сдѣлка, по которой сынъ обязался обрабатывать всю землю на одну душу брата, до возвращенія того изъ военной службы, а также доставлять „дрова, свѣту и воды“, деньгами на продовольствіе по 5 руб. въ годъ и не стѣснять въ домашней жизни мать и сестру (Кушевская, 1881 г.).

Въ Кехотской волости мать проситъ закликать *) ея сына Ивана, чтобы онъ не тащилъ ничего изъ дому и ее съ дѣтьми не изгонялъ и давалъ бы семейству свободу въ домѣ вести хозяйство, а равно и свободу въ работѣ, а также не запиралъ-бы хлѣба и прочихъ жизненныхъ продуктовъ“. Сынъ отвѣчаетъ, что, билъ мать, но только за дѣло, за то, что не ладно сестры дѣлали“. (Кехотская вол., 1890 г.).

Вообще жалобы на обиды и оскорбленія со стороны дѣтей—далеко не рѣдкія дѣла въ волостныхъ судахъ. Рѣшенія волостныхъ судовъ бываютъ весьма различны. Иногда они ограничиваются однимъ „строгимъ внушеніемъ“, чтобы сынъ не наносилъ оскорбленія и былъ въ повиновеніи родителямъ (Кехотская, 91 г. и др. дѣла); порой прибавляютъ къ этому угрозу строгаго наказанія, если будетъ вторичная жалоба. Такъ, отецъ привлекаетъ двухъ сыновей за буйное поведеніе и за побои своимъ женамъ. Отвѣтчики виновными себя не признали, и судъ постановилъ наказанію не подвергать, „но внушить, что на будущее время должны соблюдать къ отцу сыновнее почтеніе, и если вновь на судѣ возникнетъ подобное дѣло, то судъ примѣнитъ къ нимъ самое строгое наказаніе“ (Кехотская, 1902 г.).

Чаще налагается въ подобныхъ случаяхъ арестъ на виновныхъ, при чемъ бываетъ, что судъ находитъ неправой и другую сторону и подвергаетъ наказанію также и ее. Такъ, Татьяна К. просила Кегостровскій вол. судъ подвергнуть наказанію невѣстку ея, Анну К., за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ, а сына Александра за то, что онъ заставляетъ свою жену бить ее, заявительницу. Отвѣтчики отрицали справедливость заявленія ихъ матери. Судъ нашелъ *по личному своему убѣжденію*, что свекровь побила невѣстку, а послѣдняя, въ отвѣтъ, нанесла ей оскорбленіе; относительно-же сына заявительницы, Василія К. „фактъ ничѣмъ не доказывается“, а потому постановилъ: подвергнуть аресту при волостномъ правленіи Татьяну К. на 2 сутокъ, а Анну К. на 1 сутки. (Кегостровская вол. рѣшенія вол. суда 1901 г.).

Но прежде, до 1904 года, назначалось порой за оскорбленіе родителей и оказаніе имъ непочтенія или неповиновенія и *тѣлесное наказаніе*. Приведемъ три случая, касающіеся именно семейныхъ отношеній, когда судомъ было примѣнено тѣлесное наказаніе. Кушевскій волостной старшина заявилъ, что крестьянинъ Глѣбъ О. „позволяетъ себѣ постоянно пьянствовать и производить скандалы въ семьѣ“. О. сознался, что *ударилъ тещу*, а свидѣтели заявили, что О. часто скандалитъ. Судъ призналъ О. виновнымъ въ постоянномъ пьянствѣ, производствѣ скандаловъ и оскорбленіи тещи, а потому на основаніи 496 и 498 ст. устава объ ул.

*) Слово „закликать“ часто встрѣчается въ приговорахъ судовъ, употребляется здѣсь сознаніемъ запретить, заставить не дѣлать чего-либо.

и нак. сем. опредѣлилъ подвергнуть его наказанію розгами, 10 ударами (Кушевская вол., 1898 г.).

Крестьянинъ Г. жаловался на сына, что тотъ нанесъ ему побои, такъ что онъ боленъ. и обругалъ паскудными словами. Сынъ отрицаетъ, говоря, что отецъ былъ пьянъ и ругалъ сестеръ, а ушибся самъ. Судъ опредѣлилъ: за нанесеніе оскорбленія и побоевъ отцу, какъ оказалось по допросамъ, на основаніи 102 ст. „Положенія“, подвергнуть виновнаго 10 ударамъ розогъ. (Кушевская вол., 1881 г.).

Наконецъ, въ той-же Кушевской волости, уже въ годъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, былъ подобный случай назначенія по суду розогъ. Кр. Б. жаловался на сына Петра, что тотъ ушелъ самовольно изъ дому для особаго проживанія, а на-дняхъ взялъ сапоги, двѣ дуги и шлею— всего на сумму 8 руб. Проситъ о возвращеніи вещей и наказаніи сына. Сынъ объяснилъ, что сапоги взялъ съ разрѣшенія отца, дугу *купилъ на свои средства,* а шлею нашелъ и потому вещей этихъ отдать не согласенъ. Судъ нашелъ, что семейство Б. нераздѣльно, а потому отзывъ отвѣтчика неоснователенъ и взятіе вещей составляетъ самовольство. Состоялось рѣшеніе—отобрать вещи, и Петра Б. наказать *20 ударами розогъ* (Кушевская, 1904 г.).

Надо, впрочемъ оговориться, что подобный случай назначенія тѣлеснаго наказанія, да еще въ размѣрѣ 20 ударовъ, единственный изъ всѣхъ просмотрѣнныхъ нами рѣшеній, и всего вѣрнѣе предположить, что назначено такое строгое наказаніе по настоянію отца, пустившаго въ ходъ, быть можетъ, и угощеніе, и другіе способы воздѣйствія на совѣсть судей. И, надо думать, что отецъ добился лишь одного—постращать сына, такъ какъ вещи были отобраны, наказаніе же не приведено въ исполненіе вслѣдствіе прощенія отца.

Вообще надо сказать, что волостными судами какъ нашего района, такъ, повидимому, и другихъ мѣстностей Архангельской губерніи, тѣлесное наказаніе назначалось весьма рѣдко, особенно за послѣдніе лѣтъ 30. Притомъ же примѣнялось оно, гл. обр., въ дѣлахъ о покражѣ. Въ этомъ отношеніи Архангельская губернія выгодно отличается отъ многихъ другихъ россійскихъ губерній, гдѣ рѣдкій волостной судъ проходилъ безъ того, чтобы кто нибудь не легъ на лавку подъ розги. По даннымъ, приводимымъ во II т. „Обычнаго гражданскаго права. Пахмана, за простое неповиновеніе родителямъ чаще всего слѣдовало наказаніе розгами; точно также за непочтеніе, нерадѣніе къ хозяйству и дурное поведеніе, при чемъ тому-же наказанію подвергались и родители, если ихъ поведеніе оказывалось неодобрительнымъ. Пахманъ указываетъ, что были случаи наказанія даже 50 розгами, за побои матери со знаками на тѣлѣ (въ Московской губерніи, см. вообще гл. III указаннаго сочиненія, во II томѣ).

Любопытный еще способъ воздѣйствія былъ употребленъ однимъ „родителемъ“ по отношенію къ непокорному своему зятю. Крестьянинъ Иванъ К. обратился къ Немировскому нечищному сходу съ просьбой о выселеніи изъ дому зятя его Константина В. за его скверное обращеніе съ нимъ и „вообще за всѣ отношенія сквернословныя“. Сходъ постановилъ: „просьбу К. о выселеніи его зятя изъ дому, какъ и вреднаго че-

ловѣка для нашей деревни, удовлетворяемъ и просимъ подлежащее начальство оказать полное содѣйствіе И. К—у въ его просьбѣ“ (Книга приговоровъ Кегостровской вол. 1909 г.).

Однако начальство не пришлось тревожить, и К. В. и до сихъ поръ живетъ съ тестемъ, который, очевидно, хотѣлъ лишь „попугать“ строптиваго зятя, а немировскіе „граждане“, вѣроятно, и забыли о томъ, что среди нихъ проживаетъ „вредный для деревни человѣкъ“.

Глава четвертая.

Отношенія между родителями и дѣтьми. Жалобы дѣтей на родителей. Основа ихъ — имущественныя стѣсненія. Положеніе вдовыневѣстки. Договоры и сдѣлки между родителями и дѣтьми. Наслѣдованіе въ силу завѣщанія.

Въ предъидущей главѣ мы познакомились съ притязаніями и требованіями, предъявляемыми родителями къ дѣтямъ. Посмотримъ теперь, какого рода жалобы возникаютъ со стороны дѣтей по отношенію къ родителямъ.

Василій Л. подаетъ заявленіе на отца и мать съ нераздѣльнымъ ихъ семействомъ объ обидахъ, наносимыхъ ему, и проситъ о выдѣлѣ подлежащей ему части изъ движимаго и недвижимаго имущества для проживанія въ особомъ покоѣ во избѣжаніе обидъ. Дѣло кончается по согласію — имущество раздѣляется, причемъ частью его обѣ стороны должны пользоваться совмѣстно и безпрепятственно тому и другому. (Кушевская вол., 1867 г.).

Крестьянинъ Т. жалуется на мачеху вдову, что она продала домъ сосѣду А. за 50 рублей, изъ которыхъ получила 15 руб., а между тѣмъ онъ, Т., есть наслѣдникъ и такой же участникъ въ этомъ имуществѣ. Состоялась добровольная сдѣлка, причемъ мачеха обязалась уплатить пасынку 15 р., а купившій домъ сосѣдъ А. долженъ также уплатить ему 15 р. и дать мачехѣ его въ купленномъ домѣ отдѣльный покой для жительства, до ея смерти. (Кушевская, 1866 г.).

Василій К. жалуется на отца. Онъ уплатилъ за отца 74 р. долгу, за что тотъ отдалъ ему въ распоряженіе все имущество, а теперь стѣсняетъ его въ домашней жизни. Отецъ указываетъ, что не желаетъ жить вмѣстѣ съ сыномъ вслѣдствіе ссоръ, а желаетъ пропитываться самъ своими руками. Дѣло порѣшили миромъ, причемъ отецъ отдалъ въ вознагражденіе за уплаченный сыномъ долгъ часть имущества. (Кушевская, 1881 г.).

Кр. Ж. жалуется на отца, что тотъ выгналъ его изъ дому. Судъ рѣшаетъ, что отецъ долженъ принять сына въ домъ и не выгонять его, а сынъ состоять въ нераздѣльной семьѣ, не требуя отъ отца урожая хлѣба и сѣна, но въ отношеніи пропитанія долженъ находиться за однимъ столомъ съ отцомъ, *считая послѣдняго главою всей семьи* (к. н.). Однако, между тяжущимися состоялось примиреніе, и сынъ получилъ отъ отца земельный надѣлъ особо. (Кехотская вол., 1891 г.).

Не всегда, конечно, дѣло кончается миролюбно, и судъ иной разъ постановляетъ рѣшенія, которыя приходится приводить въ исполненіе черезъ старосту. Крестьянская дѣвица Вѣра С. жалуется на стѣсненіе ея отцомъ въ семейной жизни, такъ что совмѣстное проживаніе стало невозможно. Проситъ предоставить ей для особаго проживанія заднюю комнату съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и о взысканіи съ отца по 1 пуду муки ржаной и житной пополамъ, а также по 50 коп. въ мѣсяцъ на харчи. Отецъ въ судъ не явился, и послѣдній, довѣряя заявительницѣ, постановляетъ удовлетворить ее на основаніи постановленія Арханг. губ. по кр. д. присутствія отъ 20 января 1883 г. (Кушевская, 1904 г.).

Интересный приговоръ былъ постановленъ судомъ по одному дѣлу, изъ котораго выясняется мѣстный взглядъ на имущественныя права отца. Кр. Петръ Т. „купилъ“ вмѣстѣ съ отцомъ урожай травы на 1 годъ, но отецъ впослѣдствіи отказался отъ покупки и получилъ отданныя было деньги обратно, сыну же его пай въ 18 руб. не возвратилъ.

Отецъ объяснилъ на судѣ, что сынъ былъ вписанъ въ вексель безъ его отцовскаго согласія и кромѣ того въ то время они были нераздѣльны, и старшимъ членомъ семьи являлся онъ; поэтому отказывается уплатить сыну деньги. Судъ опредѣлилъ: хотя Петръ Т. и былъ записанъ въ вексель, но это еще не даетъ ему права на взысканіе съ отца 18 руб., *такъ какъ жилъ не въ раздѣлѣ*, и ничѣмъ не установлено, что послѣ раздѣла пожня поступаетъ обоимъ тяжущимся, а потому отказать въ искѣ Т. (Кушевская, 1904 г.).

Любопытно также одно дѣло, въ которомъ сынъ, поставленный по приговору сельскаго общества старшимъ въ семьѣ домохозяиномъ вслѣдствіе расточительности и развратной жизни отца, жалуется на растрату послѣднимъ имущества и на развратную его жизнь. Судъ постановляетъ подвергнуть В. (отца) аресту на однѣ сутки, въ виду преклоннаго его возраста. Но приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, такъ какъ вышеозначенный приговоръ сельскаго общества былъ отмѣненъ со всѣми его послѣдствіями (Кехотская вол., 1890 г.).

На этого же Ф. В. въ слѣдующемъ году жалуется невѣстка его, Ирина В., что онъ и свекровь захватили ея приданое и заперли въ ящикъ. В. объяснилъ, что сдѣлалъ это потому, что родители невѣстки не купили имъ до сихъ поръ свадебныхъ подарковъ, которые, по ихъ договору, слѣдовало подарить при выдачѣ Ираиды замужъ за ихъ сына. Судъ постановилъ отобрать отъ В—хъ захваченныя вещи и отдать Ираидѣ, *такъ какъ приданое жены признается ея собственностью*, а Ф. В. посадить на двое сутокъ подъ арестъ. (Кехотская, 1891 г.).

Такимъ образомъ, дѣла, возникающія между родителями и дѣтьми, по инициативѣ послѣднихъ, большею частью основаны на имущественныхъ отношеніяхъ, и разрѣшаются они различно—часто при помощи добровольныхъ сдѣлокъ, иногда-же властью суда въ пользу той или другой стороны.

Понятно, что особенно часто такого рода дѣла возникаютъ у вдовъ съ родителями умершаго мужа или другими его родственниками. Такъ какъ по этимъ дѣламъ мы можемъ судить о правахъ и положеніи вдовы въ семьѣ родителей ея мужа, то приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ рѣшеній.

Вдова Парасковья Ю. жалуется на свекра, что онъ не даетъ ей никакой части въ домѣ его послѣ смерти мужа, и проситъ о раздѣлѣ поровну. Состоялась довольно интересная миролюбная сдѣлка: свекоръ даетъ особую комнату въ верхнемъ этажѣ и обязуется платить въ теченіе 5 лѣтъ по 10 руб. въ подати, а земельнымъ участкомъ владѣть Парасковьѣ съ *тѣмъ, чтобы послѣ смерти свекра выплатить его сыновьямъ* (значитъ, ея деверьямъ) изъ скота одну корову, хлѣба 1/3 часть, отапливать комнату въ теченіе года и такое-то движимое имущество. (Кушевская, 1867 г.).

Въ другомъ случаѣ бездѣтная вдова Б. жалуется на свекра, что онъ сталъ дѣлать ей стѣсненія и наконецъ отказалъ во всемъ хозяйствѣ и не вознаградилъ за труды никакимъ имуществомъ, а даже заложилъ ея соболій воротникъ изъ приданаго и забралъ въ разное время 9 руб. для домашнихъ надобностей. Судъ опредѣлилъ, что свекоръ долженъ воротникъ возвратить Б—ой: а „принимая во вниманіе, что она, Ирина, *какъ жившая немногое время въ замужествѣ*, потому и въ имуществѣ отказать“ (т. е. въ вознагражденіи за труды). (Кушевская, 1866 г.).

Вдова Елена Г—а прямо заявляетъ, что жить въ домѣ свекра послѣ смерти мужа стало невозможно и проситъ дать ей, душевой надѣлъ

мужа. По добровольной сдѣлкѣ, земля ей предоставлена до передѣла, урожай въ этомъ году пополамъ и свекру она должна уплатить 2 руб. 7 коп. (Кушевская, 1898 г.).

Въ другомъ подобномъ же дѣлѣ судъ самъ всталъ на сторону вдовы, изъ за притѣсненій свекра вынужденной уйти изъ дома; проситъ объ отобраніи отъ свекра душевого надѣла мужа и разныхъ вещей изъ имущества; если-же вещей не отдастъ, то взыскать за одинъ годъ замужества (т. е. за работу на семью свекра) 48 руб. или 30 р., уплаченные при свадьбѣ на дары. Свекоръ отдавать не согласенъ, такъ какъ невѣстка ушла изъ дому самовольно. Судъ вынесъ весьма любопытное мотивированное рѣшеніе: *„семья отвѣтчика, за смертью мужа, стала для нея чужой,* а потому совмѣстное проживаніе послѣдней въ семьѣ свекра является невозможнымъ; кромѣ того, призрѣніе просительницы, т. е. *пропитаніе ея* и пр. *лежитъ на* обязанности семейства свекра“... поэтому дать надѣлъ, а въ вещахъ отказать. Хотя рѣшеніемъ этимъ обѣ стороны остались недовольны, оно было приведено въ исполненіе. (Кушевская вол., 1908 г.).

Имущественный характеръ отношеній между родителями и дѣтьми особенно ярко проявляется въ совершаемыхъ между ними, какъ-бы между вовсе посторонними людьми, сдѣлкахъ и договорахъ.

Николай Ю., за покупкою себѣ дома, отказывается отъ дома отца и другихъ построекъ при немъ навсегда, за что отецъ обязуется уплатить сыну 50 руб. Баней и овиномъ пользоваться совмѣстно впредь до выстройки сыномъ, „и за симъ я, Николай, и мои дѣти въ означенный домъ и постройки какъ нынѣ, такъ и послѣ смерти отца вступаться не будемъ и не должны“ (Кушевская, 1901 г.).

Крестьянинъ Иванъ Л. передаетъ сыну Константину половину пахатной расчистки (на 3 мѣры) „съ правомъ пользоваться этой половиной расчистки съ настоящаго числа на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ предоставлено Ивану. Расчистку эту мы, договаривающіеся, должны раздѣлить на участки, чтобы за этимъ раздѣлить по равной части какъ хорошее. такъ и худое мѣсто въ расчисткѣ“. Всѣ сборы и огородъ тоже пополамъ. Такимъ образомъ, здѣсь эта расчистка раздѣляется, какъ надѣльная земля, не только по количеству, но и по качеству, или, какъ говорится про надѣльную землю, „по номерамъ“.

Вѣрнѣе всего предположить, что расчистка въ данномъ случаѣ была разработана совмѣстно отцомъ и сыномъ. (Книга договоровъ и сдѣлокъ Кушевской вол., 1903 г.).

Вообще же расчистки переходятъ отъ одного лица къ другому совершенно свободно и, вопреки *смыслу* (но не буквѣ) правилъ о расчисткахъ, передаются отцомъ-собственникомъ ихъ даже замужнимъ дочерямъ. Кр. Д. передаетъ безплатно принадлежащую ему расчистку своей замужней дочери „въ виду невозможности обработки за старостью и слѣпотою“, съ тѣмъ, что она можетъ пользоваться ею по своему усмотрѣнію, а равно и передать ее, какъ при жизни своей, такъ и послѣ смерти другому лицу (Кушевская вол., догов. и сд. 1903 г.).

По самому смыслу подобныхъ условій и сдѣлокъ, они сохраняютъ свою силу и послѣ смерти заключившаго его, и въ случаѣ какихъ-либо тяжбъ, являются. наравнѣ съ духовными завѣщаніями, безспорнымъ доказательствомъ правъ на имущество того лица, на чье имя они выданы. Крестьянка Кушевской волости, Марья Д. представила въ судъ условіе умершаго Дмитрія Т. о предоставленіи ей въ полное и вѣчное владѣніе его дома и имущества *за пропитаніе до старости.* Но послѣ смерти

Д. Т. въ имущество это началъ вступаться *младшій братъ* его. Судъ опредѣлилъ: такъ какъ домъ этотъ строилъ Д. Т. собственными силами безъ помощи отца и братьевъ, то въ домогательствѣ А. Т. примѣняясь къ ст. 107 Положеній 19 февраля,—отказать, предоставивъ владѣть, согласно письменному условію 1857 г.". (Кушевская, 1866 г.).

Такимъ образомъ домъ и имущество перешли въ совершенно посторонніе руки, и письменное условіе было важнѣе, чѣмъ права на наслѣдство родного брата. Отецъ имѣетъ право *завѣщать* имущество любому изъ сыновей и въ любомъ размѣрѣ. Крестьянинъ Сергѣй С. заявилъ суду, что послѣ смерти отца его остались пахатныя и сѣнокосныя расчистки, причемъ пахатными онъ пользуется совмѣстно съ двумя другими братьями, Егоромъ и Григорьемъ, сѣнокосными же пользуются только двое этихъ братьевъ; проситъ раздѣлить и сѣнокосныя на три части, предоставивъ одну часть ему. Оба отвѣтчика указали, что расчистки сѣнокосныя предоставлены имъ отцомъ по *завѣщанію*, и потому дать ихъ не согласны. Судъ нашелъ, что это дѣйствительно такъ и что „на такое предоставленіе Ап. С., согласно закону и мѣстному обычаю, имѣлъ полное право", а просителю на какую-либо часть права не предоставлено, почему и опредѣлилъ въ искѣ ему отказать.

Ниже мы еще встрѣтимся съ наслѣдованіемъ имущества по завѣщанію, теперь-же только подчеркнемъ одно обстоятельство, которое, вѣроятно, не ускользнуло и отъ вниманія читателя. Родители свободно распоряжаются, въ завѣщательномъ порядкѣ, лишь тѣмъ имуществомъ, которое составляетъ *ихъ* собственность, принадлежитъ *лично* имъ, какъ расчистки, взятыя на ихъ имя, домъ, выстроенный или купленный ими, и пр. Въ одномъ изъ завѣщаній ярко выражена эта сторона. Крестьянинъ Александръ М—въ „благословляетъ" своимъ сыновьямъ имущество подробно указываемое въ завѣщаніи, причемъ пишетъ: „и прошу въ точности все оное выполнить сіе завѣщаніе мое, никому отнюдь никакими затѣями и происками не вступаться въ оное, *такъ какъ самъ собою все оное пріобрѣлъ, движимое* и недвижимое мое имѣніе, *собственными своими трудами и все мое*". (Изъ книги б. Таврекскаго вол. правленія для записи духовныхъ завѣщаній, письменныхъ сдѣлокъ и пр. 1854 г. стр, 33).

Завѣщанія нерѣдко дѣлаются въ устной формѣ, а потому не такъ много встрѣчаемъ ихъ въ книгахъ волостныхъ правленій. Но все же тамъ попадаются различныя завѣщанія, распредѣляющія имущество между дѣтьми и другими родственниками—зятьями, внуками, братьями, дядями, племянниками и пр., и въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ нѣсколько такихъ духовныхъ. Въ одномъ изъ завѣщаній, дѣдъ передаетъ внуку *расчистки* „въ полное владѣніе" а *земельный надѣлъ* въ случаѣ его смерти, впредь до передѣла въ обществѣ земли, оставляетъ также въ пользованіи внука (Кехотская, 1907 г.).

Разумѣется, во второй своей части это завѣщаніе могло быть нарушено обществомъ, еслибы оно увидѣло, что земля „запустошается" внукомъ или тѣмъ лицомъ, отъ имени котораго онъ владѣетъ, такъ какъ распоряженіе надѣльной землей находится въ рукахъ міра, который, въ случаѣ столкновенія воли завѣщателя съ своими интересами, можетъ и не подчиниться этой волѣ.

Глава пятая.

Права и обязанности „зятя-приймака". Основная цѣль такого пріема въ семью. Пріемъ посторонняго на правахъ родного сына.

Одно изъ любопытныхъ явленій въ крестьянской жизни представляетъ пріемъ зятя въ домъ на правахъ родного сына. Въ нашей мѣстности такой пріемъ представляетъ весьма распространенное явленіе, и мы находимъ не мало документовъ, которыми опредѣляются при этомъ какъ права и обязанности „зятя-приймака", такъ и вообще обрисовываются условія возникающей при этомъ совмѣстной жизни между обѣими сторонами. Эти „дарственныя записи", условія „какъ-бы духовныя завѣщанія" и пр. даютъ также интересный матеріалъ и для уясненія взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, правъ и обязанностей тѣхъ и другихъ. Будетъ поэтому умѣстнымъ отвести отдѣльную главу разсмотрѣнію условій, при которыхъ вступаетъ въ семью жены своей зять приймакъ. Изъ десяти актовъ подобнаго рода, о которыхъ у насъ есть данныя для Кушевской и Кехотской волостей, приведемъ одинъ наиболѣе поздняго происхожденія, за 1908 годъ, сдѣлавъ къ нему добавленія, какія находимъ въ другихъ.

„1908 г. 7 февраля. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Верхне-Койдокурскаго общества, д. Затопляевской, Илья Ивановъ Ф. и кр. дер. Чухарева Василій Егоровъ С., первый съ собственнаго своего, а также жены Александры Илларіоновны и дочери Евдокіи согласія, въ присутствіи волостного правленія и нижеслѣдующихъ свидѣтелей заключили нижеслѣдующее условіе, какъ бы и духовное завѣщаніе, въ нижеслѣдующемъ: 1) съ согласія общаго со всѣхъ сторонъ мы, съ Божьяго Благословенія, возымѣли намѣреніе соединить бракомъ Вас. Ег. С. и Евд. Ив. Ф. *на правахъ зятя-приймака*; 2) при таковомъ желаніи, я, Илья Ф., предоставляю будущему моему зятю приймаку В. С. съ моею дочерью Евдокіей вступить во владѣніе *на правахъ домохозяина* всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, въ томъ числѣ и всѣми моими расчистками, сначала въ половинномъ количествѣ, а потомъ, если у насъ состоится между собою согласіе, то во всемъ полномъ, кокоторое уже и поступитъ въ полное распоряженіе зятя-приймака; 3) если-же, живя въ общей семьѣ, между нами, родителями и зятемъ произойдетъ какое либо несогласіе, то онъ, зять, оставаясь въ домѣ хозяиномъ, долженъ во избѣжаніе ссоръ предоставить родителямъ для проживанія отдѣльный покой въ домѣ, т. е. помѣщеніе и одежду при условіи, конечно, если они не въ состояніи будутъ оказывать какую-либо помощь въ хозяйствѣ своими трудами, *при каковомъ обстоятельствѣ родители не имѣютъ никакого права распоряжаться чѣмъ-либо въ хозяйствѣ*; 4) такъ какъ у насъ, Ф—хъ—о чемъ я и говорю, Илья Ф.—домъ у меня нынѣ ветхій, и если будущій зять-приймакъ С. пожелаетъ его перестроить, то я, Ф. препятствій на это не имѣю права, а, напротивъ, обязанъ оказывать зятю помощь не только физически, если позволятъ мои силы, но и матеріально, на что я располагаю, а при перестройкѣ дома зять приймакъ является полнымъ домовладѣльцемъ, конечно, при оказаніи мнѣ полнаго пособія въ продовольствіи и прочемъ необходимомъ для жизни стариковъ—чающихъ пѣть-пѣть и кончины, а потому продовольствіе это и должно ограничиваться лишь всѣмъ необходимымъ, но не излишествомъ, эксплоатировать (!) которымъ мы уже не въ правѣ; 5) въ случаѣ нежеланія зятя-приймака С. по вступленіи съ нашей дочерью

въ бракъ проживать въ нашемъ домѣ старомъ, еще до перестройки, *то онъ лишается всякаго права на владѣніе таковымъ*; 6) принадлежащія мнѣ расчистки находятся тамъ-то, которыми и можетъ пользоваться половиной при несогласіи въ семьѣ зять, а другою я самъ, П. Ф.; 7) условіе это съ обѣихъ сторонъ обязуемся соблюсти свято и ненарушимо, въ чемъ и подписуемся" (Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Кехотской вол. за 1908 г.).

Зять-пріймакъ получаетъ такимъ образомъ имущество родителей его жены „въ собственное распоряженіе ивладѣніе „навсегда" (договорное условіе Кехот. вол. 1873), или какъ еще опредѣляется это право въ другихъ подобныхъ-же актахъ—вступаетъ въ „управленіе всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ съ правомъ распоряженія имъ, какъ слѣдуетъ домохозяину" (Кушевская вол. 1903 г.), при чемъ въ одномъ случаѣ прежняя владѣлица—вдова—оговаривается, что „по совершеніи сего обряда (т. е. брака ея дочери съ принятымъ въ домѣ зятемъ) лишаетъ себя правительницею домохозяйки" (Кехотская, 1910 г.).

Въ другой дарственной записи (1855 г.) прямо сказано, чтобы будущій мужъ дочери „по женитьбѣ, поступилъ съ нею на жительство ко мнѣ въ домъ на тѣхъ самыхъ правахъ, *какъ родной сынъ*... а я желаю принять и усыновить его, а потому все свое движимое и недвижимое имѣніе дарю и представляю въ полную его собственность съ будущею женою его, а моей дочерью...

Цѣль такого принятія высказывается въ нѣкоторыхъ актахъ совершенно опредѣленно: „однимъ словомъ, В. долженъ распоряжаться, *какъ родной сынъ, а за это* обязанъ призрѣвать С—ву (тещу) какъ слѣдуетъ до смерти, т. е. давать необходимое помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, пищу, обувь, и одежду, а послѣ смерти похоронить по христіанскому обычаю" (Кушевская, 1903 г.).

Въ той или иной варіаціи это повторяется почти въ каждомъ изъ подобныхъ документовъ. „Я. Ф. обязываюсь имѣть на своемъ иждивеніи родителей моей будущей жены Елены, которыхъ и не притѣснять ни въ чемъ до ихъ смерти"... (Кехотская, 1908 г.). Или въ другомъ случаѣ: „онъ, Г., по поступленіи ко мнѣ въ домъ и по полученіи всего моего имущества долженъ меня съ женой Настасьей содержать и почитать, *какъ родителей*, и по кончинѣ нашей похоронить, какъ должно, по христіански (б. Товренская вол. 1855 г.).

Еще яснѣе это высказано въ дарственной записи 1857 г., гдѣ крестьянинъ Федоръ А. пишетъ, что послѣ смерти, годъ тому назадъ, мужа его дочери—зятя пріймака, онъ и жена сына остались „безъ всякихъ надеждъ къ поддержанію нашего дома и имущества", почему и „возымѣлъ намѣреніе къ женѣ покойнаго сына моего Матвѣя, Парасковьѣ Никифоровой принять, по женитьбѣ на дочери моей Парасковьѣ, въ домъ нашъ отставного унтеръ-офицера М. Л. *для поддержанія хозяйства, съ тѣмъ, чтобы* ему, Л—ву, меня, А—ва, поддержать и пріютить, пропитывать, обувать и одѣвать и все мнѣ въ жизни моей вспомоществованіе до конца жизни моей дѣлать" (б. Товренская вол. 1857..)

Ясно, что право на все имущество передается съ совершенно опредѣленной цѣлью, при соблюденіи извѣстныхъ условій, и въ полномъ своемъ объемѣ должно сохраняться лишь до тѣхъ поръ, пока выполняются указанныя условія. Въ дарственной 1874 года награжденіе *всѣмъ* имуществомъ является какъ бы послѣдствіемъ выполненной обязанности пропитанія зятемъ родителей жены до

самой ихъ смерти, въ чемъ они не сомнѣваются. Въ большинствѣ же случаевъ родители заранѣе дѣлаютъ оговорку, въ чемъ должны заключаться права и обязанности принимаемаго въ домъ зятя, если по какимъ либо обстоятельствамъ совмѣстное проживаніе ихъ окажется „неудобнымъ“ или между ними возникнутъ „несогласія“. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ мы видѣли выше изъ приведеннаго условія 1908 г., зять оставаясь въ домѣ хозяиномъ, все же обязанъ дать родителямъ жены помѣщеніе съ отопленіемъ и содержаніе. Иногда родители обязываются „пока есть силы, помогать зятю-пріймаку во всѣхъ предметахъ улучшенія хозяйства“ и даже помогать въ уплатѣ принятыхъ имъ долговъ, „а когда силъ нашихъ не будетъ, *что и будетъ доказано*, то всѣ уплаты долговъ, подати и прочихъ обязательствъ долженъ будетъ уплачивать зять-пріймакъ, какъ принявшій въ свое владѣніе все имущество“.

Возможенъ, однако, случай, когда зять-пріймакъ не желаетъ не только проживать въ домѣ родителей жены, но и вести переданное ему хозяйство—тогда онъ теряетъ всякое право на владѣніе имуществомъ до ихъ, родителей, смерти, кромѣ лишь благопріобрѣтеннаго, что въ случаѣ смерти и должно быть доказано“ (Кехотская в., 1908 г.).

Только что приведенное условіе заключено съ крест. Новгородской губерніи, занимающимъ какую-то должность, такъ какъ въ немъ, между прочимъ, оговорено, что если онъ будетъ переведенъ на службу въ другое мѣсто, то обязывается „высылать деньги родителямъ моей жены для поддержанія нашего хозяйства, какъ хозяинъ этой семьи и имущества, а въ противномъ случаѣ я подлежу взысканію поддержки судебнымъ порядкомъ, независимо отъ того, что я обязываюсь давать своевременно средства на продовольствіе и одежду родителей моей будущей жены“.

Трудно, кажется, выразить болѣе ясно чисто-хозяйственный характеръ вступленія зятя-пріймака въ семью родителей его жены. Но еще болѣе опредѣленно выясняется матеріальная подоплека такихъ „дарственныхъ записей“ и „завѣщаній“ въ тѣхъ случаяхъ, когда одинокіе старики, не имѣющіе дѣтей, принимаютъ въ домъ совершенно посторонняго имъ человѣка, которому и предоставляютъ „все движимое и недвижимое имущество въ полное его распоряженіе“. Здѣсь также совершенно категорически высказывается, что дѣлается это „для поддержанія старости лѣтъ нашихъ“, такъ какъ нѣтъ дѣтей и другихъ родственниковъ, которые могли бы „при старости нашихъ лѣтъ поддержать и пріютить, пропитывать, обувать и одѣвать и все намъ въ жизни нашей вспомоществованіе до конца жизни нашей дѣлать“. Имущество передается именно „съ тѣмъ, что онъ (такой то) изъ принятаго всего въ свое распоряженіе долженъ меня съ женой и матерью моею *содержать и почитать, какъ своихъ родителей*, до самой нашей смерти давать намъ приличное по крестьянскому нашему быту пропитаніе и одежду и ничѣмъ не обижать“. И такъ-же, какъ при пріемѣ зятя, такой какъ бы пріемный сынъ, взявшій имущество въ свое распоряженіе, въ случаѣ возникшихъ несогласій обязуется дать своимъ пріемнымъ родителямъ помѣщеніе и отопленіе, пріютить ихъ, дать отсыпной хлѣбъ, *„сколько законъ велитъ“*.

Со своей стороны они обязуются „не прекословить ему въ хозяйствѣ и „безъ дозволенія его не должны производить никакихъ вещей (т. е. ничѣмъ не распоряжаться)“. „Наконецъ, какъ и зять-пріймакъ, послѣ смерти своихъ пріемныхъ родителей, онъ получаетъ все ихъ имѣніе „въ свое полное и собственное владѣніе“, при чемъ также дѣлается оговорка, что „никому изъ родственниковъ ни во что не всту-

паться", потому что имъ не принадлежитъ, а все наше собственное и нами пріобрѣтенное". Въ одномъ изъ такихъ актовъ прибавлена фраза, точный смыслъ который мы не беремся объяснить: „а если кто вступится, *то за прошеніемъ подъ клятвой*, потому что все наше имѣніе прижито собственными своими трудами" (Изъ книги договоровъ и сдѣлокъ б. Товренской вол. за 1855 г. и 1858 г.).

Одна изъ дарственныхъ, на которую мы уже ссылались, даетъ подробное указаніе относительно порядка наслѣдованія переданнаго зятю-приймаку имущества. Приведемъ цѣликомъ относящееся сюда мѣсто:

„Въ случаѣ смерти С—ой (вдовы, принявшей въ домъ зятя В.) все имущество ея должно поступить В—у и родственники С—ой въ таковое вступаться не будутъ и не должны; въ случаѣ же смерти В., какъ имущество его, такъ и имущество С—ой поступаетъ въ пользу жены В. и дочери С—ой, а въ случаѣ смерти и послѣдней дѣтямъ отъ ея, и въ таковое родственники В—хъ вступаться также не будутъ и не должны. На случай-же, если дѣтей отъ упомянутой Анны В—ой—С—ой не будетъ, то при жизни самого В. *имущество поступаетъ ему* съ тѣмъ, что въ случаѣ нахожденія въ это время, Афимьи С—ой (вдовы) въ жизни, В. долженъ призпавать послѣднюю, какъ сказано выше (т. е. призрѣвать до смерти ея, давая необходимое помѣщеніе, отопленіе и пропитаніе"). (Кушевская вол., 1903 г.).

Слѣдовательно, послѣ смерти пріемныхъ родителей наслѣдуетъ зять, а послѣ него жена его, ихъ родная дочь и послѣ смерти дочери — ея дѣти; если-же дѣтей нѣтъ, то при жизни зятя имущество переходитъ къ нему съ обязательствомъ пропитанія и призрѣнія родителей, если они еще живы до самой ихъ смерти.

Ниже мы будемъ имѣть возможность сравнить порядокъ наслѣдованія въ этомъ случаѣ съ наслѣдованіемъ дѣтей, и иныхъ членовъ семьи.

Нужно замѣтить еще, что иногда поступаютъ въ „пріймаки" не только къ бездѣтнымъ родителямъ, но есть случаи, что вдова, оставшись съ малолѣтними дѣтьми, принимаетъ къ себѣ въ домъ взрослаго работника на правахъ какъ-бы управителя и домохозяина. Въ Вознесенскомъ волостномъ судѣ дважды разбиралось любопытное дѣло, разыгравшееся на такой почвѣ. Мать жаловалась на сына, что воспитала его, оставшагося послѣ смерти отца сиротой на пятомъ году, въ помощь себѣ приняла „въ пріймаки" другого крестьянина, а теперь сынъ гонитъ ее изъ дому. Она же вышла замужъ за принятаго въ домъ крестьянина, и иной усадьбы, кромѣ оставшейся отъ перваго мужа, она не имѣетъ. Судъ постановилъ: обязать Ивана Н. (сына) не притѣснять мать свою, съ семьей проживать въ общемъ домѣ, а въ случаѣ тѣсноты найти для себя помѣщеніе. Домъ признать *общимъ имуществомъ всѣхъ троихъ*—матери, сына и вотчима, который здѣсь живетъ болѣе 20 лѣтъ и имѣетъ право на землю.—Это-же дѣло разбиралось затѣмъ вторично въ судѣ, и *усадьба подъ домомъ* умершаго Федора Н. была признана за Иваномъ Невѣровымъ, но построить новый домъ онъ можетъ лишь по заключеніи сдѣлки съ матерью и вотчимомъ или-же по достиженіи того времени, когда въ домѣ этомъ нельзя будетъ проживать.

Изъ этого случая мы можемъ заключить, что „пріймакъ" при дѣтяхъ мужского пола не имѣетъ правъ на имущество, такъ какъ даже по отношенію къ матери и вотчиму было признано за ними условное право на домъ, земля же подъ домомъ—принадлежащей сыну.

Вообще мать можетъ „усыновить“ кого либо лишь при неимѣніи родныхъ сыновей, хотя-бы и отдѣленныхъ, а также и отецъ, поскольку высказывались объ этомъ сами крестьяне. При этомъ, если жена мало жила съ мужемъ (примѣрно, менѣе 10 лѣтъ), то она не можетъ усыновить посторонняго —наслѣдники не дозволятъ. Мнѣ пришлось слышать про одинъ случай, когда сынъ, выросши, вовсе выгналъ вонъ изъ дому отчима, и послѣдній, вмѣстѣ съ матерью его, перешли въ избушку, сынъ же остался жить въ домѣ. Но, повидимому, это все-же исключительный случай, такъ какъ обычно на пасынка, какъ мы видѣли выше, возлагается та-же обязанность пропитанія родителей, какъ и на родныхъ дѣтей.

Глава шестая.

Права дѣтей въ нераздѣльной семь
Способы раздѣла и перехода имуществ
Имущественныя отношенія между братьям
Положеніе сестеръ при братьяхъ.

Пока дѣти живутъ въ семьѣ родителей, они, какъ общее правило не имѣютъ отдѣльной собственности. Пріобрѣтать что нибудь *для себ* они не могутъ--все заработанное ими поступаетъ въ общую семейну собственность. Однако, изъ этого „общаго правила", есть не мало исклю чeній.

Прежде всего—дареное и унаслѣдованное имущества. „Дареное по словамъ крестьянъ, „не отнимается и не продается", хотя-бы даж и въ случаяхъ крайней нужды, безъ согласія его собственника. Въ о номъ изъ приговоровъ Богоявленско-Ухтостровскаго общества, межд прочимъ, сынъ, въ отвѣтъ на жалобу отца сходу, что онъ взялъ из дому и заложилъ тулупъ, пальто, лошадиную сбрую и хлѣбъ, объя няетъ, что платье онъ дѣйствительно взялъ, потому что оно его, лош диная сбруя дана ему тестемъ, которую тотъ и взялъ обратно, а хлѣб онъ не бралъ и т. д. (Приговоръ Бог.-Ухт. с. об-ва 6/IV 1797 г.).

Возможно, что упомянутая сбруя дана была дѣйствительно на вре мя, но возможно, что сынъ, для большей безопасности, передалъ е самъ тестю или уговорился съ нимъ заранѣе относительно ея. Носил ная-же одежда, конечно, считается собственностью того лица, котор пользуется ею постоянно. Но если-бы дѣти вздумали реализовать эт собственность, то рисковали-бы остаться раздѣтыми, такъ какъ взят средствъ на пріобрѣтеніе другой неоткуда безъ согласія родителей другихъ членовъ семьи.

Однако, можно встрѣтить не мало указаній, что дѣти имѣют свою собственность и помимо дареннаго и унаслѣдованнаго. Хотя пред полагается, что всѣ заработанныя деньги поступаютъ въ общую семей ную собственность, но въ дѣйствительности дочь или сынъ далеко н всегда и не все заработанное ими отдаютъ въ семью. Волостные суды впрочемъ, несклонны признавать за дѣтьми права на такую собствен ность и, въ случаѣ споровъ съ родителями, рѣшаютъ дѣла въ польз послѣднихъ.

Затѣмъ, у дочерей есть тоже имущество, которое считается как бы ихъ собственностью—это приданое.

Но приданое готовятъ не онѣ однѣ, а также мать и отецъ; в накопленіи и пріобрѣтеніи его участвуютъ также и братья, поскольк они вкладываютъ свой трудъ въ созданіе семейной собственности. I потому до выхода своего въ замужество приданымъ дочь не имѣет права распоряжаться по своему усмотрѣнію. Это какъ-бы неприкосн венный капиталъ дѣвушки, находящейся въ пассивномъ состояніи д момента сватовства.

При такомъ положеніи дѣла ясно, что между братьями и сестрам въ простой семьѣ при живыхъ родителяхъ не можетъ быть никаких *юридическихъ* взаимоотношеній. Всѣ они имѣютъ одинаковыя другъ с другомъ права на потребляемую, такъ сказать, ими часть семейной соб ственности и одинаково *безправны въ распоряженіи* какой-либо частью это собственности по своему усмотрѣнію. Юридическія отношенія межд членами семьи возникаютъ лишь съ момента распаденія семьи—съ то го момента, когда изъ состава нераздѣльной до тѣхъ поръ семьи вы

ходитъ хотя бы одинъ прежній ея членъ. Выходъ одного изъ братьевъ влечетъ за собой выдѣлъ ему части семейнаго имущества, при чемъ доля каждаго изъ остальныхъ братьевъ соотвѣтственно уменьшается или фокультативно, если они остаются еще въ семьѣ, или въ дѣйствительности, если они также идутъ въ раздѣлъ. Здѣсь уже создается почва для взаимныхъ юридическихъ отношеній, внѣшне выражающихся въ заключеніи между участниками семьи разнаго рода актовъ (раздѣльные приговоры, добровольныя сдѣлки, дарственныя и т. д.) и въ возникновеніи многочисленныхъ жалобъ и исковъ.

Раздѣлъ имущества можетъ совершаться по духовному завѣщанію родителей, письменному или выраженному ими въ устной формѣ, по раздѣльному приговору, путемъ запродажныхъ и дарственныхъ записей и пр., наконецъ, по рѣшенію суда на основаніи документовъ или мѣстныхъ обычаевъ. А такъ какъ между этими способами раздѣла имущества существуетъ довольно большая разница, то и въ самомъ распредѣленіи его между членами семьи мы встрѣчаемъ не мало отличій.

Менѣе всего встрѣчаетъ возраженій ясно выраженная въ письменной формѣ воля завѣщателя, которой обычно подчиняются безпрекословно и сами наслѣдники, и которой руководствуются суды въ случаѣ оспариванія ихъ одной изъ сторонъ. Мы уже видѣли выше (въ гл. V) примѣры родительскихъ духовныхъ завѣщаній и болѣе подробно скажемъ объ этомъ въ главѣ VIII о порядкѣ наслѣдованія въ крестьянской семьѣ. Приведемъ здѣсь лишь одинъ интересный случай, когда обѣ стороны ссылались на волю завѣщателя.

Крестьянинъ Верхне-матигорскаго общества И. Л. заявилъ суду, что мать его передъ смертью раздѣлила его съ двумя братьями и сестрой, при чемъ каждому надѣлено: ему, Ивану, корова и телка и передняя комната въ верхнемъ этажѣ, Якову—внизу комната и боковая, безъ оконъ, и корова съ лошадью, и Алексѣю—телка, конь и передняя комната въ верхнемъ этажѣ, сестра Екатерина была надѣлена иконой Божьей Матери и Спасителя въ кіотѣ и задняя комната въ верхнемъ этажѣ *съ тѣмъ, чтобы эта икона и комната поступили тому изъ братьевъ, кто выдастъ сестру въ замужество.* Тѣ братья будто бы отказались и онъ выдалъ сестру, истративъ на это 60 руб.; но Яковъ захватилъ икону и комнату, вслѣдствіе чего онъ, истецъ, и проситъ судъ объ отобраніи у Якова поименованнаго имущества. Отвѣтчикъ Яковъ объяснилъ, что не отдастъ иконы, такъ какъ она была заложена покойнымъ отцомъ и имъ выкуплена, а комнату ему благословила мать *по духовному завѣщанію* за то, что пропитывалъ ее до смерти, похоронилъ за свой счетъ и уплатилъ за чтеніе псалтыря по умершей въ теченіе 6 недѣль.

Судъ нашелъ, что икона и комната по духовному завѣщанію 1889 г., составленному въ присутствіи двоихъ понятыхъ, предоставлены умершей Якову Л., поэтому опредѣлилъ: *просьбу Ивана Л. оставить безъ послѣдствій,* а такъ какъ духовное завѣщаніе не оплачено гербовымъ сборомъ, то представить его по принадлежности въ Архангельскую казенную палату (Рѣш. вол. суд. Кушевской вол. 1898 г.).

Итакъ, судъ отказалъ въ этомъ случаѣ истцу, несмотря на то, что онъ также ссылался на устно выраженную волю матери при раздѣлѣ сыновей и на такой высокій аргументъ, какъ затрата 60 руб. на свадьбу сестры. Но отвѣтчикъ также несъ расходы по пропитанію матери и ея похоронамъ и кромѣ того, имѣлъ въ своихъ рукахъ письмен-

ное, хотя и не оплаченное гербовымъ сборомъ, духовное завѣщаніе, и этимъ выигралъ дѣло.

Съ раздѣльными актами мы тоже знакомы изъ второй главы. При выдѣлахъ, какъ мы уже знаемъ, воля отца играетъ первенствующую роль. Единственное имущество, въ правѣ распоряженія котораго отецъ до извѣстной степени ограниченъ—это надѣльная земля. Часто отецъ лишаетъ „непокорнаго“ сына и душевой земли. Порой въ это вмѣшивается, однако, община, если отецъ почему-либо упорствуетъ въ своемъ нежеланіи дать сыну душевой надѣлъ.

Быстрокурскій сходъ пересматривалъ раздѣльный приговоръ о раздѣлѣ семейства Б. и рѣшилъ, что постановить таковой невозможно вслѣдствіе несогласія старшаго члена семьи Гаврилы Б., который, несмотря на неоднократное заявленіе старосты, на сходъ не явился и уважительныхъ причинъ своей неявки не представилъ. Вслѣдствіе сего сельскій сходъ постановилъ предоставить Якову Б. (сыну) пользованіе земельнымъ участкомъ, принадлежащимъ на его душу, что же касается остального имущества и дома, то предоставить Б. обратиться въ волостной судъ (Приг. Быстрок. с. схода 1902 г.).

Съ другой стороны, община можетъ переданный отцомъ сыну надѣлъ отобрать отъ послѣдняго, въ случаѣ запущенія земли, и передать его снова отцу, какъ это можно видѣть изъ приговора того же Быстрокурскаго схода въ 1884 г. („имѣя въ виду развратную и нерачительную жизнь В. Д., отобрать отъ него пахатную и сѣнокосную землю и передать отцу его“... при чемъ интересно, что иниціатива заявленія о запущеніи земли исходила отъ отца).

Остальное имущество распредѣляетъ по своему усмотрѣнію, и обдѣленные сыновья сохраняютъ одно лишь право—меньшее участіе въ пропитаніи родителей, по сравненію съ другими братьями, или даже вовсе отказъ содержать родителей въ старости. Право, которое волостнымъ судомъ, то оспаривается, то подтверждается, въ зависимости отъ разнообразія тѣхъ индивидуальныхъ случаевъ, какіе при этомъ могутъ возникнуть. Часто, однако, распредѣленіе имущества при семейныхъ раздѣлахъ происходитъ при непосредственномъ участіи общины. Въ этихъ случаяхъ дѣлящіеся также подчиняются ея рѣшенію, и волостные суды, въ случаѣ возникновенія споровъ между раздѣлившимися, выносятъ рѣшеніе владѣть каждой сторонѣ „согласно раздѣльнаго приговора“ (Кушевской вол. 1904 г., № 51 и др.).

Что касается того случая, когда сынъ уходитъ въ зятья въ другой домъ, то, повидимому, онъ сохраняетъ право па имущество, если этотъ уходъ совершается по согласію родителей. Любопытный приговоръ находимъ въ Быстрокурскомъ обществѣ по поводу такого ухода. Изъ построекъ сынъ ничего не получилъ, такъ какъ отходитъ въ домъ, а взамѣнъ получилъ отъ отца вознагражденіе деньгами 30 руб. и отецъ, кромѣ того, сыгралъ свадьбу на свой счетъ; надѣльная-же земля раздѣлена между ними по числу душъ—по 1/2 дес. пахатной и по 1 дес. сѣнокосной на душу. Причемъ интересно, что сынъ уходитъ въ другую деревню, хотя и того-же сельскаго общества, но составляющую въ отношеніи пахатной земли самостоятельную земельную общину.

Очень часто случается, что раздѣлившіеся братья живутъ въ одномъ домѣ, но въ разныхъ его половинахъ, и нерѣдко такое близкое совмѣстное жительство ведетъ къ неудовольствіямъ и ссорамъ, доходящимъ до суда. Судъ рѣшаетъ въ томъ случаѣ, если одинъ изъ тя-

жущихся несогласенъ получить за свою половину деньгами, „пользоваться общимъ по равной части, не стѣсняя одинъ другого въ домашней жизни“ (Кушевская, 1881 г.).

Но нерѣдко одинъ изъ братьевъ выходитъ изъ стараго, доставшагося по раздѣлу отъ отца дома, выстроивъ себѣ новый. Тогда онъ передаетъ остающемуся брату свою часть за деньги или на иныхъ условіяхъ, причемъ пользованіе дворовыми постройками, какъ баней, овиномъ, амбаромъ, а также разными хозяйственными орудіями и предметами остается совмѣстнымъ.

Иной разъ при этомъ дѣлается оговорка, что, въ случаѣ неуплаты, продавшій свою часть братъ можетъ войти въ домъ и проживать въ немъ безъ всякаго стѣсненія (Догов. и сд., Кушевская в., 1885 г.).

Если живъ кто либо изъ родителей, пропитаніе ихъ принимаетъ на себя купившій имущество.

Занятіе отхожимъ промысломъ также нерѣдко бываетъ причиной передачи однимъ братомъ своей части другимъ. Приведемъ рѣдкій, довольно, примѣръ условія, заключеннаго между четырьмя братьями. Условіе заключено „въ виду постояннаго проживанія К, Х. въ С.-Петербургѣ“, при чемъ братья выдѣлили ему изъ „общаго принадлежащаго всѣмъ договаривающимся имущества“, 2 душевыхъ надѣла, четвертую часть расчистокъ, помѣщеніе въ домѣ, хозяйственныя постройки и скотъ. „Получая вышеуказанное, К. Х. 2 душевой надѣлъ мірской земли, расчистки и помѣщеніе въ домѣ и сараяхъ отдалъ въ арендное содержаніе Никанору и Ильѣ Х. срокомъ на 2 года за 85 руб. въ каждый, корову же, жеребца, хлѣбъ и сѣно продалъ Н. и И. за 125 руб.“. Всѣ сборы платятъ они-же, выборныя-же должности, какія упадутъ на К.—онъ исполнитъ самъ, безъ привлеченія къ тому Н. и Ильи (Кушевская, догов. и сд., 1908 г.).

Случается, что братъ, живущій на сторонѣ, окончательно не продаетъ свою часть, а лишь сдаетъ землю въ аренду на годы, иногда выговаривая себѣ право проживать въ домѣ, даже съ содержаніемъ и стиркой бѣлья, при уплатѣ за это извѣстной суммы въ мѣсяцъ (Кушевская, 1901 г.).

Въ числѣ сдѣлокъ, заключаемыхъ между братьями, мнѣ встрѣтилась одна „миролюбная запись“ еще отъ 1853 г, которую небезъинтересно привести подробно. Заключена она между двумя братьями по поводу раздѣла имущества, оставшагося послѣ родителей. Домъ въ деревнѣ и домъ въ городѣ имѣть въ общемъ владѣніи; движимость въ деревенскомъ домѣ Осипу, а въ городскомъ Федору, а что на половинѣ Осипа—тоже Осипу. Капиталомъ пользуется каждый отдѣльно, безъ участія другого, „потому что мы пріобрѣтали каждый изъ насъ самъ собственно, ибо мы живемъ отдѣльно одинъ отъ другого, какъ по домоводству, равно и по промышленности“.

Въ капиталъ послѣ нихъ не вступаться и наслѣдникамъ. „Въ случаѣ же исправленія нами общественныхъ службъ, если который изъ насъ будетъ выбранъ, тогда и другой долженъ нести сію повинность денежнымъ пособіемъ въ половинномъ количествѣ, равно и впредь (на) будущее время поступать такимъ же образомъ. А въ заключеніи обязываемся по завѣщанію родителей жить миролюбиво, по братски, и другъ друга не обижать“ (Книга дог. и сд. б. Товренской вол., 1853 г.).

Позже такого рода „записей“ мы уже не встрѣчали, и характеръ позднѣйшихъ „сдѣлокъ“ болѣе „дѣловой“, коммерческій.

Взглянемъ еще на имущественныя отношенія и столкновенія между братьями, изъ которыхъ одинъ вернулся съ военной службы. Въ 1870 г. отставной солдатъ К. К. жалуется на брата Гр., что онъ, по выходѣ его изъ военной службы, не даетъ ему никакой части въ домѣ и имуществѣ, оставшемся при поступленіи К. на службу. Отвѣтчикъ говоритъ, что „не даетъ потому какъ онъ (К) былъ въ то время малолѣтнимъ“ и *имущество пріобрѣлъ онъ, Гр., своими силами.* Между братьями состоялась миролюбивая сдѣлка, по которой Гр. далъ К. „избу и амбаръ, а вмѣсто имущества деньгами 10 руб., а затѣмъ К. не долженъ болѣе ни во что вступаться“ (Кушевская, 1870 г.).

Другое дѣло находимъ въ 1890 г. Степанъ С. взыскиваетъ съ брата Петра арендныя деньги за 6 лѣтъ владѣнія его участкомъ во время нахожденія его на военной службѣ и требуетъ наслѣдственной доли имущества (оцѣненнаго въ 30 р.). Волостной судъ, „согласно съ мѣстнымъ обычаемъ, принятымъ въ быту кр-нъ Кехотской вол., и по убѣжденію своему“ постановилъ *отказать* Степану въ его домогательствѣ, приведя интересные мотивы такого отказа:

„въ выдачѣ наслѣдства отказать въ виду того, что Степанъ С. уже получилъ по своему согласію слѣдуемую ему долю имущества и обязался къ брату своему не къ чему ни касаться, и остался надѣленнымъ ему имуществомъ доволенъ (расписка); во взысканіи же арендныхъ денегъ отказать на томъ основаніи, что земельнымъ участкомъ его, Степана С., въ первые 3 года его военной службы владѣлъ и распоряжался отецъ его, бывшій въ то время домохозяиномъ ихъ семьи, а за остальные-же 3 года не слѣдуетъ взыскивать съ П. С., потому что, хотя онъ и получалъ доходъ съ владѣемыхъ имъ надѣловъ, но въ тоже время *имѣлъ и расходы на содержаніе семейства, которымъ ему пришлось управлять* по смерти отца, такъ, напр., онъ похоронилъ отца, выдалъ въ замужество сестру и пр., да, наконецъ, если-бы требовать арендныя деньги съ брата, то Степанъ С. навѣрное бы не преминулъ бы предъявить къ брату это требованіе при отчисленіи его изъ семейства и при перечисленіи его въ другую семью, чего онъ не сдѣлалъ въ то время, *слѣдовательно, какъ видно, не признавалъ себя въ правѣ предъявлять къ своему брату означенное требованіе*“ (Рѣш. Кехотскаго вол. с. 1890 г.).

Остановимся теперь на положеніи сестеръ, проживающихъ при братьяхъ. Выходя замужъ, дочь лишается права на какую либо долю семейнаго имущества и уноситъ съ собой изъ дому лишь заготовленное для нея приданое. Дѣвушки-же дочери, послѣ смерти родителей, или живутъ при комъ-либо изъ братьевъ, или получаютъ себѣ „законную часть“ имущества и живутъ гдѣ-нибудь самостоятельно. Крестьянка К ва продала свой ветхій деревянный домъ за 40 руб., причемъ оговаривается при совершеніи сдѣлки, что „хотя у нея и есть въ живыхъ 2 сестры, Устынья и Александра, но онѣ право на домъ не имѣютъ, такъ *какъ первая получила законную часть дома въ 1878 г въ видѣ комнаты (горницу)*, проданной Ч-ву, а послѣдняя, какъ вышедшая замужъ и *лишившаяся за этимъ права на имущество по мѣстному обычаю*“ (Кушевская, догов. и сдѣлки 1901 г.).

Если сестра остается при комъ-либо изъ братьевъ, тому идетъ и ея доля наслѣдства. Два брата заключили между собой добровольную сдѣлку, при чемъ сестра осталась у брата Якова, „почему принадлежащею отцу ихъ землею должно пользоваться брату Якову вродѣ вознагражденія сестры его Анны и выдѣла имущества“ (Кушевская, 1868 г.).

Братъ долженъ и „выдать замужъ“ проживающую у него сестру, если находится женихъ, т. е. справить свадьбу на свой счетъ. Мы видѣли выше, что за это иногда братъ получаетъ особую долю имущества (Кушевская, 1898 г.—икону и комнату, по словамъ истца, хотя судъ отказалъ).

Конечно, далеко не всегда братья поступаютъ „по-братски“ по отношенію къ оставшимся на ихъ попеченіи сестрамъ, и нерѣдко послѣднимъ приходится по суду отыскивать свои права и добиваться улучшенія своего положенія.

Крестьянка Таисія Ч. жалуется на мать и брата, что они стѣсняютъ ее въ семейной жизни и отказываютъ въ помѣщеніи и въ пропитаніи; проситъ о раздѣлѣ. Отвѣтчикъ говоритъ, что не стѣсняетъ сестру, помѣщеніе и пропитаніе даетъ, а половины имущества дать не согласенъ. Судъ опредѣлилъ: въ раздѣлѣ отказать и „обязать А. Ч. не стѣснять сестры Т. въ семейной жизни, давать ей помѣщеніе въ домѣ и необходимое пропитаніе“ (Кушевская, 1898 г.)

Черезъ полгода Таисія снова жалуется на брата, прося предоставить ей переднюю комнату и выдавать 3 р. въ мѣсяцъ. Судъ отказываетъ (на основаніи прежняго рѣшенія), т. к. по рѣшенію сената отъ 28/IX 1876 г. ему не предоставлено право постановлять новыхъ опредѣленій въ отмѣну прежнихъ, а причинъ къ испрошенію разрѣшенія на пересмотръ этого дѣла нѣтъ. Поэтому судъ опредѣляетъ за разрѣшеніемъ раздѣла обратиться къ сходу, а А. Ч. обязать давать сестрѣ помѣщеніе и необходимое пропитаніе при совмѣстномъ проживаніи (Кушевская, 1898 г.).

Дѣло принимаетъ иной разъ болѣе рѣзкій характеръ—братъ просто выгоняетъ сестру изъ дому. Въ такихъ случаяхъ судъ встаетъ на сторону обиженныхъ и постановляетъ дать имъ „законную часть“ имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго „соображаясь съ обстоятельствами дѣла и по существующимъ въ волости мѣстнымъ обычаямъ“. Такого рода дѣло возникло между двумя сестрами, Дарьей и Акулиной Б. и ихъ братомъ, Васильемъ. Сестры жаловались на захватъ имущества со стороны брата (послѣ смерти отца) и на то, что онъ ихъ выгналъ изъ дому; просили о выдачѣ имъ „законной части“.

Судъ нашелъ, что просительницамъ дѣйствительно принадлежитъ законная часть имущества и, по вышеуказаннымъ мотивамъ, постановилъ: предоставить въ ихъ пользу одну малую комнату для проживанія и пользованія ею до смерти, одну телку, мѣдный самоваръ, икону Богоматери съ жемчугомъ, изъ чищеницъ, какъ пахатной, такъ и сѣнокосной земли, разработанныхъ ихъ покойнымъ отцомъ, *третью часть*, которая окажется на лицо разработанной; Василья же Б. обязать, чтобы онъ своихъ родныхъ сестеръ не обижалъ, ни словомъ, ни дѣйствіемъ, а жили-бы въ общемъ домѣ по предоставленнымъ судомъ комнатамъ согласно, не обижая ни въ чемъ другъ друга (Рѣш. Кехотскаго вол. суда, 1903 г.).

Интересная тяжба возникла между братомъ и сестрой въ 1898 г. въ Кушевской волости. Крестьянка Глафира Ч. заявила, что когда она выходила замужъ, то взяла съ собой незаконорожденнаго сына, а вмѣстѣ съ нимъ, *съ согласія брата своего*, и душевой надѣлъ. Сынъ ея умеръ, и теперь братъ не отдаетъ ей земли. Отвѣтчикъ объяснилъ, что землю отдать не согласенъ, такъ какъ онъ воспитывалъ Глафиру и сына ея съ малолѣтства послѣдняго и похоронилъ его за свой счетъ. Волостной судъ нашелъ, что „по мѣстнымъ обычаямъ, *земля надѣляется*

крестьянамъ, какъ средство къ пропитанію, а потому, если спорную землю оставить въ пользованіи просительницы, то таковая (т. е. земля), въ виду смерти ея (т. е. просительницы) сына, *будетъ какъ-бы вознагражденіемъ за воспитаніе сына*, между тѣмъ какъ воспитывалъ его братъ просительницы, Александръ, которому судъ и находитъ нужнымъ землю передать" (Кушевская вол., 1898 г.).

Здѣсь судъ встаетъ на точку зрѣнія принятаго въ сельскомъ обществѣ способа надѣленія землей на *мужскія души*, отказывая просительницѣ въ землѣ, „какъ средство къ пропитанію".

Въ главѣ о наслѣдованіи имущества въ крестьянской семьѣ нашего района мы еще разъ будемъ имѣть случай говорить о правахъ сестеръ на имущество и тамъ-же коснемся имущественныхъ правъ нѣкоторыхъ другихъ членовъ семьи.

Глава седьмая.

Отношенія между мужемъ и женой. Общій характеръ этихъ отношеній. Жалобы женъ на мужей и мужей на женъ въ волостныхъ судахъ. Взглядъ на жену, какъ на „рабочую силу“. Отвѣтственность жены за долги мужа. Приданое послѣ смерти бездѣтной жены.

Въ настоящей главѣ мы остановимся лишь на тѣхъ отношеніяхъ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ, какія создаются между мужемъ и женою по вступленіи ими уже въ бракъ, не касаясь юридическихъ отношеній, образующихся на почвѣ вступленія въ бракъ. Послѣдняя сторона вопроса и вообще разработана въ литературѣ по обычному праву довольно подробно и, въ частности, по Архангельской губерніи имѣется спеціальное изслѣдованіе о приданомъ. П. С. Ефименко (въ заключительной главѣ мы изложимъ вкратцѣ взгляды П. С. Ефименко, высказанные имъ какъ въ этой статьѣ, такъ и другихъ его статьяхъ по обычному праву).

Взаимныя отношенія между мужемъ и женою въ нашей мѣстности, въ общихъ чертахъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Мужъ является главою и домохозяиномъ, распорядителемъ надъ всѣмъ семейнымъ имуществомъ; безъ спросу и согласія мужа жена не имѣетъ права ничѣмъ распорядиться, за исключеніемъ только лично ей принадлежащей части приданаго. И даже приданое свое мать даетъ дочерямъ впослѣдствіи только „кроткимъ манеромъ“, какъ выразился одинъ старикъ-крестьянинъ, т. е. потихоньку отъ мужа, если думаетъ, что почему-либо онъ не согласенъ будетъ отдать его той или иной дочери. Безъ согласія мужа хозяйка ничего не можетъ продать изъ дому, даже „десятка яицъ“. Такъ ведется, по крайней мѣрѣ, въ старозавѣтныхъ семьяхъ—тамъ, разумѣется, гдѣ мужъ живетъ дома.

Въ семьѣ, гдѣ мужъ уходитъ на заработки, жена пользуется обычно полной свободой во всѣхъ повседневныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ и не можетъ предпринять на свой страхъ и рискъ только болѣе серьезныя предпріятія: какъ продажу скота, постройки и т. п. *). Точно также, послѣ смерти мужа вдова остается „хозяйкой“, но „дѣло“, т. е. управленіе хозяйствомъ фактически принимаетъ обычно старшій изъ неотдѣлившихся сыновей, а не она.

Что касается отношеній личнаго характера, то они сводятся, главнымъ образомъ, къ взаимной обязанности совмѣстнаго сожительства, и волостные суды крайне рѣдко, повидимому, допускаютъ разлученіе супруговъ, ссылаясь на рѣшеніе правительствующаго сената, которымъ *запрещено постановлять рѣшенія, клонящіяся къ раздѣльной жизни супруговъ.*

Конечно, бываютъ случаи притѣсненій и даже прямо жестокаго обращенія со стороны мужа, но, по словамъ стариковъ—хотя и случается, что „мужъ жену треплетъ, но нынѣ это мало бываетъ, прежде болѣе было. А теперь судъ расписку беретъ, чтобы не находилъ (т. е. не обижалъ)“. Причины семейныхъ несогласій не всегда, конечно, заключаются въ поведеніи мужа. „Есть же, что и женки дѣлаютъ пустяки“. Но въ такихъ случаяхъ иниціатива обращенія къ суду исходитъ со стороны мужа, а „женки къ суду не лѣзутъ“.

*) Въ отсутствіи мужа она имѣетъ право быть и на сходѣ, хотя здѣсь рѣдко женщины пользуются этимъ своимъ правомъ, а къ приговору, напр., онѣ совсѣмъ „не пишутся“. Надѣльной землей онѣ распоряжаются, конечно, по своему усмотрѣнію, и хотя-бы, по возвращеніи, мужъ нашелъ ея распоряженіе неправильнымъ, онъ не можетъ нарушить сдѣлки, заключенной ею въ его отсутствіе (Кушевская вол., 1904 г.).

Случается, что жена вовсе бросить мужа, и онъ не можетъ вернуть ее вовсе. Жена живетъ тогда гдѣ-нибудь на сторонѣ или у „полюбовника“, а мужъ либо остается при хозяйствѣ, либо тоже „забродяжничаетъ“. Загуляетъ мужъ на сторонѣ—жена старается „подтянуть его къ хозяйству“, и семья либо налаживается снова и все устраивается „по согласію“, либо распадается вовсе **).

Взглянемъ, какъ рѣшаютъ волостные суды возникающія между мужемъ и женой тяжбы и несогласія и въ какихъ случаяхъ становятся на ту или иную сторону. Приведемъ сначала нѣсколько примѣровъ *жалобъ женъ на мужей.*

Крестьянка А. У. жалуется на мужа Ст., что тотъ ведетъ нетрезвую жизнь, растрачиваетъ имущество, стѣсняетъ ее съ дѣтьми и наноситъ побои.

Хотя мужъ все это отрицалъ, но справедливость жалобы подтверждается старостой. Судъ опредѣляетъ: 1) воспретить С. У. растрачивать, т. е. продавать имущество, находящееся въ хозяйствѣ, и *предоставить оное въ распоряженіе жены его* по случаю нетрезвой жизни и нерадѣнія къ поддержанію своего хозяйства. Наблюденіе по сему дѣлу поручить сельскому старостѣ; 2) кромѣ того, подвергнуть С. У. аресту на трое сутокъ (Кушевская вол., 1881 г.).

А вотъ другой подобный же случай, въ которомъ судъ всталъ на сторону жены.

Крестьянка А. С. жаловалась также на нетрезвую жизнь, расточительность и скандалы со стороны мужа, что было доказано свидѣтельскими показаніями.

Судъ постановилъ подвергнуть К. С. за расточительность и пьянство аресту на 7 сутокъ и, кромѣ того, просить волостного старшину дать приказъ по волости—у К. С. безъ вѣдома его, старшины, или согласія схода, *ничего*, клонящагося къ разоренію хозяйства, *не покупать*, а если старшина усмотритъ хоть одинъ случай такой продажи, то созвать сельскій сходъ и на имущество семьи С. *наложить охрану путемъ опеки* (Кехотская вол., 1901 г.).

Въ Кушевской волости встрѣтился еще случай, когда женѣ дважды предоставлено было судомъ пользоваться половиной урожая хлѣба и сѣна съ 2-хъ-душевого надѣла мужа, съ оставленіемъ дѣтей при ней, хотя мужъ не соглашался на это и высказывалъ желаніе, чтобы дѣти были при немъ (Кушевская, рѣш. 1903 и 1904 г.г.).

Иногда судъ, впрочемъ, ограничивается болѣе мягкимъ внушеніемъ, а порой и вовсе отказываетъ въ жалобѣ жены на мужа. Крестьянка Н. О. жаловалась на нетрезвую жизнь мужа, притѣсненія и „нестерпимыя притязанія“ въ домашней жизни. Отвѣтчикъ отрицалъ, указывая, что она даже ушла самовольно изъ дому.

Судъ опредѣлилъ: *сдѣлать мужу строгій выговоръ* и обязать его дать женѣ и сыну помѣщеніе въ домѣ и не стѣснять ихъ въ домашней жизни. Оба супруга остались этимъ рѣшеніемъ довольны (Кушевская вол., 1882 г.).

Въ Кехотской волости жена жаловалась на мужа, что онъ хотѣлъ ее побить.

Судъ нашелъ, что „потерпѣвшая“ К. домогается обязательства со стороны мужа о предоставленіи ей свободы отдѣльнаго отъ него „про-

**) Всѣ поставленныя въ ковычки слова и возраженія принадлежатъ крестьянамъ, съ которыми приходилось разговаривать о ихъ семейныхъ отношеніяхъ.

живанія“, почему и оставить ея жалобу безъ послѣдствій, внушивъ отвѣтчику не оскорб..ть жены ни словомъ, ни дѣйствіемъ (Кехот., 1909 г.).

Весьма интересное рѣшеніе находимъ въ книгѣ рѣшеній Кушевскаго волостного суда за 1908 г. Крестьянка И. В. просила объ отобраніи отъ мужа ея приданаго и о взысканіи съ него за работу во время страды 15 руб., указывая, что вслѣдствіе стѣсненія со стороны свекрови и неоказанія содѣйствія къ прекращенію этого со стороны мужа, совмѣстное проживаніе съ послѣднимъ стало невозможнымъ. Мужъ отозвался, что „жену онъ не стѣсняетъ, изъ дому ея не выгонялъ, а что если у нея и происходятъ нелады съ его матерью, то изъ-за уклоненія жены отъ работы. Приданое отдѣлить онъ не согласенъ, а также и дать 15 рублей денегъ, такъ какъ жена была брата не на страду“. Судъ нашелъ, что отобраніе отъ мужа просительницы приданаго имущества дастъ послѣдней возможность особаго жительства, права же на постановленіе рѣшеній, клонящихся къ разведенію супруговъ, на основаніи рѣшенія прав. сен. отъ 9 марта 1876 г. за № 2012, суду не предоставлено... усматривая, что И. В. виновенъ въ стѣсненіи жены, судъ находитъ нужнымъ привлечь его за это къ наказанію. Опредѣлилъ: 1) просьбу И. В-й оставить безъ удовлетворенія; 2) соединить Ивана и Ирину В-хъ для совмѣстной жизни; 3) крестьянина И. В. за поощреніе къ стѣсненію жены въ семейной жизни подвергнуть аресту на три дня.. Обѣ стороны остались рѣшеніемъ недовольны, но приговоръ не обжалованъ, и рѣшеніе приведено въ исполненіе.

Иногда дѣла о семейныхъ несогласіяхъ между мужемъ и женой, поскольку они касаются имущественныхъ отношеній, разбираются сельскимъ сходомъ или по предписанію чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, которому была принесена жалоба потерпѣвшей или даже по иниціативѣ старосты и старшины. По одному изъ такихъ дѣлъ Куростровскій сельскій сходъ постановилъ: „признать крестьянина И. В. (мужа просительницы) неправильнымъ хозяиномъ, который по своей расточительности и не имѣлъ, и не имѣетъ права распоряжаться своей землей, каковую землю, надѣленную на его, И. В., предоставить въ полное распоряженіе женѣ его А. В.“ Причина такого строгаго приговора схода заключалась въ томъ, что И. В. оставилъ семью безъ всякихъ средствъ и пропилъ даже свой душевой надѣлъ (Куростр. об-ва 1906 г.)

Крестьянка Кегостровской вол. Александра М. обратилась къ своему сельскому сходу съ просьбой о выдачѣ ей удостовѣрительнаго приговора, что мужъ ея, проживая на заработкахъ, не даетъ ей и тремъ малолѣтнимъ дочерямъ никакого содержанія, и об-во выдало ей приговоръ, подтвердивъ, что дѣйствительно не даетъ, несмотря на то, что имѣетъ хорошій заработокъ, а жена и дѣти положительно нуждаются и не имѣютъ средствъ къ существованію (Книга прич. Кегостр. вол. 1910 г.)

Однако, не всегда въ этихъ случаяхъ сходъ становится на сторону жены и принимаетъ какія нибудь мѣры по отношенію къ „неисправному“ домохозяину.

Кушевскій волостной старшина доложилъ Мариловскому сельскому сходу, что жена кр. Ивана О., въ заявленіяхъ суду и начальству, жалуется на праздную и расточительную жизнь мужа, а потому проситъ устранить его отъ хозяйства и назначить домохозяйкой ее. Сельскій сходъ, имѣя въ виду, что достаточнаго основанія устранить Ивана О. отъ управленія не имѣется, такъ какъ, хотя онъ и выпиваетъ, но вести хозяйство можетъ все-таки лучше жены, признаетъ за лучшее и

впредь оставить домохозяиномъ его же, Ив. О., обязавъ его, какъ можно старательнѣй, вести хозяйство и предупреждать просьбы жены хорошею жизнью". Вслѣдствіе этого просьба О—й оставлена сходомъ безъ послѣдствій (Приг. Марил. об—ва, 1893 г.).

Любопытное дѣло дважды разбиралось въ Кехотскомъ волостномъ судѣ, въ 1889 г и 1890 г., по жалобѣ крестьянина Т. Ф. *на жену и дѣтей*, что они устраняютъ его отъ управленія домомъ и наносятъ разныя оскорбленія. Оказалось, что Ф. имѣлъ любовницу и передавалъ ей хлѣбъ, сѣно и деньги. Ф. заявилъ, что онъ согласенъ бросить развратную жизнь и жить въ домѣ съ женой и дѣтьми. Волостной судъ опредѣлилъ: „*признать Ф. главою своего семейства*, т. е. жены его и трехъ сыновей и предоставить поэтому ему право быть распорядителемъ дома, домашняго хозяйства и сельскаго хозяйства; также и дѣтямъ его воспретить препятствовать ему вести домоуправленіе и хозяйство и не наносить при этомъ оскорбленій; но *обязать при этомъ Ф., чтобы онъ отнюдь не нарушалъ супружескаго союза и* не имѣлъ бы любовныхъ связей съ чужими женщинами; въ противномъ случаѣ семейство его имѣетъ право войти съ жалобой объ этомъ въ подлежащій судъ". Рѣшеніемъ всѣ тяжущіеся остались довольны и обязались исполнять его (Кушевская вол., 1890 г.).

Что подобное „обязательство" въ дѣйствительности мало имѣетъ значенія, можно судить по тому, что и первое рѣшеніе суда говорило о воспрещеніи Т. Ф. „продолжать такой образъ жизни" (Кушевская, 1889 г.).

Надо вообще замѣтить, что какъ при жалобахъ женъ на мужей судъ по большой части встаетъ на сторону потерпѣвшихъ, такъ и при жалобахъ мужей на женъ онъ обычно удовлетворяетъ претензіи истцовъ и постановляетъ рѣшенія, нерѣдко весьма тяжелыя для отвѣтчицъ, хотя въ сущности, онѣ являются болѣе потерпѣвшей стороной, чѣмъ жалобщики.

Крестьянка В. Н., несмотря на прежде состоявшееся рѣшеніе суда, не желала итти въ семью мужа и продолжала жить отдѣльно, вслѣдствіе чего волостной старшина просилъ судъ подвергнуть ее наказанію. Н. заявила, что не живетъ съ мужемъ, потому что онъ занимается въ настоящее время *нищенствомъ*, не обрабатываетъ самъ земли и не кормитъ ее. Судъ, однако, постановилъ подвергнуть ее аресту на четверо сутокъ; если же она имѣетъ претензію къ мужу, то пусть возбуждаетъ дѣло общимъ судебнымъ порядкомъ, а теперь немедленно соединить мужа и жену въ одну семью, пока не послѣдуетъ разрѣшеніе сельскаго схода на отдѣльное ихъ проживаніе (Кехотская в. 1891 г.).

Крестьянинъ Иванъ М. заявилъ, что жена его ушла отъ него самовольно къ своимъ родителямъ и захватила съ собой самоваръ и другія вещи. Жена М. объяснила, что ушла, такъ какъ Иванъ обращается съ ней жестоко, не даетъ ѣсть, отчего жить съ нимъ не можетъ. Вещи ея, куплены на собственныя деньги Судъ, руководствуясь рѣшеніями Сената отъ 1876 и 77 г., нашелъ, что И. М-у, безъ помощи жены, *какъ хозяйки и рабочей силы крестьянскаго двора*, прожить невозможно, и постановилъ: М. М—й жить постоянно вмѣстѣ съ мужемъ согласно; И. М у вещей какъ своихъ, такъ и жениныхъ, не расточать, жену кормить и одѣвать и вообще быть исправнымъ домохозяиномъ (Кехотская в., 1902 г.)

Еще болѣе ярко выражены мотивы водворенія жены въ домъ мужа въ другомъ подобномъ-же дѣлѣ, гдѣ крестьянинъ Ф. В. требовалъ

къ себѣ самовольно ушедшую отъ него жену, такъ какъ она *„нужна ему для веденія хозяйства“*. Свекровь и сосѣди В. подтвердили, что въ виду старости свекрови (60 л.) и большого хозяйства (4 коровы), Ирина В. дѣйствительно *„необходима свекрови* для веденія хозяйства по дому“. Сама Ирина объяснила, что вынуждена была покинуть домъ мужа, такъ какъ родители его не даютъ ей ѣсть и настраиваютъ мужа, бить ее, а онъ, по ихъ настоянію, и бьетъ. Волостной судъ призналъ, что В—а „нужна мужу для веденія хозяйства и что съ оставленіемъ ею дома, онъ понесъ потерю работника въ хозяйствѣ“, а потому постановилъ водворить В-у для совмѣстнаго жительства съ мужемъ, *какъ необходимую ему для веденія и поддержки хозяйства въ домъ*, съ внушеніемъ ей оставаться дома, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ наказанія. Мужу ея *внушить*, чтобы онъ не наносилъ женѣ побоевъ и не отказывалъ ей въ пищѣ, а обращался съ нею „по-супружески“... (Кехотская вол., рѣшенія в. с. 1891 г.).

Конечно, жена осталась недовольна такимъ рѣшеніемъ, но жалоба ея оставлена была съѣздомъ *безъ послѣдствій*, и о водвореніи ея былъ данъ сельскому старостѣ приказъ, а черезъ 2 мѣсяца послѣ того Ирина В-а была „водворена въ домъ къ мужу своему“, о чемъ постановленъ актъ.

Въ этомъ дѣлѣ особенно характерно, что взглядъ на жену, какъ на необходимую для веденія хозяйства *рабочую силу* высказанъ не только мужемъ и свекровью, но также и сосѣдями и съ буквальной точностью повторенъ и судомъ, какъ основной мотивъ при постановкѣ рѣшенія по этому дѣлу, разыгравшемуся, кстати сказать, не такъ давно, всего 20 лѣтъ назадъ.

Въ случаѣ смерти мужа *вдова* отвѣчаетъ по всѣмъ его долгамъ и обязательствамъ. Однако, судъ входитъ въ положеніе вдовы, какъ то можно видѣть изъ слѣдующаго дѣла. Крестьянинъ Кушевской вол. П. Р. продалъ по векселямъ урожай травы на три года за 32 р. А. С-у, но вдова Р. не согласна отдать урожай травы; истецъ проситъ предоставить ему траву, причемъ согласенъ уплатить ей 10 руб. „на бѣдность“. Отвѣтчица не согласна, такъ какъ этотъ сѣнокосъ служитъ единственнымъ средствомъ существованія ея многочисленнаго семейства, но, признавая продажу мужемъ, согласна выплачивать по 5 руб. въ годъ. Судъ нашелъ, что хотя П. Р. дѣйствительно продалъ урожай травы *и эта продажа обязательна для жены*, но въ виду смерти мужа и уменьшенія на одинъ душевой надѣлъ сѣнокоса, упомянутая пожня дѣйствительно служитъ единственнымъ средствомъ существованія многочисленнаго семейства и удовлетвореніе просьбы С. можетъ совсѣмъ разорить ее; разсрочка-же платежа денегъ, суду не принадлежитъ. Вслѣдствіе этого судъ опредѣлилъ въ искѣ съ П. Р. *урожая травы* отказать, а взыскать съ нея нынѣ-же 32 рубля, что и было приведено въ исполненіе (Кушевская вол., 1904 г.).

Рѣшеніе въ данную минуту для отвѣтчицы, быть можетъ, и весьма тяжелое (она осталась имъ недовольна), но характерное въ томъ отношеніи, что здѣсь высказался взглядъ на невозможность оставить вдову-домохозяйку безъ земли, хотя бы юридически эта земля въ данный моментъ ей и не принадлежала.

О наслѣдованіи вдовы послѣ смерти мужа мы скажемъ, впрочемъ, ниже, а сейчасъ упомянемъ только относительно приданаго. Изъ четвертой главы мы уже знаемъ, что приданое считается собственностью же-

ны, и ни мужъ, ни родственники мужа не могутъ его отнять и присвоить.

Въ одномъ изъ рѣшеній Вознесенскаго вол. суда (за 1906 г.) находимъ, что по иску невѣстки со свекрови было взыскано съ послѣдней 80 руб. за 11 промежковъ сѣна, такъ какъ это сѣно перешло невѣсткѣ *въ приданое*. Однако, если такого рода приданое шло на содержаніе принадлежащаго мужу и женѣ скота, то жена не въ правѣ требовать за него уплаты. Въ Кегостровской волости разбиралось любопытное дѣло: жена, проживая отдѣльно отъ мужа, взяла съ собой 85 руб., которые онъ и взыскиваетъ съ нея. Жена созналась, что взяла, только не 85 р., а 80 руб., но платить ихъ не желаетъ, такъ какъ съ *ней было приданое* 8 промежковъ сѣна въ годъ, въ теченіе 5 лѣтъ 9 мѣс., и этимъ сѣномъ они, Ф—ы, кормили скотъ. Судъ нашелъ, что *сѣномъ пользовались сообща, т. к. жили вмѣстѣ*, а потому опредѣлилъ взыскать 80 р., такъ какъ въ этой именно суммѣ созналась отвѣтчица (Кегостр., 1910 г.).

Съ другой стороны, послѣ смерти жены мужъ-вдовецъ все же имѣетъ право на часть приданаго, заключающагося въ вѣнчальномъ имуществѣ. Такъ, крест. Василій К. заявилъ суду, что послѣ умершей его дочери Татьяны, бывшей въ замужествѣ за кр. Сергѣемъ 2—и *не оставившей дѣтей*, осталось разное приданое имущество, часть котораго Г. отдалъ, остальное же не отдаетъ (перечисляетъ разныя вещи, всего на 48 р. 50 к.) и К. проситъ объ отобраніи ихъ отъ зятя. Отвѣтчикъ указалъ, что двѣ изъ перечисленныхъ вещей онъ отдалъ, а остальныя отдать не согласенъ, такъ какъ по мѣстному обычаю, вѣнчальное имущество не отбирается, а кромѣ того, несмотря на то, что дочь К. *жила съ нимъ менѣе полгода*, онъ хоронилъ ее на свои средства. Судъ нашелъ, что, дѣйствительно, по мѣстному обычаю, *вѣнчальное платье и постельныя принадлежности не отбираются* и оставивъ во владѣніи мужа тѣ изъ вещей, которыя принадлежатъ къ этого рода имуществу, остальныя постановилъ взыскать съ Сергѣя Г. (Купѣевская вол., 1904 г.).

Нѣсколько иное рѣшеніе находимъ въ Вознесенской волости за 1905 годъ. Крестьянинъ д. Лайской Ф. В. просилъ отобрать отъ зятя своего, Игнатія С., вещи умершей его дочери—подвѣнечное платье въ 15 р., и пр., всего на сумму 44 р., на что отвѣтчикъ не согласенъ. Судъ нашелъ, что „въ нашей мѣстности существуетъ обычай при смерти жены, *если не останется дѣтей*, мужъ обязанъ возвратить приданое имущество, *кромѣ постельнаго убора*". А потому, отобрать отъ Игнатія С. въ пользу Ф. В. перечисленныя вещи, а за утратою ихъ взыскать 44 руб. И хотя это дѣло снова разбиралось, уже по иниціативѣ отца Игнатія, но С. въ вещахъ ему снова было отказано. Здѣсь, какъ видимъ, „вѣнчальное платье" не вошло въ реестръ вещей, остающихся мужу, а лишь одинъ „постельный уборъ" былъ сочтенъ той частью приданаго, которая отъ мужа не отбирается. Интересно также въ первомъ изъ приведенныхъ случаевъ, что мужъ-вдовецъ считаетъ какъ-бы особой заслугой со своей стороны то обстоятельство, что онъ хоронилъ жену, прожившую съ нимъ *менѣе полгода*, выставляя это, какъ лишній доводъ въ пользу полученія имъ оспариваемой части приданаго.

Разумѣется, приданое, оставшееся послѣ смерти жены, имѣющей дѣтей, не переходитъ въ семью родителей умершей, а достается въ наслѣдство имъ, какъ все остальное имущество, но объ этомъ будетъ сказано уже въ слѣдующей главѣ.

Глава восьмая.

Семейно-наслѣдственное право. Права дочерей и сыновей Распоряженіе надѣльной землей „Трудовое начало“ въ наслѣдственномъ правѣ. Семейная собственность. Наслѣдованіе вдовы. Наслѣдованіе дяди (деверя) и племянника, зятя и зятя-пріймака. Положеніе и права незаконнорожденныхъ. Объ опекѣ и выморочномъ имуществѣ.

На продолженіи настоящихъ очерковъ намъ не разъ приходилось касаться порядка наслѣдованія, говоря о правахъ и обязанностяхъ различныхъ членовъ семьи. Вопросъ о порядкѣ наслѣдованія, однако, представляется настолько важнымъ въ области обычнаго семейнаго права, что мы остановимся на немъ еще разъ, чтобы читатель могъ вынести болѣе цѣльное впечатлѣніе изъ относящагося сюда и разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ матеріала.

Какъ основной принципъ, приходится выставить, что лица мужского пола, въ одинаковыхъ степеняхъ родства, имѣютъ преимущество передъ лицами женскаго пола. „Сестра при братьяхъ не наслѣдница“ - это обычное положеніе крестьянскаго семейно-наслѣдственнаго права, съ нѣкоторыми оговорками, примѣнимо и для нашей мѣстности, и случаи противоположнаго характера являются исключеніями (мы ихъ видѣли выше, въ главѣ шестой). Сестра получаетъ, конечно, нѣкоторую часть имущества, но эта доля или значительно меньше, или—чаще всего—она реализуется въ приданомъ, если сестра выходитъ замужъ, и въ правѣ ея проживать при одномъ изъ братьевъ, если она незамужница. Разумѣется, если имущество передается ей по завѣщанію или по особому условію, то она получаетъ его полностью и является полноправной распорядительницей и владѣлицей его. Но въ имуществѣ обще-семейномъ ея доля всегда значительно ниже доли братьевъ, хотя она нерѣдко превышаетъ $^1/_7$ и тѣмъ болѣе $^1/_{14}$ часть.

Какъ наслѣдуютъ сыновья послѣ смерти отца, если ихъ нѣсколько? Тутъ надо различать два случая—когда сыновья живутъ въ раздѣлѣ и когда они составляютъ одну, неотдѣленную отъ отца семью.

Отдѣленные сыновья не получаютъ ничего, кромѣ выданнаго имъ при отдѣлѣ. А при отдѣлѣ, мы уже знаемъ, отецъ воленъ дать сыну изъ имущества, что захочетъ, и можетъ отпустить его и вовсе съ пустыми руками. Въ дополненіе къ приведеннымъ выше примѣрамъ укажу на одну земельную тяжбу между отцомъ и сыномъ, интересную еще и въ томъ отношеніи, что въ ней рисуются, до извѣстной степени, условія и порядокъ надѣленія землей, существующіе повсемѣстно въ районѣ обслѣдованныхъ волостей.

Крестьянинъ Курейско-Сергіевскаго об-ва Димитрій С. заявилъ суду, что во время отсутствія его изъ дому сынъ его Иванъ захватилъ принадлежащій ему хлѣбъ въ зернѣ изъ амбара другого кр-нина, и проситъ предоставить ему $^2/_3$ изъ взятаго сыномъ—10 мѣръ изъ 16. Къ этому прибавилъ, что на прокормъ телки сына онъ согласенъ дать 1 сажень сѣна, но причитающееся на его душу изъ проданной на 3 года пожни онъ оставляетъ за собой, а отдать сыну не согласенъ, такъ какъ сынъ отошелъ отъ него и ничѣмъ не помогаетъ ему. Отвѣтчикъ заявилъ, что $^2/_3$ хлѣба отдать онъ не согласенъ, а отдаетъ лишь половину; отдать пожню отцу также не согласенъ, такъ какъ хотя она и продана на свадьбу, *но отецъ изъ дому ему ничего не далъ. Судъ нашелъ, что „дать или не дать чего-либо изъ общаго имущества право принадлежитъ отцу*—просителю, а

потому заявленіе отвѣтчика о присужденіи ему половины урожая хлѣба удовлетворено быть не можетъ; что же касается проданной кр-ну Т. сѣнокосной пожни, то она продана самимъ же просителемъ, а потому вступаться въ эту пожню онъ не имѣетъ права, и затѣмъ сѣнокосъ, до истеченія срока, на которой продана пожня, подлежитъ раздѣлу пополамъ, по истеченіи же срока и означенная пожня должна поступить просителю и притомъ въ томъ размѣрѣ, сколько ея причитаться будетъ". Поэтому судъ опредѣлилъ: изъ хлѣба дать отцу 10 м. и сыну 6 мѣръ; дать Ивану 1 саж. хорошаго сѣна; проданную пожню оставить у Т—а до срока, а *остальной сѣнокосъ подѣлить* между С—ми *поровну*; по истеченіи же срока пожня должна войти въ новый раздѣлъ, причемъ преимущество выбора пожень, но съ соблюденіемъ № доброты, принадлежитъ отцу („Рѣш. Кушев. в. с. 1908 г.).

Такимъ образомъ, право отца на семейное, общее имущество признано здѣсь судомъ безусловно; относительно-же надѣльной, душевой земли проведенъ принципъ распредѣленія ея по числу душъ, съ соблюденіемъ правилъ передѣла, принятыхъ въ данномъ районѣ—т. е. права отца, какъ прежняго владѣльца, отъ котораго земля *отходитъ*, оставить за собою любой участокъ изъ земли хорошаго, средняго и плохого качества („съ соблюденіемъ №№ доброты"). Но это, конечно, не означаетъ, что старый владѣлецъ причитающуюся на его долю душевую землю можетъ передать кому хочетъ по завѣщанію. Въ одномъ случаѣ судъ категорически указываетъ на это.

Крестьянинъ Чевакинскаго общества Илья К. заявилъ, что земельнымъ участкомъ его покойнаго брата, Якова К., владѣетъ „изъ половья" (т. е. исполу) его *племянникъ*; проситъ поэтому отобрать и предоставить во владѣніе ему, *какъ брату* Якова К. Племянникъ объяснилъ, что дядя по *словесному договору*, безъ согласія общества, велѣлъ владѣть ему этимъ участкомъ и послѣ смерти. Судъ привелъ, во-первыхъ, рѣшеніе Правит. Сената отъ 1876 г., за № 7070, что договоры о правѣ пользованія общинной землей, заключенные безъ согласія на то общества, недѣйствительны, и затѣмъ постановилъ: земельный душевой надѣлъ, оставшійся послѣ смерти кр-на Чевакинскаго общества Якова К., по снятіи съ него урожая въ текущемъ году, предоставить въ распоряженіе Чевакинскаго с. об-ва, какъ составляющій часть общинной его земли (выморочный); кр—нину же Ильѣ С. К. въ просьбѣ его о передачѣ ему въ наслѣдство участка Якова К. отказать, *такъ какъ общинная земля не можетъ переходить отъ одного лица къ другому наслѣдственнымъ способомъ*; урожай-же сего года съ этого участка предоставить опять Ильѣ Ал. К—у (племяннику), *по той уважительной по мѣстнымъ обычаямъ причинѣ, что онъ въ семъ году этотъ участокъ обработалъ и засѣялъ*" (Рѣш. Кех. вол. с. 1890 г.).

Подчеркнутыя послѣднія слова весьма интересны въ томъ отношеніи, что здѣсь ярко выраженъ принципъ т. н. „трудового начала". Владѣніе участкомъ дяди признано судомъ неправильнымъ, такъ какъ дядя не имѣлъ права распоряжаться надѣльной землей—по *закону* племянникъ терялъ-бы всякія права какъ на эту землю, такъ и на продукты этой земли; но по мѣстному *обычному праву* затратившій свой трудъ и средства на обработку земли имѣетъ право воспользоваться результатами вложеннаго въ землю труда, хотя-бы пользованіе ею и было признано „незакономѣрнымъ". Подобныхъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ можно найти не одно *), но мы не будемъ останавливаться на нихъ, такъ какъ это вы-

*) Хотя, съ другой стороны, встрѣчаемъ и рѣшенія, стоящія въ противорѣчіи съ этимъ правомъ.

ходитъ изъ рамокъ поставленной нами задачи. Укажемъ лишь на то, что признаніе „трудового начала" играетъ большую роль и въ семейно-наслѣдственномъ правѣ. Весьма характерный примѣръ этому находимъ въ рѣшеніи Лявленскаго волостного суда отъ 27 апрѣля 1873 г.

Крестьянинъ д. Савинской Иванъ С. заявилъ суду, что послѣ покойнаго отца его осталась „расчистная пожня", которою *по закону* должны пользоваться всѣ наслѣдники его; но братья, Федоръ и Афанасій, отказали ему участвовать во владѣніи этой пожней. На судѣ выяснилось, что Иванъ живетъ отдѣльно отъ отца и брата Федора съ 1841 г., расчистка же взята на имя отца его въ 1848 г. и расчищалъ ее Федоръ безъ участія Ивана. Судъ опредѣлилъ—дозволить Ивану С. пользоваться отцовскимъ амбаромъ (о чемъ онъ тоже просилъ) наравнѣ съ братомъ Федоромъ; „во владѣніи же расчистною пожней ему *отказать, какъ не участвовавшему въ расчисткѣ оной*".

Здѣсь право наслѣдованія имуществомъ столкнулось съ правомъ труда, и первое было побѣждено послѣднимъ. Нужно, однако, сказать, что выраженное въ такой яркой формѣ признаніе трудового начала встрѣтилось намъ только однажды, и то, какъ видитъ читатель, приведенный случай имѣлъ мѣсто почти 40 лѣтъ тому назадъ. Обычно-же расчистки, какъ „*личная собственность*", распредѣляются отцомъ или по его усмотрѣнію, или наслѣдуются дѣтьми—сыновьями въ равной долѣ, дочерьми—въ меньшей противъ сыновей. Но нужно сказать, что при этомъ усмотрѣніи не малую роль играетъ то обстоятельство, насколько значительное участіе принималъ сынъ въ разработкѣ расчистки (теперь при наслѣдованіи это обычно не имѣетъ уже значенія, и наслѣдники ссылаются на свое „законное" право требовать слѣдуемую имъ часть расчистокъ). Если отецъ, при отдѣлѣ сына, почему-либо отказалъ ему въ расчисткѣ, то это распоряженіе отца сохраняетъ силу и впослѣдствіи, и обдѣленный сынъ не можетъ уже требовать себѣ законной части и послѣ смерти отца.

Крестьянинъ Быстрокурскаго общества Л. Б. обратился къ сельскому сходу съ просьбой признать его сонаслѣдникомъ въ сѣнокосной расчисткѣ, оставшейся послѣ смерти отца и состоящей въ пользованіи его брата. Сельскій сходъ, однако, отказалъ въ этой просьбѣ на основаніи инструкціи о семейныхъ раздѣлахъ (Пригов. Быстрок. об-ва. 1889 г.).

Кромѣ имущества, составляющаго личную собственность, по наслѣдству переходитъ также и имущество, составляющее семейную собственность. Изъ раздѣльныхъ приговоровъ мы уже знаемъ, что къ этого рода имуществу относятся жилыя и дворовыя строенія, скотъ домашній и прочій хозяйственный инвентарь. Распредѣленіе этого имущества при жизни отца зависитъ исключительно отъ его воли, и поэтому отдѣленные сыновья обычно и послѣ смерти отца не вступаются въ оставшееся послѣ него братьямъ и сестрамъ имущество, довольствуясь тѣмъ, что получили при отдѣлѣ; а въ случаѣ, если отошли съ голыми руками, не участвуютъ въ пропитаніи родителей другими дѣтьми.

Отдѣленный сынъ не имѣетъ никакого права и на оставшуюся по смерти отца надѣльную землю, какъ это видно изъ рѣшенія Кушевскаго волостного суда отъ 24 января 1899 г. Крестьянинъ П. Р. просилъ предоставить ему право на половину пахотнаго душевого надѣла, которымъ послѣ смерти отца завладѣлъ младшій братъ истца, В. Р. Отвѣтчикъ соглашался дать, если братъ уплатитъ 50 р. долгу за отца. Судъ нашелъ, что П. Р. отдѣлился отъ отца уже 19 лѣтъ, отвѣт-

чикъ-же В. Р. считается неотдѣленнымъ, почему правъ на землю отца онъ, проситель, не имѣетъ и опредѣлилъ въ просьбѣ отказать.

Сыновья, живущіе съ отцомъ или матерью, полностью наслѣдуютъ все оставшееся послѣ нихъ имѣніе, обычно въ равной части, если не сдѣлано отцомъ устнаго или письменнаго завѣщанія. Право неотдѣленнаго сына на имущество отца категорически высказано въ одномъ изъ рѣшеній волостного суда. Двѣ сестры просятъ отобрать отъ брата расчистку, которая, будто-бы, оставлена имъ отцомъ по духовному завѣщанію. Отвѣтчикъ заявилъ, что онъ единственный наслѣдникъ, а про духовное завѣщаніе ничего не зналъ и не слыхалъ, и считаетъ, что оно составлено неправильно, по настоянію сестеръ, когда отецъ былъ уже при смерти, почему подъ нимъ не подписался и священникъ; кромѣ того оно и не засвидѣтельствовано въ годичный срокъ. Судъ нашелъ, что *расчистка разработана совмѣстно съ сыномъ*, завѣдующимъ теперь хозяйствомъ; мать живетъ у зятя и въ завѣщаніи не значится. Отвѣтчикъ съ отцомъ не былъ въ раздѣлѣ, *а, слѣдовательно, полностью наслѣдуетъ его имущество.* Кромѣ того, отвѣтчикъ выдавалъ сестеръ замужъ, расходуя своимъ трудомъ, и духовное завѣщаніе написано неправильно, а потому и силы не имѣетъ. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ отказать сестрамъ въ искѣ (Вознесенская вол. 1905 г.).

Но когда сыновей нѣсколько, то одинъ или нѣсколько изъ нихъ могутъ быть отцомъ или лишены наслѣдства, или завѣщана имъ меньшая противъ другихъ часть; и эта воля завѣщателя служитъ закономъ и для волостного суда, даже если завѣщаніе не было оплачено гербовымъ сборомъ, лишь бы была у суда увѣренность въ его подлинности. При проживаніи братьевъ на сторонѣ, получаетъ наслѣдство живущій дома, хотя бы онъ былъ и самымъ младшимъ, какъ то видно изъ одного рѣшенія Вознесенскаго волостного суда (1906 г).

Надо, однако, полагать, что старшіе братья, жившіе „внѣ дома“, были отдѣлены уже или самовольно отдѣлились.

Наслѣдованіе *вдовы* по смерти мужа довольно различно, въ зависимости, во-первыхъ, отъ того, сколько времени она жила съ мужемъ, затѣмъ—имѣетъ-ли дѣтей или бездѣтна, и наконецъ, въ какомъ именно имуществѣ она является наслѣдницей. Бездѣтная вдова, прожившая съ мужемъ недолго—годъ два—обычно ничего не получаетъ, кромѣ принесеннаго ею приданаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ей предоставляется въ пользованіе земельный надѣлъ мужа, до слѣдующаго передѣла земли, но нерѣдко сходъ отбираетъ у нея душевую землю. Въ одномъ изъ рѣшеній Лявленскаго волостного суда, еще отъ 1872 г., находимъ интересное указаніе, что надѣлъ мужа остается за вдовой. А именно, вдова Парасковья Г. обратилась въ судъ съ жалобой на крестьянъ своей деревни, что они хотятъ отобрать отъ нея изъ оставшагося послѣ смерти мужа *2 хъ душевого* земельнаго надѣла одну ревизскую душу, подъ предлогомъ запустошенія земли, между тѣмъ какъ она пользовалась этой землей четыре года, оплачивая за нее подати и неся повинности наравнѣ съ прочими. Проситъ оставить ей землю „впредь до ревизіи *по примѣру другихъ вдовъ* и тѣмъ ограничить самовластіе крестьянъ, какъ противное мѣстному обычаю“. На судѣ выяснилось, что Парасковья Г. „землю не запускала, подати и повинности платила исправно и впредь владѣть землею, для собственнаго пропитанія желаетъ“; что-же касается приговора бобровскихъ крестьянъ, то онъ состоялся безъ старосты, слѣдовательно, долженъ считаться самовольнымъ и не имѣющимъ силы. Поэтому судъ опредѣлилъ: „оставшуюся вдовѣ Г. отъ мужа ея землю на 2 ду-

ши оставить во владѣніи ея впредь до ревизіи на общемъ основаніи, такъ какъ *отбирать земли отъ вдовъ противно мѣстному обычаю, который равносиленъ закону*" (Рѣш. Лявл в. с. 1872 г.).

Такимъ образомъ, здѣсь *бездѣтная* вдова получаетъ впредь до ревизіи землю на *двѣ* ревизскія души, и это считается общимъ правиломъ, какъ бы закономъ для данной мѣстности. Въ другихъ мѣстахъ, однако, это далеко не общее правило, и надѣльная земля то оставляется въ пользованіи бездѣтной вдовы, то отбирается отъ нея; но оставляется душевой надѣлъ во всякомъ случаѣ лишь до новаго передѣла, при которомъ обычно земля у вдовъ отбирается, такъ какъ надѣленіе землей здѣсь повсюду происходитъ лишь на *мужскія наличныя души*. Можно, впрочемъ, замѣтить, что за послѣдніе десять лѣтъ въ нѣкоторыхъ обществахъ начинаютъ охотнѣе давать вдовамъ землю, если имѣются къ тому особо уважительныя обстоятельства (сильная бѣдность или когда остаются у нея на рукахъ дѣвочки). Въ одномъ случаѣ—при тяжбѣ мачехи съ пасынкомъ и падчерицей—волостной судъ даже высказалъ такое положеніе: пасынокъ обязанъ содержать въ домѣ мачеху, а „содержаніе она можетъ пріобрѣсти съ надѣла своего мужа, какъ первая наслѣдница" (Рѣшеніе Вознес. вол. суда 1905 г.) *)

При выходѣ вдовы замужъ надѣльная земля отъ нея отбирается и до новаго передѣла сдается обычно въ аренду (Пригов. Курост. с. об. 1906 г. и др.).

Что касается *расчистокъ*, взятыхъ на имя мужа, то онѣ всегда остаются въ пожизненномъ пользованіи вдовы, если только нѣтъ о нихъ особаго завѣщательнаго распоряженія. Даже и при дѣтяхъ вдова-мать сохраняетъ пожизненное право на расчистки мужа. Такъ, по раздѣльному приговору богоявленско-ухтостровскаго сельскаго общества, вдовѣ Парасковьѣ Ш. предоставлено пользоваться всѣми расчистками мужа до смерти ея, а послѣ смерти раздѣлить двоимъ сыновьямъ поровну (Пригов. бог.-ухт об. 1906 г.). Тѣмъ болѣе, конечно, не могутъ оспаривать у нея расчистки родственники мужа.

Въ Кехотскомъ волостномъ судѣ разбиралось въ 1909 г. весьма любопытное дѣло, возникшее на почвѣ столкновенія „закона" съ мѣстнымъ обычаемъ.

Частный повѣренный крестьянина О. А К. представилъ въ волостной судъ прошеніе по иску объ изъятіи изъ владѣнія Е. В. К-й и предоставленіи во владѣніе довѣрителя, *по праву наслѣдства*, $^3/_7$ частей расчистокъ, оставшихся послѣ смерти *дяди-довѣрителя*, а Е. К-й *мужа*, и находящихся въ обществѣ, такъ какъ послѣ смерти О. К. (мужа Е. К.) нисходящихъ наслѣдниковъ не осталось. Отвѣтчица на судѣ заявила, что расчистки разработаны ея покойнымъ мужемъ при матеріальной помощи ея отца и брата, „а такъ какъ я осталась бездѣтною и *надѣльной земли лишена*, то расчистки эти для меня являются насущнымъ кускомъ хлѣба и выдѣлять какую либо часть изъ нихъ племяннику впредь до моей смерти не согласна"

*) Вообще вопросъ о надѣленіи вдовъ землею рѣшается весьма разнообразно въ отдѣльныхъ случаяхъ, но какъ общее правило, онѣ не получаютъ земли при передѣлѣ, несмотря на то, что на основаніи указовъ и разъясненій 2-го Департ. Правит. Сената (раз. 10 къ ст. 27 „общаго положенія о крестьянахъ", р. 24 и 40 къ пункту 8 ст. 62 и р. 19 къ ст. 33) вдовъ, хотя-бы нѣкоторое время владѣвшихъ землей на правахъ домохозяйки, сельское общество не въ правѣ лишить земли.

Но эти разъясненія совершенно не вошли здѣсь въ жизнь, м. б., за отсутствіемъ лицъ, которыя, ссылаясь на эти пункты, захотѣли и сумѣли-бы отстоять права вдовъ.

Судъ призналъ, что расчистки разработаны трудами покойнаго мужа Е. К й, „коими, (т. е. расчистками), *по мѣстному обычаю и можетъ пользоваться пожизненно вдова* его Е. В. К., такъ какъ духовнаго завѣщанія покойный не оставилъ. Что-же касается приведенныхъ въ прошеніи статей закона гражданскаго о порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, то примѣнять таковыя статьи въ волостномъ судѣ не предоставлено право, а потому постановилъ: на основаніи 159 ст. „общ. пол. о кр-нахъ“ отказать истцу, въ лицѣ его повѣреннаго, въ притязаніи къ расчисткамъ умершаго О. К., находящимся во владѣніи вдовы его Е. К. (Кехотская вол. 1909 г.).

То обстоятельство, что отвѣтчица ссылалась на помощь своего отца и брата при разработкѣ расчистокъ ея мужа, повидимому, не имѣло значенія, такъ какъ судъ, вынося свое рѣшеніе, даже не привелъ этихъ мотивовъ, а прямо формулировалъ, что при отсутствіи завѣщанія расчистками, по мѣстному обычаю, пожизненно пользуется вдова покойнаго.

И расчистки, обычно, остаются за вдовой, переходя къ сыновьямъ и деверьямъ лишь послѣ ея смерти, или при жизни ея лишь тѣмъ изъ сыновей и деверьевъ, которые разрабатывали ихъ совмѣстно съ ея покойнымъ мужемъ.

Право проживанія въ домѣ мужа вдова сохраняетъ также пожизненно, какъ это видно изъ приведеннаго выше рѣшенія Вознесенскаго вол. суда („помѣщаться въ домѣ своего мужа Парасковья Д. до смерти имѣетъ право“, а потому судъ опредѣлилъ обязать пасынка содержать въ домѣ мачеху).

Если домъ общій съ деверемъ, то, въ случаѣ отсутствія завѣщанія, вдова получаетъ какую-нибудь часть—$^1/_3$, $^1/_7$, иногда даже меньше. Въ той-же Вознесенской волости вдова крестьянина Ильи А-ва просила выдѣлить ей отъ деверя седьмую часть стоимости дома умершаго 9 лѣтъ тому назадъ ея мужа. Судъ нашелъ, что братья жили нераздѣльно, а послѣ смерти мужа А. перешла въ другую волость, не получивъ на выдѣлъ ничего—слѣдовательно, имѣетъ право на седьмую часть изъ общаго недвижимаго имущества; поэтому постановилъ выдать ей 10 р., согласно оцѣнкѣ дома въ 70 руб. (Возн. вол. 1906 г.).

При отсутствіи прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ мужской линіи—сыновей—наслѣдуютъ братья и племянники, причемъ, если ихъ нѣсколько, то вопросъ о томъ, кто и въ какомъ размѣрѣ наслѣдуетъ, является результатомъ различныхъ обстоятельствъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, у оставившаго денежное имущество—90 руб. на книжкѣ сберегательной кассы—никого, кромѣ трехъ племянниковъ, дѣтей покойной сестры, ближе не было. Дядя жилъ въ продолженіе 8 лѣтъ на продовольствіи старшаго племянника, который его и похоронилъ на свой счетъ. Духовнаго завѣщанія не осталось, но священникъ заявилъ, что на исповѣди умирающій повѣдалъ ему свою волю, что деньги долженъ получить старшій племянникъ, онъ же и крестникъ покойнаго. Этотъ самый племянникъ и проситъ утвердить его въ правахъ наслѣдства на означенный капиталъ съ %%, половину котораго онъ желаетъ внести въ мѣстную церковь на поминовеніе души умершаго, а другую половину получитъ себѣ въ возмѣщеніе расходовъ на похороны дяди.

Вслѣдствіе этого судъ постановилъ признать истца *единственнымъ* наслѣдникомъ означеннаго имущества (Рѣшеніе Вознесенскаго вол. сх. 1905 г.).

Отдѣлившіеся раньше братья (деверья) уже не имѣютъ права требовать себѣ что-либо отъ своей снохи изъ имущества ихъ умершаго брата. Въ 1909 г. въ Кехотскомъ волостномъ судѣ разбиралось слѣдующее дѣло. Крест. Яковъ К. просилъ выселить изъ его, Якова, наслѣдственной избы сноху свою Пелагею К., на основаніи того, что по духовному завѣщанію отца его, Михаила К., составленному въ 1886 г., ему, истцу, отказана въ домѣ задняя горенка, и что онъ купилъ отдѣльный домъ, а за оставшуюся горенку вознагражденія никакого не получилъ; кромѣ того, онъ проситъ взыскать третью часть стараго двора. На судѣ истецъ заявилъ, что „раньше судомъ къ дому отца никакихъ претензій не предъявлялъ по своему нежеланію"; когда онъ вышелъ изъ стараго дома и купилъ себѣ новый, точно не помнитъ, но приблизительно считаетъ, что около 13 лѣтъ тому назадъ.

По разборѣ всего дѣла судъ нашелъ, что Яковъ К., выходя изъ стараго родительскаго дома, получилъ сполна свой надѣлъ лѣсомъ и работой (заявленіе отвѣтчицы), что доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіе 13 лѣтъ онъ не предъявлялъ къ прежнему родительскому дому никакого притязанія, а потому, на основаніи 159 ст. „Общ. Полож." и закона о земской давности, которая примѣняется и въ волостномъ судѣ, постановилъ: въ искѣ кр-нину Якову К—у съ Пелагеи К—ой горенки и третьей части двора въ старомъ домѣ *отказать*, въ виду того, что за таковую часть онъ получилъ, если ранѣе не предъявлялъ никакого иска (Рѣшеніе Кехотскаго вол. с. 1909 г.).

Этотъ случай интересенъ еще и тѣмъ, что волостной судъ сослался здѣсь на земскую давность. Но, очевидно, что эта ссылка имѣла, главнымъ образомъ, служебный характеръ, какъ подтвержденіе того факта, что истецъ *дѣйствительно получилъ* стоимость своей части лѣсомъ и работой племянника: иначе онъ раньше бы предъявилъ искъ, не пропуская срока земской давности.

Изъ общаго съ покойнымъ братомъ имущества деверь, какъ мы уже знаемъ, долженъ выдѣлить вдовѣ покойнаго извѣстную часть.

Дядя и племянники—хотя бы и не родные сыновья, а пасынки—наслѣдуютъ имущество въ равной части, если оно было нераздѣльно. Такъ, въ Вознесенской волости деверю была присуждена половина нераздѣленнаго общаго имущества, а другую половину должны были раздѣлить поровну наслѣдники умершаго К. М—ва, дѣти обоего брака, т. къ. такъ вдова вышла вторично замужъ (Вознесенская вол., 1905 г.).

О наслѣдственныхъ правахъ зятя мы уже знаемъ изъ предъидущихъ главъ, и въ общемъ можно сказать, что они неопредѣленны и невелики. Интересный случай встрѣчаемъ въ Кушевской волости. Крестьянская жена Марья В. и кр. Алексѣй О. обратились въ судъ съ заявленіемъ, что послѣ смерти *ея матери*, а *его тетки* осталось разное движимое имущество, которымъ воспользовался И. К., а они, между тѣмъ, тоже наслѣдники—просятъ объ удовлетвореніи. Отвѣтчикъ И. К, сказалъ, что означенное имущество ему оставлено по наслѣдству, *какъ зятю*. Судъ постановилъ: О—у отказать, какъ дальнему родственнику (племянникъ), а В—й и К—у учинить между собой добровольную сдѣлку. Тяжущіеся согласились раздѣлить имущество по равной части, *по жребію* (Кушевская вол., 1866 г.).

Здѣсь, такимъ образомъ, права зятя были признаны большими, по сравненію съ правами племянника, который, по мнѣнію суда, является „дальнимъ родственникомъ". Но вѣрнѣе предположить въ данномъ случаѣ, что судъ повѣрилъ заявленію отвѣтчика, что имущество *оставлено*

ему, какъ зятю. Вообще-же можно сказать, что зять наслѣдуетъ въ имуществѣ родителей его жены только въ томъ случаѣ, если имущество было ему передано самими тестемъ или тещей. Разумѣется, положеніе и права *зятя-приймака* иныя, какъ помнитъ читатель изъ главы пятой. Тамъ зять является прямымъ и первымъ наслѣдникомъ всего имущества его пріемныхъ родителей послѣ ихъ смерти; за нимъ наслѣдуетъ его жена, ихъ родная дочь, и послѣ нея—дѣти, а если дѣтей нѣтъ, то при жизни зятя все переходитъ ему съ обязательствомъ пропитанія родителей до ихъ смерти въ случаѣ, если они живы. Упомянемъ еще о положеніи и правахъ *незаконнорожденныхъ* въ нашей мѣстности, которыхъ здѣсь встрѣчаемъ не мало. Обычно они носятъ фамилію матери, а отчество отца матери, хотя въ „дѣльныхъ" книгахъ вмѣсто отчества встрѣчаешь букву N—Иванъ N—Власовъ. Землей ихъ общество надѣляетъ, въ отношеніи же семейнаго имущества, повидимому, они являются менѣе полноправными членами. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по одной тяжбѣ о раздѣлѣ дома и движимаго имущества между двумя братьями, изъ которыхъ одинъ, Илларіонъ, былъ незаконнорожденнымъ. Волостной судъ, „на основаніи обычаевъ, принятыхъ въ раздѣлѣ недвижимыхъ имуществъ въ быту крестьянъ Кехотской волости" постановилъ раздѣлить между братьями Яковомъ и Илларіономъ В—ми общій ихъ наслѣдственный домъ слѣдующимъ образомъ: Якову предоставить всю переднюю часть дома, т. е. верхъ и низъ и весь дворъ съ повѣтью; Илларіонъ же долженъ получить въ наслѣдство горенку, подклѣть и сѣни. Каждому изъ братьевъ своею долей и пользоваться, не вступаясь въ братнюю часть. Что же касается выдѣла движимаго имущества, то волостной судъ призналъ, что *такъ какъ все имущество составляетъ принадлежность собственно отца Якова В.*, Максима, Илларіонъ-же [?] незаконнорожденный, родившійся отъ матери Якова В *послѣ* отца его, *то онъ не имѣетъ права и на полученіе ему означеннаго имущества*, а потому —отказать. Тутъ, какъ видимъ, проведенъ тотъ взглядъ, что послѣ отца *первымъ* его наслѣдникомъ является *родной сынъ*, незаконнорожденный же, появившійся на свѣтъ послѣ смерти отца перваго, имѣетъ право лишь на часть дома, да и то нѣсколько меньшую. Если-бы у Максима В. были расчистки, то, несомнѣнно, судъ призналъ-бы ихъ принадлежащими лишь Якову, а Илларіона лишилъ бы права пользоваться ими.

Если незаконнорожденнаго ребенка мать бросаетъ, не заботится о немъ, то его беретъ на свое попеченіе сельскій сходъ, какъ находимъ въ томъ любопытный приговоръ богоявленско-ухтостровскаго сельскаго схода. Сходъ обсуждалъ положеніе незаконнорожденнаго ребенка кр-ки О—й и нашелъ, что „мать не заботится о своемъ ребенкѣ, отъ своей груди отлучила, сама уходитъ на нѣсколько сутокъ, а дитя оставляетъ безъ всякаго вниманія". Постановили *отобрать дитя у О—й* и отдать на пропитаніе на этотъ годъ за 33 руб., а О—ва можетъ сама пропитываться работать.

Здѣсь сходъ принимаетъ на себя обязанности какъ-бы *опекуна* незаконнорожденнаго ребенка—пока еще вовсе безправнаго члена сельскаго об-ва. Обществу нерѣдко приходится выступать въ качествѣ опекуна, и не только надъ малолѣтними сиротами, но и надъ немощными, потерявшими трудоспособность одинокими стариками и старухами. Надъ имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ общество, обычно, назначаетъ опекунами кого нибудь изъ ихъ родственниковъ, время отъ времени, чаще разъ въ годъ, контролируя ихъ провѣркой находящагося въ ихъ рукахъ имущества. Наконецъ, опека можетъ быть назначена и надъ взрослыми

здоровыми людьми, въ случаѣ расточительности съ ихъ стороны семейнаго имущества, и читатель видѣлъ выше, какъ въ одномъ случаѣ сельскій сходъ грозилъ назначеніемъ опеки.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о „выморочномъ имуществѣ“. Въ нашемъ районѣ мы встрѣчаемъ его весьма рѣдко: обычно найдется кто нибудь изъ дальнихъ родственниковъ, который и предъявитъ права на открывшееся имущество. Повидимому, рѣдкость выморочныхъ имуществъ въ значительной мѣрѣ является въ результатѣ широко распространенныхъ здѣсь „отказовъ“ своего имущества еще при жизни кому либо изъ постороннихъ въ вознагражденіе за уходъ и пропитаніе. И волостные суды признаютъ законность такой передачи и отказываютъ въ домогательствахъ дальнихъ родственниковъ, если найдутся таковые. Такъ, въ одномъ случаѣ кр-нская „женка“ Е. П. жаловалась на вдову Р., что та присвоила себѣ вещи проживавшей у нея, Р., свекрови Е. П., и не отдаетъ ихъ ей, Е. П. Отвѣтчица заявила, что покойная А. предоставила вещи для раздачи нищей братіи, а П-й не предоставила никакой части, такъ какъ А. проживала у нея, Е. П., около 18 л. Судъ вынесъ оригинальное, мотивированное рѣшеніе: „принимая во вниманіе, такъ какъ зная доброкачественное поведеніе Р., а П—ва есть женка себедливая и вздорнаго характера, а потому ей, П., на осн. 107 ст. Полож. 19 февр. 1861 г., въ жалобѣ отказать, потому что нѣтъ ясныхъ по завѣщанному имуществу доказательствъ и тѣмъ болѣе что А. прожила у Р. около 18 лѣтъ“ (Кушевская вол., 1867 г.).

Чаще всего бываютъ случаи объявленія выморочнымъ имуществомъ *расчистокъ*—со стороны сельскаго общества, въ прямыхъ интересахъ котораго, чтобы оставшіяся безъ наслѣдниковъ расчистки были признаны выморочнымъ имуществомъ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ они переходятъ въ распоряженіе сельскаго общества. Но и тутъ укоренившійся обычай *завѣщать* расчистки даже отдаленнымъ родственникамъ или передавать ихъ въ родъ замужнихъ дочерей значительно сокращаетъ случаи обнаруженія „выморочныхъ“ расчистокъ, и нерѣдко общества ведутъ безплодную тяжбу съ такими ихъ „владѣльцами“, проигрывая ее. Но порой обществу удается отвоевать такую расчистку въ свою пользу и сдавать ее затѣмъ въ аренду (Пригов. богоявл. ухт. об-ва за 1848 г. и 1899 г., Куростров. с. об-ва за 1909 г. и др.).

Глава девятая.

Вопросы, на которые долженъ отвѣтить представленный въ предыдущихъ главахъ матеріалъ. Власть отца въ семьѣ — основы и границы этой власти. Личная и семейная собственность. Два начала родительской власти. Права пріемныхъ родителей и обязанности дѣтей. Значеніе въ семьѣ матери. Отношеніе супруговъ и положеніе замужней женщины. Приданое. Положеніе вдовы бездѣтной и при дѣтяхъ. Зять-пріймакъ. Положеніе въ семьѣ дочери и имущественное неравенство половъ. Имущественныя права сыновей. Вліяніе закона 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ. Вернувшіеся съ военной службы сыновья. Опека. Положеніе и права незаконнорожденнаго.

Подведемъ итоги всему сказанному въ предыдущихъ главахъ, остановившись преимущественно на наиболѣе существенныхъ и характерныхъ сторонахъ разсматриваемаго нами института—крестьянской семьи и семейной собственности въ нашемъ районѣ. Вопросъ же о томъ насколько подмѣченные нами факты и взаимоотношенія мы можемъ распространить на крестьянскую семью не только нашего района, но и всей вообще Архангельской губерніи, выяснится для читателя изъ дальнѣйшаго изложенія (X главы).

По самому характеру того матеріала, какой положенъ былъ въ основу настоящихъ очерковъ, мы должны были заниматься почти исключительно *юридическими* взаимоотношеніями членовъ крестьянской семьи, поскольку таковыя опредѣляются существующимъ въ данной мѣстности *обычнымъ правомъ*. И эти юридическія взаимоотношенія мы брали именно такими, какими они рисуются въ теченіе всего взятаго нами періода, обнимающаго приблизительно сорокъ лѣтъ съ небольшимъ (съ 1866 г. и до 1911 г.). *Какъ* складывались эти взаимоотношенія и *почему* именно они сложились такъ, а не иначе—этого вопроса мы здѣсь касаться совершенно не можемъ.

Болѣе доступнымъ представлялся-бы вопросъ другого рода—не произошло ли сколько-нибудь замѣтныхъ измѣненій въ изучаемой нами области за взятый періодъ времени или по сравненію съ тѣмъ прошлымъ, которое извѣстно намъ по даннымъ предшествующихъ изслѣдованій крестьянской семьи на Сѣверѣ Россіи? Но какъ ни интересенъ этотъ вопросъ и самъ по себѣ, и какимъ-бы важнымъ онъ ни представлялся въ смыслѣ попытки заглянуть въ будущее крестьянской семьи на сѣверѣ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ отвѣтить на него сколько-нибудь удовлетворительно, такъ какъ считаемъ слишкомъ недостаточнымъ, ограниченнымъ количественно, использованный нами матеріалъ. Вслѣдствіе важности этого вопроса и приходится соблюдать особую осторожность въ своихъ заключеніяхъ по нему.

Въ только что очерченныхъ нами границахъ весь фактическій матеріалъ предшествующихъ главъ можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, каковы взаимоотношенія отдѣльныхъ членовъ крестьянской семьи между собою, каковъ объемъ *правъ*, какими обладаетъ каждый изъ нихъ, и каковъ кругъ *обязанностей*, какія онъ имѣетъ по отношенію къ другимъ; и во-вторыхъ, *чѣмъ опредѣляются* эти взаимоотношенія, какія „начала" ихъ проникаютъ, будутъ-ли выражаться послѣднія совершенно опредѣленно, ярко или же въ недостаточно развитой, сложившейся формѣ. Само собой понятно, что *матеріальная основа*

этихъ взаимоотношеній будетъ весьма различна для отдѣльныхъ членовъ крестьянской семьи и даже для одного и того-же лица она будетъ выражаться въ разныхъ формахъ: такъ, экономическая основа отношеній между братьями и сестрами или между мужемъ и женой иная, чѣмъ между родителями и дѣтьми, и въ то-же время власть отца надъ дѣтьми зиждется не только на томъ, что онъ является верховнымъ распорядителемъ и хранителемъ *общесемейнаго* имущества, но и на томъ, что онъ владѣетъ также и *личной* собственностью.

Вотъ краткая схема тѣхъ вопросовъ, на какіе мы попытаемся теперь дать посильный отвѣтъ, основывая его все время на тѣхъ фактическихъ данныхъ, съ какими читатель уже знакомъ изъ предшествующихъ главъ.

Несомнѣнно, что центральной фигурой въ составѣ крестьянской семьи является *отецъ*. Онъ—въ полномъ смыслѣ слова, *глава семьи*, съ весьма широкими полномочіями и правами не только въ сферѣ имущественныхъ отношеній, но и въ области отношеній личныхъ. Объемъ и границы отцовской власти трудно опредѣлить точно, но приблизительно ихъ можно охарактеризовать.

Въ *простой* семьѣ, т. е. состоящей изъ отца съ матерью, неженатыхъ сыновей и незамужнихъ дочерей, власть отца носитъ болѣе патріархальный характеръ и внѣшнее выраженіе свое находитъ въ томъ почтеніи и послушаніи, какое оказываютъ дѣти, привыкшія съ малыхъ лѣтъ признавать за отцомъ извѣстный авторитетъ. Правда, съ возрастомъ дѣтей этотъ авторитетъ отцовской власти умаляется все болѣе и болѣе, и начинаетъ яснѣе выступать другая основа родительской власти, болѣе прозаическая и „грубая". Прежнее нравственное начало, коренящееся въ родственно-кровной связи, уступаетъ свое мѣсто принципу хозяйственному. Не надо забывать, что вслѣдствіе условій крестьянской жизни эта хозяйственная, матеріальная сторона играетъ огромную роль во всемъ семейномъ укладѣ. Съ самыхъ первыхъ шаговъ самостоятельнаго существованія семьи, глава ея является не только отцомъ, родоначальникомъ новаго поколѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *домохозяиномъ*, хранителемъ и представителемъ общесемейнаго имущества, по отношенію къ которому на немъ лежатъ извѣстныя обязанности, и по обычаю, и по закону. Какъ управитель домохозяйства, онъ облеченъ извѣстными правами, заключающимися въ свободномъ распоряженіи всѣмъ имуществомъ, поскольку онъ сохраняетъ и умножаетъ его, а не растрачиваетъ; онъ не только ведетъ хозяйство, какъ находитъ цѣлесообразнѣй и лучше, но и распоряжается силами семьи, распредѣляя между дѣтьми тѣ или иныя работы, посылая сыновей на заработки или даже отдавая ихъ и дочерей въ услуженіе, требуя отъ нихъ взноса опредѣленной доли изъ заработаннаго ими на обще семейныя нужды и т. п.

Власть отца домохозяина простирается до предѣловъ, которые трудно назвать иначе, какъ злоупотребленіемъ этой властью: читатель помнитъ случаи, когда отецъ не только отпускалъ „ни съ чемъ" неполадившаго съ нимъ сына, но даже и вовсе выгонялъ его изъ дому, такъ что нужно было вмѣшательство общества или рѣшеніе суда, чтобы ограничить самовластіе „родителя" въ подобныхъ случаяхъ.

Однако, широкія права отца-домохозяина, какъ распорядителя *общесемейнымъ* имуществомъ, заключаютъ въ себѣ и элементъ ограниченія его власти. Такимъ является та отвѣтственность, которую несетъ глава семьи за цѣлость находящагося въ его распоряженіи имущества. Эта от-

вѣтственность не выражается внѣшне въ какихъ либо опредѣленныхъ нормахъ, но наличность ея существованія не подлежитъ сомнѣнію. Ярче всего она обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда бывшій глава семьи лишается своей власти по управленію хозяйствомъ и послѣднее передается въ руки жены или кого-нибудь изъ сыновей.

Причиной такого снятія власти съ большака-родителя является чаще всего „расточительность“ его и „нерадѣніе къ поддержанію своего хозяйства“.

Здѣсь совершенно ясно высказывается условный характеръ власти отца-домохозяина; она признается членами семьи лишь до тѣхъ поръ, пока охраняетъ благосостояніе семьи, какъ цѣлаго; разъ послѣднее условіе нарушено, глава семьи не можетъ претендовать на сохраненіе власти въ своихъ рукахъ, и если онъ не согласенъ добровольно удалиться отъ дѣлъ, то семья можетъ принудить его къ тому, прибѣгнувъ къ содѣйствію суда или общества.

Но, понятно само собой, что такое принудительное смѣщеніе бывшаго полноправнаго распорядителя всѣмъ хозяйствомъ можетъ имѣть мѣсто только потому, что самый объектъ распоряженія не составляетъ личной собственности домохозяина, а является *обще-семейнымъ* имуществомъ. Напротивъ того, *лично* принадлежащимъ ему имуществомъ, въ чемъ-бы оно ни заключалось, отецъ, и будучи лишенъ власти домохозяина, распоряжается по своему усмотрѣнію. Если здѣсь и возможны столкновенія, то они могутъ происходить не на почвѣ отрицанія права свободнаго распоряженія своей личной собственностью, а на трудности разрѣшенія вопроса, что, въ разныхъ конкретныхъ случаяхъ, нужно отнести къ „личной собственности“ и что къ „семейной“.

Хорошимъ примѣромъ тому могутъ служить *расчистки*. Формально по закону, расчистка находится въ полномъ распоряженіи того лица, на имя котораго она записана, помимо, разумѣется, тѣхъ ограниченій, какія заключаются въ самыхъ правилахъ о расчисткахъ*).

Но фактически, сплошь и рядомъ, расчистка производится совмѣстнымъ трудомъ отца-домохозяина, законнаго ея владѣльца, съ кѣмъ-либо изъ сыновей. Трудъ, употребленный на разработку „чищеницы“, даетъ право трудившемуся надъ ней сыну считать ее принадлежащей также и ему, въ зависимости отъ количества вложеннаго имъ труда. И обычно это признается и отцомъ, распредѣляющимъ расчистки между сыновьями, сообразуясь именно съ участіемъ каждаго изъ нихъ при разработкѣ чищеницы. Читатель помнитъ, вѣроятно, приведенный въ VIII главѣ случай отказа *судомъ* въ наслѣдованіи расчисткой тому изъ сыновей, который не принималъ участія въ ея разработкѣ, и оставленія ея за сыномъ, расчистившимъ ее совмѣстно съ отцомъ.

Но вполнѣ можно представить себѣ случай, когда отецъ захочетъ почему-либо лишить одного изъ сыновей взятой на свое имя расчистки, и это, конечно, вызоветъ то именно столкновеніе, о которомъ сказано выше. Если это столкновеніе не будетъ улажено мирнымъ, семейнымъ образомъ и отецъ захочетъ настоять на своемъ, по закону онъ окажется правымъ и расчистка останется за нимъ, какъ „принадлежащая ему лично на правахъ сорокалѣтняго пользованія“.

*) Желающіе ознакомиться съ вопросомъ о расчисткахъ могутъ найти краткое изложеніе сущности этого вопроса въ „Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства“, №№ 29, 30, 31, 33 за 1912 г. (Сергѣй Бndзъал о„Расчистки и владѣніе ими на крайнемъ сѣверѣ“).

Мы взяли въ примѣръ расчистку, такъ какъ здѣсь особенно рельефно выступаетъ право „личной собственности“, признаваемой и закономъ; но въ такомъ-же соотношеніи можетъ оказаться и любой изъ предметовъ, составляющихъ обще-семейную собственность. Вѣдь въ созданіи „семейнаго имущества“ участвуетъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, каждый взрослый членъ семьи и даже дѣти вносятъ сюда свою лепту, дѣлаясь помощниками отцу съ матерью чуть не съ 10-лѣтняго возраста. Конечно, доля вложеннаго отцомъ труда значительно больше, чѣмъ каждаго изъ дѣтей, но это уже вопросъ оцѣнки труда; сущность же заключается въ томъ что *дѣти участвуютъ своимъ трудомъ въ созданіи тѣхъ цѣнностей, которыя въ совокупности своей составляютъ имущество всей семьи*, и право распоряженія которыми принадлежитъ, однако, отцу, какъ домохозяину. А предѣлы этого распоряженія, какъ мы уже знаемъ, весьма широки: отецъ *можетъ* выдѣляющемуся сыну ничего не дать и „благословить его на новую жизнь, пожертвовавъ ему, словно въ насмѣшку, одно „сѣрое рабочее пальто“. Обычное право не даетъ въ этомъ случаѣ какихъ-либо опредѣленныхъ нормъ, слѣдовать которымъ было-бы обязательно для отца-домохозяина, и хотя общество смотритъ неодобрительно на такой произволъ главы семьи, однако, почти никогда не вмѣшивается въ это, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается надѣльной земли. Да и здѣсь, какъ мы видѣли выше, домохозяинъ-отецъ, явно узурпируя непринадлежащую ему власть, можетъ отказать сыну въ душевой землѣ. Такимъ образомъ, всѣ три вида „собственности“—общинная, семейная и личная—смѣшиваются въ одно имущество, ***верховное распоряженіе которымъ принадлежитъ отцу.***

Не имѣй отецъ личной собственности, которой онъ воленъ распоряжаться по своему усмотрѣнію—а она можетъ заключаться не только въ пчельницахъ, а и въ деньгахъ, и въ разныхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ и пр.—дѣти чувствовали-бы себя гораздо болѣе независимыми и могли-бы съ большей рѣшительностью добиваться принадлежащей имъ доли семейнаго имущества. Но опасеніе лишиться части отцовскаго имущества должно дѣлать ихъ болѣе сговорчивыми и покорными, тѣмъ самымъ усиливая отцовскую власть надъ ними. Съ другой стороны, это-же самое обстоятельство—существованіе въ рукахъ отца-домохозяина, наряду съ семейнымъ имуществомъ, и предметовъ, составляющихъ его единичную собственность—въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ повести къ значительному неравенству въ обезпеченіи сыновей при выдѣлѣ ихъ изъ семьи и къ стремленію у каждаго изъ нихъ использовать съ наибольшей выгодой для себя существующія съ родителями отношенія.

Такимъ образомъ,—въ основѣ *родительской власти* лежатъ два совершенно различныя начала: съ одной стороны эта власть зиждется на нравственномъ авторитетѣ *отца, какъ родоначальника*, поскольку этотъ авторитетъ создается чувствомъ привязанности, любви, уваженія и почтенія или поддерживается хотя бы въ силу привычки; съ другой стороны, эта власть находитъ себѣ сильную матеріальную опору въ положеніи отца, какъ *домохозяина*, не только полновластно распоряжающагося общимъ семейнымъ имуществомъ, но и владѣющаго личной собственностью, распредѣляемой имъ между дѣтьми по своему усмотрѣнію. Понятно, что первое начало находитъ себѣ большее примѣненіе, пока дѣти еще не пришли въ возрастъ, постепенно утрачивая свое значеніе къ періоду полной ихъ возмужалости. Выше читатель видѣлъ не мало примѣровъ тому, какъ слаба нравственная связь между родителями и дѣтьми и въ

какія уродливыя формы выливаются порой ихъ взаимныя отношенія. При существованіи нравственной связи, такой естественной казалась-бы помощь старикамъ родителямъ со стороны вышедшихъ на самостоятельную дорогу дѣтей; но мы видѣли, что нерѣдко отцу или матери приходится судебнымъ порядкомъ принуждать дѣтей къ обязанности давать имъ пропитаніе и вообще содержать ихъ.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное выше о *правахъ и обязанностяхъ* родителей по отношенію къ дѣтямъ, можно придти къ слѣдующему. Главнѣйшей *обязанностью* отца является содержаніе и воспитаніе дѣтей, пока они не пришли въ совершеннолѣтній возрастъ, и затѣмъ сохраненіе семейнаго имущества и правильное, толковое веденіе хозяйства до передачи его въ руки дѣтей. Объемъ *правъ* отца слагается, во-первыхъ, изъ его *родительской* власти надъ дѣтьми, отъ которыхъ онъ можетъ требовать послушанія и уваженія, можетъ наказывать ихъ за проступки или неповиновеніе его волѣ и, наконецъ, требовать отъ нихъ пропитанія и содержанія въ старости; другого рода права отца вытекаютъ изъ занимаемаго имъ положенія *домохозяина*, въ качествѣ каковаго онъ распоряжается трудомъ каждаго изъ членовъ семьи, ведетъ самостоятельно хозяйство, распредѣляетъ имущество между членами семьи при выдѣлѣ ихъ въ самостоятельное хозяйство и является законнымъ ея представителемъ какъ передъ мѣстными властями, такъ и передъ своимъ сельскимъ обществомъ (и общиной).

Права отца распространяются не только на родныхъ дѣтей, но также и на пасынковъ, зятей, пріемышей и вообще на усыновленныхъ и принятыхъ въ семью на правахъ родного сына.

Здѣсь уже встрѣчаемся съ взаимоотношеніями родителей и дѣтей въ *сложной семьѣ*, причемъ матеріальный характеръ этихъ отношеній выступаетъ съ особенной наглядностью, что вполнѣ понятно, такъ какъ традиціи *родительской* власти въ данномъ случаѣ отсутствуютъ вовсе. Формальный *договоръ*, которымъ точно опредѣляются „права и обязанности“ той и другой стороны,—вотъ внѣшнее выраженіе возникающихъ при этомъ взаимоотношеній между „богоданными“ родителями и „пріемными дѣтьми“.

Сущность этихъ договоровъ заключается въ томъ, что принимающій зятя (или и постороннее вовсе лицо) въ домъ передаетъ ему все свое имущество, сразу, или по частямъ, съ правомъ распоряжаться имъ принимаемому лицу, какъ *домохозяину*, безъ вмѣшательства со стороны „пріемныхъ родителей“. Зять-пріймакъ или другое усыновляемое лицо обязуется *за* полученное въ его полное распоряженіе имущество почитать принявшихъ его какъ бы замѣсто родителей, призрѣвать и кормить ихъ до самой смерти, а по смерти похоронить по христіанскому обряду. Иногда въ этихъ договорахъ, какъ помнитъ читатель, подробно обозначаются условія передачи имущества и пользованія имъ со стороны принятаго лица. Такимъ образомъ, передаваемое имущество здѣсь является простымъ вознагражденіемъ за выполненіе тѣхъ услугъ и обязательствъ, которыя беретъ на себя принятое въ домъ лицо.

Но, въ сущности, отношенія настоящихъ родителей и дѣтей, съ момента выдѣла послѣднихъ изъ семьи, весьма близко подходятъ къ только что очерченнымъ. Припомнимъ, что сынъ, не получившій ничего при отходѣ своемъ изъ родительскаго дома, ничего не обязанъ и давать на содержаніе родителей и, напротивъ того, сыновья, получившіе свою долю изъ общаго семейнаго имущества, не могутъ отказать въ пропитаніи родителямъ и въ случаѣ такого отказа съ ихъ стороны присужда-

ются къ тому судомъ. Родители въ правѣ разсчитывать въ старости на помощь дѣтей лишь постольку, поскольку они сами дали имъ средства начать самостоятельную жизнь, и уже одно то обстоятельство, что въ волостныхъ судахъ такъ много встрѣчается жалобъ на отказъ со стороны дѣтей въ пропитаніи, ясно говоритъ о томъ, какъ плохо выполняются послѣдними обязанности по отношенію къ старикамъ родителямъ. Не приходится говорить о „нравственной связи“ между деревенскими „отцами и дѣтьми“, когда, съ одной стороны, сынъ считаетъ себя въ правѣ бить мать, „но только за дѣло“, а съ другой, мать вынуждена прибѣгать къ тайному похищенію и продажѣ принадлежащихъ сыну вещей, чтобы понудить его давать ей на пропитаніе. Среди пословицъ и поговорокъ, употребляемыхъ въ Архангельской губерніи, есть двѣ, ярко выражающія эту сторону взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми.

„Старый долгъ платить, да отца мать кормить — нѣтъ того хуже“, — говоритъ одна изъ нихъ, а другая какъ-бы поясняетъ, какія именно отношенія создаются между обѣими сторонами по выходѣ дѣтей изъ родительской семьи:

„Братъ брату складчикъ, *сынъ отцу сосѣдъ*“ (к. н.)... А есть и еще, грубый смыслъ которой понятенъ и безъ поясненій:

„Стару собаку не батькомъ-же звать“ *)...

Но семья держится властью не одного только отца — извѣстная доля родительской власти и родительскихъ правъ принадлежитъ также и *матери*.

При жизни мужа эта „власть“, впрочемъ, очень не велика: по отношенію къ дѣтямъ вся она сводится къ нравственному авторитету матери, какъ родительницы и воспитательницы, т. е. заключается въ правѣ требовать отъ дѣтей послушанія и уваженія, каковое право матери санкціонируютъ своими рѣшеніями и волостные суды. При просмотрѣ дѣлъ въ волостныхъ судахъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ родителямъ со стороны дѣтей невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что родители жалуются всегда на сыновей, родныхъ или пасынковъ, зятьевъ и *невѣстокъ* и никогда почти на дочерей, изъ чего, кажется, можно заключить о большей прочности родственной связи, существующей у послѣднихъ съ отцомъ и матерью. Не слѣдуетъ, однако, придавать этому большаго значенія, чѣмъ есть оно на дѣлѣ. У дочерей съ матерью, помимо нравственной связи, существуютъ отношенія и другого характера: дочери являются первыми наслѣдницами *материнскаго* имущества и кромѣ того мать принимаетъ наибольшее участіе въ заготовкѣ *приданаго* дочерей. При плохихъ отношеніяхъ съ родителями и особенно съ матерью положеніе дочери-дѣвушки въ семьѣ становится очень тяжелымъ, при томъ имущественномъ безправіи, какое выпадаетъ на ея долю. А со стороны отца „непокорная“ дочь можетъ встрѣтить скорѣе, чѣмъ непокорный сынъ, суровое, строгое отношеніе, переходящее иной разъ въ чисто физическое воздѣйствіе, такъ какъ здѣсь не можетъ быть такого энергичнаго отпора. Есть и еще причина, почему, на нашъ взглядъ, отношенія родителей съ дочерьми должны носить болѣе мягкій характеръ. Дочь-дѣвушка — временный членъ семьи; придя въ возрастъ, сегодня — завтра она покинетъ родительскій кровъ, промѣняетъ его на „чужу дальнюю сторонушку“; какъ поется въ старинныхъ пѣсняхъ, и это сознаніе не можетъ не отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ родителей съ дочерьми. Въ силу этого же своего „дѣвичьяго“ положенія, дочь совер-

*) Какъ эти, такъ и приводимыя дальше пословицы взяты нами изъ „Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Арханг. губ.“, ч. II, собраннымъ покойнымъ П. С. Ефименкомъ.

шенно не имѣетъ права голоса въ управленіи общимъ хозяйствомъ, не имѣетъ своей доли въ общемъ имуществѣ, помимо приданаго, и нѣтъ у нея, слѣдовательно, лишнихъ поводовъ къ столкновеніямъ съ родителями. А мы видѣли выше, что къ такимъ столкновеніямъ чаще всего и приводятъ именно взаимоотношенія имущественнаго, матеріальнаго характера, среди которыхъ не маловажную роль играетъ обязанность пропитанія престарѣлыхъ родителей, на дочь совершенно почти не падающая.

О вполнѣ уважительныхъ причинахъ иного отношенія со стороны невѣстки къ родителямъ мужа говорить не приходится, такъ какъ онѣ понятны сами собой.

Не даромъ въ пословицѣ говорится:—кошку бьютъ, невѣсткѣ на вѣтки (намеки) даютъ"...

Но если не велико значеніе матери при жизни ея мужа, то совсѣмъ нельзя сказать того-же о матери-вдовѣ, живущей съ *неотдѣленными* дѣтьми. Пока дѣти живутъ въ общей семьѣ, мать является „управительницей всего дома и хозяйства", и они обязаны находиться „въ полномъ ея повиновеніи, *какъ матери и какъ старшаго члена семьи*". Всѣ права покойнаго ея мужа, какъ домохозяина и главы семейства, переходятъ къ ней, и она, какъ мы видѣли изъ рѣшеній вол. суда, дѣлитъ имущество передъ смертью между дѣтьми, „завѣщая" одному одно, а другому другое и обусловливая владѣніе завѣщаннымъ обязательствами со стороны получившаго надѣльное имущество (Рѣш. Куш. в. с. 1898 г., № 20 „Извѣстій; стр. 922).

Эти широкія права мать-вдова имѣетъ только въ простой семьѣ при неотдѣлившихся дѣтяхъ; въ сложной же семьѣ и особенно той разновидности ея, которая зовется „сводной" семьей, права матери далеко не такъ полны, такъ какъ здѣсь и умершій ея мужъ не обладалъ ими въ полной мѣрѣ *).

Въ такой семьѣ имущество является общимъ, и всѣ принадлежащіе къ семьѣ члены имѣютъ право на него, но до выхода изъ нея подчиняются распоряженіямъ и волѣ большака.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ имущественнымъ правамъ отдѣльныхъ членовъ семьи, какъ они выяснились передъ нами изъ предыдущаго изложенія, остановимся нѣсколько на отношеніяхъ супруговъ и особенно на положеніи замужней женщины.

„Въ домѣ хозяинъ больше архіерея", говоритъ одна изъ архангельскихъ пословицъ, и этимъ ярко обрисовано значеніе мужа, какъ *хозяина* дома и пусть даже по духовнымъ своимъ качествамъ и способностямъ этотъ „домашній архирей" стоитъ ниже своей жены, все-же онъ „глава семьи", имѣющій право, по мнѣнію окружающихъ, даже и „поучить" жену. „Конь горбатъ, да не кобылѣ братъ", какъ характеризуетъ народная пословица это преимущество „мужика" передъ бабой, и „не бывать курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ". Это „главенство" мужа нерѣдко выражается въ грубыхъ, уродливыхъ формахъ, самодурства въ личныхъ отношеніяхъ, съ одной стороны, и въ подчиненномъ положеніи жены, съ другой, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ женѣ отводится чисто служебная роль „необходимой мужу для веденія и поддержки хозяйства въ домѣ". Она даже не помощница мужу,—потому что понятіе помощи подразумѣваетъ нѣкоторое равенство—она просто „рабочая сила крестьянскаго двора", и какъ таковая, можетъ быть вытребована

*) Зависимое, приниженное положеніе женщины въ *сводной* семьѣ имѣетъ свои историческія причины, коренящіяся во взглядѣ на женщину, какъ чужестранку, пришедшую изъ чужой семьи, чужого *рода* и т. д., но этой стороны мы здѣсь касаться не можемъ и лишь отмѣчаемъ ее мимоходомъ.

къ мужу въ домъ, если почему-либо „самовольно“ покинетъ его. Даже бездомность мужа, занятіе его „нищенствомъ“ не спасаетъ ее отъ обязанности быть возлѣ мужа. Конечно, подобные случаи представляютъ собой исключительное, уродливое явленіе, но взглядъ на жену, какъ *рабочую силу*, необходимую для веденія хозяйства, далеко не исключительный и его придерживается не только заинтересованная сторона, но высказываютъ его на судѣ и сосѣди, выражающіе въ данномъ случаѣ какъ бы мнѣніе деревенскаго міра. И если вдуматься въ этотъ взглядъ безпристрастно, не поддаваясь естественному протестующему чувству культурнаго человѣка, то мы увидимъ, что онъ обязанъ своимъ существованіемъ экономическимъ условіямъ крестьянской жизни, *вынуждающимъ* крестьянина видѣть въ женѣ прежде всего хозяйку, рабочую силу, тогда какъ самъ онъ прежде всего работникъ и плательщикъ многочисленныхъ казенныхъ и мірскихъ налоговъ. Мало того, въ этомъ грубо-экономическомъ взглядѣ на жену заключается въ то же время, какъ это ни странно покажется съ перваго взгляда, и сила женщины, необходимое условіе дальнѣйшаго расширенія ея правъ до положенія самостоятельной, полной „управительницы всего дома и хозяйства“, какой она является въ случаѣ смерти мужа, при неотдѣленныхъ дѣтяхъ.

— Дѣло въ томъ, что семья крестьянская носитъ преимущественно характеръ *трудового союза*, въ которомъ экономическое начало играетъ преобладающую, если не исключительную роль. Молодая женщина вступаетъ въ семью своего мужа изъ другой семьи; она не участвовала до сихъ поръ въ созданіи или хотя-бы поддержкѣ имущества этой, вчера еще бывшей для нея чужой, семьи. Ея труда здѣсь нѣтъ еще ни капли. Правда, она принесла съ собой приданое, но по большей части оно составляетъ ея исключительную, личную собственность, которая пойдетъ впослѣдствіи дочерямъ-же, временнымъ членамъ семьи. Свое положеніе въ новой семьѣ она скорѣе и прочнѣй всего можетъ завоевать трудомъ, и чѣмъ дольше она живетъ съ мужемъ, дѣля съ нимъ всѣ труды и заботы по хозяйству, тѣмъ прочнѣй становится ея положеніе, что внѣшне выражается правомъ ея на большую долю въ мужниномъ хозяйствѣ, въ случаѣ смерти мужа.

Но понятно, что наибольшаго напряженія силъ и наибольшаго количества труда требуютъ дѣти, которыхъ надо выростить, вспоить, вскормить, поднять на ноги. При дѣтяхъ значеніе матери возрастаетъ не только потому, что она мать, родительница, но и потому, что она становится незамѣнимой „рабочей силой крестьянскаго двора“, совмѣщающей въ своемъ лицѣ и обязанности „хозяйки“, и права матери-воспитательницы, и функціи „рабочей силы“, какъ таковой. „Не та мать, которая родила, а которая вскормила“, говоритъ народъ, имѣя въ виду всю ту массу труда, которую мать несетъ, какъ воспитательница, ближайшая помощница мужа.

Правовое положеніе *матери* становится настолько прочнымъ, что *даже и при жизни мужа* она можетъ пріобрѣсти всю полноту власти домохозяйки: это тѣ случаи, когда мужъ оказывается не на высотѣ своего положенія „главы семьи“ и ведетъ хозяйство плохо, нерадиво, является не наживщикомъ, а раззорителемъ семьи.

Тогда „большина“ — по суду или приговору общества — отбирается отъ мужа и передается женѣ, если она удовлетворяетъ нужнымъ для того качествамъ.

Если принимать во вниманіе только что указанную сторону, то намъ понятны станутъ взгляды народа на роль и значеніе жены-хозяйки

въ домѣ, съ перваго раза стоящіе въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ приведенными выше пословицами, изъ которыхъ приведемъ еще одну, характерную именно для описываемаго района: „Не дуйся, коровушка, не быть бычкомъ"... Въ противоположность этому можно привести немало мѣстныхъ пословицъ, подчеркивающихъ огромное значеніе жены въ домѣ мужа: „Хозяйкой все стоитъ", „Мужъ запьетъ—полдома загоритъ, а жена запьетъ—весь домъ загоритъ", „Не надобенъ и кладъ, когда съ женой у мужа ладъ" и т. п.

Посмотримъ еще, какъ разрѣшаютъ мѣстные обычаи вопросъ о *приданомъ* и каково положеніе *вдовы* по обычному праву въ нашемъ районѣ.

Приданое „платное" составляетъ собственность жены, и имъ она можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. По смерти ея, оно переходитъ дочерямъ, если онѣ есть, а въ случаѣ ихъ отсутствія сыновьямъ; если же дѣтей нѣтъ, то оно возвращается въ семью жены, а мужу выдается лишь постельный уборъ или вѣнчальное платье, иногда то и другое. При жизни своей, однако, жена не всегда можетъ распоряжаться приданымъ.

Та часть приданаго, которая зовется „надѣлкомъ" и состоитъ обычно изъ скота или сѣна, поступаетъ въ общее пользованіе мужа и жены, и по смерти жены, мужъ не обязанъ его вернуть ея родственникамъ, если оно ушло уже на общія хозяйственныя нужды. Здѣсь эта общность пользованія вытекаетъ изъ хозяйственныхъ соображеній и изъ самаго предназначенія „надѣлка": сѣно идетъ скоту, продуктами или работой котораго пользуется вся семья, а съ другой стороны, скотъ, составляющій приданое, содержится на средства мужа, являющагося, какъ домохозяинъ, представителемъ всей семьи. Но мы видѣли выше случай, когда судъ отказалъ женѣ въ отобраніи приданаго, удержаннаго мужемъ. Однако, этотъ случай совершенно не характеренъ, такъ какъ рѣшеніе суда состоялось подъ прямымъ давленіемъ „закона", чтобы не нарушить указа 1 го Деп. Сената отъ 9 марта 1876 г. за № 2012, запрещающаго волостнымъ судамъ „постановлять рѣшенія, клонящіяся къ разлученію супруговъ, хотя бы рѣшенія и не были бракоразводными, въ строгомъ смыслѣ слова" *). Вообще этотъ указъ далъ сильную власть въ руки мужа, отнявъ у суда возможность встать на сторону жены, когда та дѣйствительно нуждается въ такой защитѣ суда. Вотъ почему и встрѣчаются въ практикѣ волостныхъ судовъ подобныя нелѣпыя рѣшенія, что хотя жалоба жены на поведеніе мужа и признается справедливой и на мужа налагается какое-либо наказаніе, однако, несмотря на то, „самовольно" ушедшая изъ дому жена водворяется на жительство къ мужу.

Положеніе *вдовы* въ крестьянской семьѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вдова *бездѣтная* или возвращается въ семью родителей своихъ, взявъ съ собой приданое, или остается въ домѣ мужа, пользуясь оставшимся послѣ него имуществомъ. Тотъ или другой исходъ не есть какая-либо случайность, а всецѣло вытекаетъ изъ того факта, какъ долго жила жена съ мужемъ, иначе говоря, насколько большое участіе принимала она во всѣхъ трудахъ и заботахъ мужа по веденію хозяйства, какъ велика была внесенная ее доля своего труда.

Срокъ пребыванія въ семьѣ мужа, достаточный для надѣленія ей всего или части имущества, оставшагося по смерти мужа, могъ въ раз-

*) „Общее положеніе о крестьянахъ", составл. Н. М. Тютрюмовымъ, изд. 2-е, ст. 125, п. 52.

личныхъ мѣстностяхъ быть разный, но самый принципъ, положенный въ основаніе правъ жены на имущество покойнаго, всюду одинъ и тотъ же. Нельзя не признать этотъ принципъ весьма послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія крестьянина, выше всего ставящаго экономическія, хозяйственныя соображенія. *Право на имущество даетъ не бракъ самъ по себѣ, а фактическая принадлежность къ семьѣ мужа*; главнѣйшимъ-же признакомъ такой принадлежности является трудъ—и чѣмъ дольше онъ примѣнялся, тѣмъ прочнѣе, явственнѣе эта принадлежность, тѣмъ большаго эквивалента требуетъ вложенный въ общее хозяйство трудъ, тѣмъ меньше возраженій встрѣчаетъ наслѣдованіе вдовы со стороны семьи мужа, тѣмъ менѣе чужой признаетъ ее эта семья.

Совершенно иное видимъ относительно вдовы, оставшейся по смерти мужа съ дѣтьми. Самаго факта существованія дѣтей и необходимости ихъ пропитанія достаточно для того, чтобы права жены на оставшееся имущество мужа признавались всѣми. Здѣсь въ полной мѣрѣ дѣйствуютъ три мотива: дѣтей нужно содержать; для семьи жены эти дѣти чужія и эта семья вовсе не обязана ихъ содержать и, наконецъ, имущество мужа, при существованіи семьи, должно быть разсматриваемо, какъ *семейная собственность*, всѣ права на которое имѣютъ мать и оставшіяся при ней дѣти.

Но отсюда же слѣдуетъ, что права матери при этомъ ограничены: она является лишь распорядительницей и управительницей семейнаго имущества, которое она обязана сохранить въ цѣлости до совершеннолѣтія дѣтей, чтобы тогда передать его имъ, если они захотятъ отдѣлиться.

Но вдова при дѣтяхъ наслѣдуетъ полностью не только имущество мужа, а также получаетъ и надѣльную землю, причемъ послѣдняя, вслѣдствіе существующей здѣсь разверстки на *мужскія* души, дается только на мальчиковъ. Однако можно въ нѣкоторыхъ общинахъ замѣтить проявленіе болѣе справедливаго начала: иногда вдовамъ дается земля, хотя-бы мальчиковъ у нихъ и не было, но только въ меньшемъ противъ принятаго въ общинѣ размѣра—на 2—3 дѣвочки 1 душа или полторы.

Такимъ образомъ, наиболѣе тяжелымъ представляется положеніе вдовы, прожившей съ мужемъ недолго: она или должна вернуться въ прежнюю семью, что далеко не всегда для нея можетъ явиться желательнымъ, а чаще—наоборотъ, или же существовать одной на свой заработокъ и сохранившееся у нея приданое. Про этихъ-то безхозяйныхъ вдовъ и говоритъ пословица:

„На вдовій домокъ хоть щепку брось—и за то Богъ помилуетъ“...

Мы можемъ не такъ долго останавливаться на положеніи другихъ членовъ семьи, на ихъ правахъ и обязанностяхъ, такъ какъ все это достаточно уже выяснилось передъ читателемъ изъ предъидущаго изложенія. Намъ нужно лишь подчеркнуть болѣе выпукло нѣкоторыя основныя начала, опредѣляющія права и обязанности остальныхъ членовъ семьи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ положеніе *зятей-приймаковъ* и *сестеръ при братьяхъ*.

Положеніе первыхъ въ семьѣ ихъ жены опредѣляется гл. обр. путемъ договора, такъ мы видѣли это изъ главы пятой. Договоръ замѣняетъ собой усыновленіе и принятый въ домъ зять пользуется правами не только родного сына, но и домохозяина. Существенное значеніе имѣетъ именно это послѣднее обстоятельство—право распоряженія передаваемымъ ему имуществомъ. Договоръ опредѣляетъ и права и обязанности прiймака и указываетъ порядокъ наслѣдованія имуществомъ по смерти

пріемныхъ родителей или ихъ дочери, его жены. Договоромъ поглощается все, и на долю „родного сына“ ничего не остается: это простая фикція, вводимая больше для видимости. Въ самомъ дѣлѣ, существенная обязанность дѣтей по отношенію къ родителямъ—обязанность пропитанія ихъ въ старости—также предусмотрѣна здѣсь договоромъ; да и самое принятіе зятя въ домъ этимъ именно и вызвано. Въ то же время наиболѣе безспорное право родного сына—наслѣдовать своимъ родителямъ—принадлежитъ пріймаку лишь въ той мѣрѣ, въ какой это зафиксировано договоромъ. Какъ право распоряженія имуществомъ, такъ и право наслѣдованія имъ обусловлено выполненіемъ извѣстныхъ обязательствъ, что исключаетъ полное тождество между принимаемымъ „на правахъ родного сына“ и настоящимъ роднымъ сыномъ. Особенно рѣзко это проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда договора о порядкѣ наслѣдованія не заключено: тогда права зятя-пріймака на оставшееся по смерти его пріемныхъ родителей и жены имущество могутъ быть опротестованы со стороны боковыхъ родственниковъ, и зять получаетъ лишь часть имущества, въ зависимости отъ того, какъ долго онъ жилъ въ новой семьѣ. Здѣсь видимъ довольно близкую аналогію съ положеніемъ вдовы, оставшейся послѣ мужа бездѣтной: чѣмъ больше вложено было пріймакомъ труда и силъ въ оставшееся имущество, тѣмъ больше правъ онъ имѣетъ на него.

Имущественныя права дочерей, какъ мы знаемъ, не велики: дочь-дѣвушка, при братьяхъ имѣетъ право лишь на приданое, и, выйдя замужъ, вовсе не участвуетъ въ оставшемся послѣ родителей имуществѣ кромѣ, конечно, того случая, когда часть имущества поступаетъ къ ней по завѣщанію или другому передаточному акту, или когда вовсе нѣтъ родственниковъ, больше ея имѣющихъ правъ на это имущество.

Можетъ показаться страннымъ и какъ-бы противорѣчащимъ началамъ трудового строя семьи, почему такъ незначительны права дочери, трудъ которой на пользу семьи, однако, нельзя назвать ничтожнымъ. Дочь—ближайшая помощница матери во всемъ домашнемъ хозяйствѣ, а послѣднее здѣсь, благодаря существованію скотоводческаго промысла, не легко вести; она выполняетъ и всѣ полевыя женскія работы, какъ жнетъ, убираетъ сѣно, молотитъ. Казалось-бы, что она должна имѣть болѣе опредѣленную долю въ общемъ семейномъ имуществѣ, надъ сохраненіемъ и приращеніемъ котораго она трудится наравнѣ съ остальными членами семьи.

Мы не отрицаемъ, что неравноправіе половъ, имѣющее мѣсто не въ одной крестьянской средѣ (и даже въ послѣдней меньше, чѣмъ среди другихъ слоевъ), отражается невыгодно и на имущественномъ положеніи крестьянской женщины, однако думаемъ, что большого отступленія отъ трудового начала въ имущественныхъ правахъ дѣвушки не заключается. Хотя приданое, заготовляемое для нея на средства *всей семьи*, и не есть какая-либо опредѣленная величина, но все-же въ общемъ далеко не богатомъ крестьянскомъ бюджетѣ оно составляетъ не малую часть. Кромѣ того, семья несетъ довольно большіе расходы, соединенные съ выдачей дѣвушки замужъ, и нерѣдко они относительно тѣмъ больше, чѣмъ малосостоятельнѣе семья. Затѣмъ не надо забывать, что дочь обычно болѣе, чѣмъ братья, пользуется временемъ, свободнымъ отъ необходимыхъ хозяйственныхъ работъ въ *свою пользу*, употребляя на себя заработанныя на сторонѣ или дома деньги. Если все это принять во вниманіе, то врядъ-ли получаемая ею при выходѣ замужъ доля семейнаго имущества (ибо приданое въ значительной мѣрѣ является та

овымъ, поскольку въ созданіи его участвуютъ своимъ трудомъ осталь-ые члены семьи) можетъ считаться ничтожной, чтобы говорить, будто на не большица въ семейномъ имуществѣ. Вѣдь и братья не имѣютъ акой либо опредѣленной доли въ семейномъ имуществѣ, и выдѣлъ сы-овей часто зависитъ, какъ мы знаемъ, отъ усмотрѣнія родителей. Есть лучаи—и они не такъ рѣдки,—когда сыновья выходятъ изъ семьи съ олыми руками, если они отдѣляются противъ воли отца. Въ то-же вре-я выдѣленные или самовольно отдѣлившіеся сыновья вовсе не уча-твуютъ въ оставшемся по смерти родителей имуществѣ, какъ и вышед-іія замужъ дочери.

„Отрѣзанный ломоть къ ковригѣ не прильнетъ“, говорятъ крестья-е, и этимъ „отрѣзаннымъ ломтемъ“ бываютъ какъ сыновья, такъ и очери.

Болѣе незавиднымъ представляется положеніе сестеръ-незамужницъ ри братьяхъ. Поскольку, однако, на братьяхъ лежитъ обязанность выдать сестеръ замужъ“, постольку и въ этомъ случаѣ примѣнимо олько что сказанное. Если-же дѣвушка остается вовсе незамужницей, вѣковушей“, какъ зовутъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ея доля въ об-щемъ семейномъ имуществѣ сводится къ праву на проживаніе и содер-аніе отъ того изъ братьевъ, при которомъ она остается. При этомъ ерѣдко случается, что она своимъ-ли трудомъ или въ силу различныхъ бстоятельствъ, завоевываетъ себѣ почетное положеніе въ семьѣ брата становится даже „большухой“. Понятно, въ этомъ случаѣ не можетъ ыть и рѣчи о томъ, что ея положеніе плохое. Но бываетъ и послѣднее —и какъ мы видѣли, нерѣдко братъ „обижаетъ“ сестру: въ такомъ лучаѣ она прибѣгаетъ къ содѣйствію суда, и послѣдній *выдѣляетъ* ей асть семейнаго имущества. Слѣдовательно, и тутъ она является доль-щицей въ общемъ семейномъ имуществѣ, хотя доля эта не вездѣ опре-ѣленная.

Наконецъ, не надо выпускать изъ виду одного важнаго обстоятель-тва, что на неравенство въ имущественномъ положеніи мужской и енской линіи въ крестьянскомъ быту, помимо общихъ причинъ исто-ическаго характера, оказываетъ большое вліяніе общая экономическая есостоятельность крестьянской семьи, во-первыхъ, и та отвѣтственность передъ сельскимъ обществомъ, земельной общиной и, главное, передъ госу-арствомъ, какую несетъ каждый крестьянинъ *домохозяинъ* во вторыхъ. Пер-ое изъ указанныхъ обстоятельствъ, *въ связи со вторымъ*, не могло не отра-иться неблагопріятнымъ образомъ на имущественномъ положеніи жен-щины. Тамъ, гдѣ она является *домохозяйкой*, женщина пользуется всей олнотой правъ мужчины и въ отношеніи распоряженія имуществомъ имѣетъ тѣ-же права, что и онъ.

Не надо забывать также и того, что внутренній складъ крестьян-кой семьи не есть что-то отдѣльное отъ всего уклада крестьянской жизни—въ частности, отъ жизни общины, „міра“. А въ послѣдней из-давна преимущество дается „мужику“, какъ тягольщику, и стародавній принципъ господства „ревизской души“ надъ живой душой каждаго члена крестьянскаго міра, безъ различія половъ, еще не отжилъ свой вѣкъ: въ Архангельской губерніи „ревизскую душу“ смѣнила лишь „наличная *мужская* душа“, а женская еще ждетъ своего признанія въ глазахъ сельской общины.

Что касается до правъ и обязанностей сыновей, то мы уже знаемъ, что права ихъ сводятся къ полученію доли изъ семейнаго имущества, *въ принципѣ* равной для каждаго изъ нихъ, а обязанности состоятъ въ

трудѣ на пользу семьи, пока они живутъ нераздѣльно, въ послушані и почитаніи родителей и пропитаніи послѣднихъ въ старости. Однак имущественное равенство сыновей не всегда соблюдается, и надѣлені сына зависитъ отъ воли отца, а послѣдній можетъ даже вовсе лиши сына какъ лично принадлежащаго ему, отцу, имущества, такъ и о ще-семейнаго. Возникаетъ вопросъ, какъ-же примирить этотъ произвол отцовской власти съ началомъ трудовымъ, по которому сынъ, какъ ра ботникъ въ семьѣ, имѣетъ неоспоримое право на часть семейнаго иму щества? Что трудовой принципъ играетъ большую роль въ *распредѣлен отцомъ имущества* между сыновьями, на это есть несомнѣнныя доказател ства: самое „усмотрѣніе" отца въ назначеніи неравныхъ долей сыновьям весьма часто объясняется именно примѣненіемъ этого трудового начал

Отецъ, какъ домохозяинъ, хорошо знаетъ, въ какой мѣрѣ каждый из сыновей вложилъ свой трудъ въ созданіе общей семейной собственност или содѣйствовалъ приращенію его личной собственности (какъ въ ра чисткахъ), и потому онъ справедливѣе, чѣмъ кто-либо иной *можетъ* распредѣлить имущество между сыновьями. И, мы думаемъ, что тако распредѣленіе, при условіи, конечно, что оно произведено совершен безпристрастно, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ участіемъ сыно вей въ общемъ трудѣ, дастъ гораздо большее удовлетвореніе чувств справедливости, чѣмъ простое ариѳметическое „равенство" каждаго из сыновей по отношенію къ семейному и родительскому имуществу, осно ванное на ихъ кровномъ родствѣ. Понятно, что судъ или законъ при мѣняютъ этотъ принципъ равенства, такъ какъ иной для нихъ недосту пенъ, изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что это—наилучшій принципъ.

Но обладаніе дискреціонной, безконтрольной властью всегда всюду соединено съ злоупотребленіями со стороны носителя этой власти и было-бы странно ожидать иного и въ крестьянской семьѣ, гдѣ низ кій умственный уровень развитія старшихъ членовъ семьи можетъ ока зывать только отрицательное вліяніе. А на помощь безконтрольном усмотрѣнію родительской власти пришелъ еще полновластный законъ поставилъ выдѣлъ сыновей всецѣло отъ согласія отца домохозяина. Есл прежде общество могло охранять интересы младшихъ членовъ семьи то съ изданіемъ закона 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, почему-либо не поладившій съ отцомъ сынъ долженъ былъ затаить въ себѣ вс обиды и терпѣливо ждать, когда отецъ „смилуется" и согласится выдѣ лить его по справедливости, или-же „самовольно" уйти изъ дому, нес всѣ невыгодныя послѣдствія своего „самовольства", благо обществ смотрѣло сквозь пальцы на это и не препятствовало жить отдѣльно.

Но можно ли изъ факта существованія злоупотребленій заключат объ отсутствіи того начала, которое примѣняется *обычно* въ нормал ныхъ случаяхъ? Можно-ли изъ факта какого-либо *правонарушенія* заклю чать, будто не существуетъ и самое право, и не естественно-ли сдѣ лать какъ разъ обратное заключеніе? Вотъ почему мы не можемъ при давать такого рѣшающаго значенія родительскому усмотрѣнію въ дан номъ вопросѣ, особенно принимая во вниманіе то сильное давленіе, ко торое оказывалъ законъ въ теченіе двухъ десятилѣтій на правосознані крестьянъ.

Ставя выдѣлъ сыновей въ зависимость отъ согласія отца-домохозяин законъ 1886 г. косвенно уничтожалъ этимъ „семейную собственность", ко торая, однако, многократно признается въ различныхъ узаконеніяхъ и се натскихъ разъясненіяхъ. Лишая сыновей ихъ законнаго права на семей ное имущество, онъ содѣйствовалъ лишь еще большей экономическо

слабости отдѣлившихся „малолѣтовъ“ и, слѣдовательно, достигалъ результатовъ какъ разъ противоположныхъ. А у обдѣленныхъ сыновей осталось одно „право“—вѣрнѣе сказать, одно средство отомстить за нанесенную имъ „обиду“—отказать отцу съ матерью въ пропитаніи, когда тѣхъ постигнетъ старость. Таковы были результаты этого закона въ нравственной сферѣ семейныхъ отношеній, такъ поддерживался имъ авторитетъ отцовской власти...

Преимущественное значеніе трудового принципа въ распредѣленіи имущества между братьями ясно высказано, между прочимъ, въ мотивахъ, по которымъ одинъ изъ братьевъ считаетъ себя въ правѣ не давать имущества другому брату, вернувшемуся изъ военной службы: не даетъ, потому, что тотъ былъ въ то время малолѣтнимъ, и „имущество пріобрѣлъ онъ своими силами“ (№ 20, стр. 925).

Правда, что отвѣтчикъ согласился на добровольную сдѣлку и выдалъ младшему брату небольшую часть оставшагося послѣ отца имущества; но здѣсь важно выставленное отвѣтчикомъ положеніе, которое сводится къ тому, что не кровное родство даетъ право на имущество, а трудъ, вложенный по его пріобрѣтенію. Не менѣе интересны, какъ помнитъ, быть можетъ, читатель, мотивы, по которымъ судъ отказалъ въ искѣ, предъявленномъ вернувшимся съ военной службы братомъ къ другому брату, остававшемуся дома. Изъ мотивировки суда также ясно, что право на доходъ съ душевого земельнаго участка имѣетъ не тотъ братъ, который считается его номинальнымъ владѣльцемъ, а который несетъ труды и расходы по управленію обще-семейнымъ имуществомъ (тамъ-же, стр. 925).

О томъ, какъ рѣзко былъ подчеркнутъ лявленскимъ волостнымъ судомъ трудовой принципъ въ тяжбѣ между братьями относительно оставшейся по смерти отца расчистки, мы уже говорили выше. Правда, что „законъ“, вѣрнѣе X томъ, и здѣсь сдѣлалъ брешь въ обычномъ народномъ правѣ, и расчистки теперь большею частью переходятъ по наслѣдству *въ равныхъ доляхъ каждому изъ сыновей*, но заключать изъ этого факта о непримѣнимости и сейчасъ трудового принципа, въ противоположность началу кровнаго родства, у насъ нѣтъ основаній. Можно лишь сказать, что тѣ, въ чьихъ интересахъ прибѣгнуть къ X тому, прибѣгаютъ теперь къ нему чаще, такъ какъ узнали, что онъ можетъ имъ сослужить службу.

Но что и сейчасъ слишкомъ безцеремонная попытка противопоставить мѣстному обычаю X томъ встрѣчаетъ порой должный отпоръ со стороны волостного суда, читатель могъ видѣть изъ характернаго рѣшенія Кехотскаго волостного суда въ *1909 году* по иску девеня „законной части“, оставшейся по смерти брата расчистки. Судъ не только отказалъ въ искѣ, оставивъ расчистку въ рукахъ вдовы умершаго брата, но еще рѣзко подчеркнулъ преимущественное значеніе для волостного суда „обычая“ передъ „закономъ“.

Припомнимъ также мотивы, по которымъ судъ отказалъ въ домогательствѣ *младшаго брата* присвоить себѣ имущество умершаго брата, переданное тѣмъ при жизни по условію въ постороннія руки за пропитаніе до старости; судъ нашелъ, что истецъ не имѣетъ правъ на имущество покойнаго брата, такъ какъ послѣдній строилъ домъ собственными силами, *безъ помощи отца и братьевъ*: ясно, что лишь трудъ, участіе въ постройкѣ дома, давало бы истцу право оспаривать правильность заключеннаго братомъ условія, одно-же родство не имѣло въ глазахъ суда такого значенія, и документъ долженъ былъ сохранить свою силу.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ *опекѣ* въ крестьянскомъ быт нашего района. Какъ и всюду въ Россіи, она не получила здѣсь ши рокаго и правильнаго развитія, несмотря на многочисленные и красн рѣчивые циркуляры мѣстныхъ властей. Особенно характеренъ один изъ этихъ циркуляровъ—бывшей палаты государственныхъ имуществ отъ 1859 г.—въ которомъ, между прочимъ, приводится такая статисти ческая справка.

При 172.090 душъ обоего пола въ Архангельской губерніи, „учрежд но едва 50 опекъ надъ малолѣтними сиротами и имуществомъ ихъ", затѣмъ рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ постановка самаго дѣ ла: „приговоры о повѣркѣ обществомъ дѣйствій опекуновъ составляют собственно для соблюденія формы... описанное имущество оцѣнивает весьма дешево... опекуны не заботятся о хозяйствѣ и воспитаніи мал лѣтнихъ сиротъ"... и т. д. Между прочимъ, въ этомъ-же циркулярѣ на ходимъ такой любопытный пунктъ: „п. 7 Вдовъ и сиротъ, самовольн отдѣлившихся или *выгнанныхъ старшими родственниками изъ семейнаго дома хозяйства*, на основаніи ст. 279 уст. полиц., соединить по прежнему въ одн семейство, подвергнувъ виновныхъ въ раздѣлѣ установленному штрафу

Если мы сравнимъ нарисованную циркуляромъ картину, то, ко нечно, найдемъ огромную разницу съ тѣмъ, что было полвѣка тому н задъ. Въ приговорахъ каждаго сельскаго общества встрѣчаешь указан на то, что или былъ назначенъ опекунъ къ такимъ-то сиротамъ, ил производился учетъ дѣйствіямъ опекуна. Насколько, однако, улучшило дѣло по существу, сказать трудно. Укажемъ только, что опекуна обычно выбираются ближайшіе родственники и выполняютъ они эту об занность „за выборъ", т. е. за свой трудъ освобождаются обществом отъ несенія какой-либо другой общественной службы.

Въ извѣстной работѣ Ѳ. Барыкова „Обычаи наслѣдованія у гос дарственныхъ крестьянъ" (Журн. Мин. Гос. Им. 1862, №№ 9—12) ук зывается на одну интересную сторону въ институтѣ опеки у крестьян принявшій хозяйство малолѣтнихъ сиротъ родственникъ остается по нымъ хозяиномъ надъ нимъ на *всю свою жизнь*, а послѣ него имуществ переходитъ къ старшему сыну прежняго хозяина. Объясняетъ онъ этот обычай малой доходностью хозяйства, взятаго въ опеку, не удовлетв ряющаго всѣхъ потребностей семьи и не оплачивающаго податей. Т перь, конечно, этого не можетъ быть, такъ какъ доходность крестья скаго хозяйства значительно возрасла. О разницѣ съ прошлымъ въ н шемъ районѣ можно судить по тому, что прежде душевой надѣлъ сд вался въ аренду за одни только платежи съ него, теперь же арендн плата достигаетъ 15—20 рублей за „душу", хотя размѣръ душевого н дѣла сократился вдвое противъ прежняго. Однако, не всегда же оп каемое имущество „не удовлетворяло всѣхъ потребностей семьи", и н сомнѣнно, что нѣкоторая „польза" отъ управленія оставалась въ рукахъ опекуна. И тогда указанный обычай представляетъ для насъ интерес какъ подтверждающій признаніе трудового принципа и въ этомъ и ститутѣ семейной опеки: пользуется имуществомъ тотъ, кто несетъ тр ды и расходы по веденію хозяйства, но пользуется лишь самъ, до тѣх поръ пока живетъ и управляетъ имъ; а послѣ того имущество переходитъ законному его владѣльцу—старшему изъ опекаемыхъ сиротъ.

Читатель видѣлъ выше одинъ примѣръ раздѣла имущества меж братьями, изъ которыхъ одинъ *незаконнорожденный*. По одному случаю конечно, нельзя судить, каковы вообще права незаконнорожденныхъ в нашей мѣстности по наслѣдованію имуществомъ.

Но мы уже указывали, что незаконнорожденныхъ здѣсь встрѣчается довольно много среди *домохозяевъ*, изъ чего можно заключить, что „незаконность" появленія ихъ на свѣтъ не имѣла значенія въ глазахъ общества. А если такъ, то не могла она отразиться неблагопріятно и на правахъ ихъ по наслѣдованію въ семейномъ имуществѣ. И мотивировка судомъ рѣшенія относительно раздѣла имущества между братьями указываетъ, что и на самомъ дѣлѣ это такъ. Въ указанномъ рѣшеніи, послѣ ссылки на ст. 38 „Общ. полож. о кр.", дозволяющую руководствоваться въ порядкѣ наслѣдованія мѣстными обычаями, говорится слѣдующее: „*на основаніи же обычаевъ, принятыхъ въ раздѣлѣ недвижимыхъ имуществъ въ быту крестьянъ* Кехотской волости, волостной судъ постановилъ"... и дальше приводится рѣшеніе, по которому незаконнорожденный братъ получаетъ часть *недвижимаго имущества*, въ движимомъ же ему отказано на томъ основаніи, что *все имущество* принадлежало отцу старшаго брата, незаконнорожденный-же И. родился *послѣ отца* отъ общей ихъ матери, почему и не имѣетъ правъ на полученіе ему означеннаго имущества.

Такимъ образомъ, судъ не лишаетъ незаконнорожденнаго сына части въ недвижимомъ имуществѣ, которое является общей семейной собственностью, для отказа-же въ движимомъ приводятся вполнѣ резонные мотивы, не позволяющіе суду уравнять права обоихъ сыновей и дающіе перевѣсъ одному надъ другимъ въ силу кровнаго родства старшаго сына съ прежнимъ владѣльцемъ имущества. И интересно отмѣтить, что рѣшеніемъ этимъ старшій братъ остался доволенъ, младшій-же, незаконнорожденный—недоволенъ.

На этомъ мы покончимъ обзоръ приведеннаго въ предшествующихъ главахъ фактическаго матеріала и въ слѣдующей, послѣдней главѣ нашихъ очерковъ, посмотримъ, насколько всему сказанному нами о юридическихъ взаимоотношеніяхъ членовъ крестьянской семьи даннаго района можно придать общій характеръ и распространить наши выводы на всю Архангельскую губернію, (конечно на *русское* ея населеніе).

Глава десятая.

Взгляды на основу семьи различныхъ изслѣдователей обычнаго права Семейная собственность и отличіе ея отъ общей собственности Взгляды на нее Пахмана, Мухина и Леонтьева. Юридическія отношенія членовъ семьи по „сборнику народныхъ юридическихъ обычаевъ“ П. С. Ефименко. Родительская власть и имущественныя права сыновей. Положеніе женщины въ семьѣ. Приданое въ Архангельской губерніи. Зятья-пріймаки. Дочери. Окончившіе срокъ службы солдаты. Главнѣйшія положенія, вытекающія изъ всего предшествующаго.

По недостатку мѣста мы можемъ лишь въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ обрисовать юридическія взаимоотношенія членовъ крестьянской семьи, какъ они очерчены въ изслѣдованіяхъ и статьяхъ, касающихся Архангельской губерніи и другихъ мѣстъ Европейской Россіи *).

Изъ всего предыдущаго изложенія читатель могъ видѣть, что въ основу крестьянской семьи нашего района должны быть положены два начала—кровное родство и экономическіе хозяйственные интересы. Семья эта является передъ нами не только въ видѣ кровнаго союза, но и союза хозяйственнаго. Многіе изслѣдователи обычнаго права признаютъ обѣ указанныя стороны, выдвигая, однако, ту или иную изъ нихъ на болѣе видное мѣсто. Такъ, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ *И. В. Калачевъ* высказалъ взглядъ, что семья есть хозяйственный союзъ, состоящій изъ родственниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изъ принятыхъ въ семью лицъ. Онъ же первый указалъ и на существующую

---

*) Такъ какъ въ дальнѣйшемъ нами неоднократно будутъ приводиться цитаты изъ разныхъ авторовъ, писавшихъ по тому же вопросу, то считаемъ не лишнимъ дать здѣсь перечень главнѣйшихъ трудовъ и статей, послужившихъ матеріаломъ для настоящей главы *П. С. Ефименко* „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи“. *Его-же* „Приданое по обычному праву кр-нъ Архангельской губерніи“. *Его-же* „Наслѣдованіе зятьевъ-пріемышей по обычаямъ Архангельской губерніи“. *Его-же* „Семья архангельскаго крестьянина по обычному праву“. Къ сожалѣнію, статья эта, напечатанная въ „Судебномъ Журналѣ“ 1873 г., кн 4, осталась незаконченной и состоитъ лишь изъ одной главы „Семейственный союзъ“

„Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные *П. С. Ефименкомъ*“ (въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, кн. V). *А. Я. Ефименко* „Изслѣдованія народной жизни“. *Ея-же* „Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Архангельской губерніи“ въ „Запискахъ И. Р. Г. Об-ва“, т. VIII. *О. Барыковъ* „Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ“ „Журн. Мин. Госуд. Им.“ 1862 г., №№ 9 12 (есть данныя и объ Архангельской губерніи). Изъ общей литературы укажемъ лишь наиболѣе крупные труды, не упоминая о мелкихъ журнальныхъ статьяхъ изъ „Юридич. Вѣстника“, „Журнала Министерства Юстиціи“, „Вѣстника права“ и управа“. *Якушкинъ* „Обычное право“, матеріалы для библіографіи обычнаго права, вып. 1 и 2. *С. Пахманъ* „Обычное гражданское право въ Россіи“, 2 тома (по семейств. и наслѣдств. правахъ т. 2-й) *В. Мухинъ* „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“. *Оршанскій* „Народный судъ и народное право“, „Журналъ Гражд. и Угол. Права“ 1875 г., №№ 3, 4, 5. *Леонтьевъ* „Крестьянское право“. „Труды экспедиціи въ западно-русскій край“ т. VI. статья *Чубинскаго* „Краткій очеркъ народныхъ юридич. обычаевъ“, составленный на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ по гражд. дѣламъ.

у крестьянъ общность семейнаго имущества и на значеніе трудового начала. (Якушкинъ, II вып., XII).

Въ то же почти время *Ѳ. Барыковъ*, разработавшій матеріалъ, собранный въ 1848—49 г. министерствомъ государственныхъ имуществъ черезъ казенныя палаты, пришелъ на основаніи изученія этого матеріала къ выводу, что „удовлетвореніе насущныхъ нуждъ наполняетъ всю жизнь крестьянина и даетъ ему особенный взглядъ на всѣ ея отношенія... Семья, по его понятіямъ по крайней мѣрѣ юридическимъ, есть не только личный союзъ родства, но рабочій хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребностей и обстоятельство, это,—если можно такъ выразиться,—кровная артель“.

Одинъ изъ вдумчивыхъ и талантливыхъ изслѣдователей народнаго быта, И. Г. Оршанскій, въ статьѣ своей „Народный судъ и народное право“ (1875 г.) рѣзко выдвигаетъ значеніе трудового начала во всей области обычнаго гражданскаго права, въ томъ числѣ, конечно, и въ сферѣ семейныхъ отношеній. По его мнѣнію, экономическая производительность въ быту крестьянства поглощаетъ всѣ другія стороны личности, а цѣнность личности опредѣляется ея личнымъ трудомъ, грубымъ, мускульнымъ трудомъ. „Не только въ сферѣ имущественной всякія абстрактныя правовыя и другія начала должны уступить мѣсто идеѣ труда со всѣми ея послѣдствіями, но и тамъ, гдѣ, повидимому, должны преобладать совершенно другія начала, личный трудъ и мускульная цѣнность лица играютъ главную роль“—т. е. въ области семейственнаго права *).

Взгляды *А. Я Ефименко* на „трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“ должны быть достаточно извѣстны читающей публикѣ, такъ какъ она именно была одной изъ наиболѣе яркихъ выразительницъ теоріи „трудового начала“. Примѣненіе этого начала въ сферѣ семейныхъ отношеній она видитъ главнымъ образомъ въ *наслѣдственномъ* правѣ, о чемъ скажемъ ниже, а пока приведемъ одну лишь цитату, наиболѣе рѣзко выражающую ея взглядъ: „Участіе въ общей собственности, по мѣрѣ труда, вложеннаго на пріобрѣтеніе этой собственности,—вотъ основной принципъ крестьянскаго наслѣдственнаго права“ (Изслѣдованія, стр. 153).

Для насъ представляютъ наибольшій интересъ именно взгляды А. Я. Ефименко и П. С. Ефименко, какъ много работавшихъ по изслѣдованію и изученію обычнаго права населенія Архангельской губерніи. П С. Ефименко придаетъ важное значеніе родству у крестьянъ, но въ тоже время мы встрѣчаемъ у него и выдвиганіе хозяйственнаго принципа. „Основа народной жизни, семья, у здѣшняго населенія складывается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ экономическихъ, матеріальныхъ побужденій“, говоритъ онъ въ „сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ“, а въ другомъ мѣстѣ того-же „сборника“ указываетъ, что держится крестьянская семья внѣшними побужденіями—обезпеченіемъ себя и дѣтей въ матеріальномъ отношеніи. „Для достиженія этого, семья составляетъ своего рода ассоціацію. Въ этой производительно-потреби-

*) *Чубинскій* въ указанной въ примѣчаніи статьѣ говоритъ, между прочимъ: „Народъ-труженникъ; все то немногое, что онъ имѣетъ, добыто тяжелымъ трудомъ. Все это плодъ сбереженій, сдѣланныхъ часто на счетъ необходимыхъ потребностей. Потому-то имущество разсматривается въ тѣсной связи съ личностью“ (стр 30). Потому-то, прибавимъ мы отъ себя, онъ и не можетъ не придавать огромнаго значенія труду.

тельной ассоціаціи глава семейства есть полный обладатель всѣми лич-
ными и имущественными правами... и т. д.

Въ другой своей работѣ „Семья архангельскаго крестьянина п
обычному праву“, появившейся позже „сборника“ (въ 1873 г., а „сбор
никъ“ въ 1869 г.) и, къ сожалѣнію, оставшейся незаконченной, П. (
Ефименко придаетъ очень важное значеніе трудовому началу въ сфер
того же обычнаго наслѣдственнаго права. „Въ самой важной части гра
жданскаго права, въ правѣ наслѣдованія, народныя воззрѣнія являютс
и болѣе послѣдовательными, и болѣе справедливыми, чѣмъ писаны
законъ. Крестьянство выработало иное основаніе для права наслѣдова
нія: оно построило систему наслѣдованія главнымъ образомъ на трудо
вомъ началѣ, въ силу котораго родственникамъ постольку дается прав
на наслѣдуемое имущество, поскольку они участвовали своимъ тр
домъ въ созданіи его (84 стр.).

Ко взглядамъ перечисленныхъ изслѣдователей обычнаго права пр
мыкаетъ также *И. Тютрюмовъ.* „Крестьянская семья, по его мнѣнію, я
ляется не столько кровнымъ родственнымъ союзомъ, сколько союзом
хозяйственнымъ, построеннымъ на экономическихъ началахъ—общаг
труда и вытекающаго изъ него начала общей собственности всего, чт
пріобрѣтено общимъ трудомъ“ („Крестьянская семья“, „Русская Рѣчь
1879 г., кн. 4,7,9).

Въ послѣдней главѣ той же статьи онъ характеризуетъ крестья
скую семью такими словами: „это рабочая трудовая ассоціація, вс
члены которой связываются между собой не столько кровнымъ родствомъ
сколько взаимной пользой и внутреннимъ согласіемъ. Имущество тако
крестьянской семьи составляетъ общую собственность всѣхъ производи
тельныхъ работниковъ семьи, безъ различія степени кровнаго родств
такъ что ни одинъ членъ другой семьи, какимъ-бы онъ ни былъ бл
жайшимъ родственникомъ по крови, не имѣетъ никакихъ правъ на та
кое семейное имущество; между тѣмъ какъ всякій, даже посторонні
человѣкъ, въ смыслѣ кровнаго родства, если онъ былъ такимъ-же р
ботникомъ, какъ и другіе члены семьи, является равноправнымъ па
щикомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ“ (тамъ-же, кн. 9).

Изъ противниковъ вышеочерченныхъ взглядовъ на семью мы пр
ведемъ мнѣніе лишь одного *С. Пахмана,* высказанное имъ въ извѣстном
его трудѣ „Обычное гражданское право“. Пахманъ оспариваетъ „труд
вое начало“, какъ основу семьи—„напротивъ, говоритъ онъ, изъ бол
шинства фактовъ видно, что въ основѣ этой семьи, какъ и повсюду л
житъ прежде всего власть отца семейства и ему же одному принадл
житъ настоящее, хотя и ограниченное право собственности на все с
мейное имущество“ (стр. 22, II т.). И дальше: „Семья эта, какъ везд
основана на принципахъ власти и родства. Мало того: подъ вліяніем
хозяйственной общности, эти элементы выступаютъ въ крестьянском
быту еще рѣзче, чѣмъ въ другихъ классахъ народа, доходя иногда
крайняго подавленія правъ личности“ (стр. 24).

Авторъ монографіи „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьян
1888 г.), В. Мухинъ, отрицая за трудовой теоріей ея пригодность д
объясненія всѣхъ явленій наслѣдственнаго порядка въ крестьянском
быту, считаетъ, однако, что наряду съ *кровнымъ родствомъ* въ немъ „пр
дается весьма важное значеніе также фактической *принадлежности*
семьѣ... Что же касается личнаго труда, то при настоящихъ условіях
экономической жизни народа онъ является необходимымъ звеномъ, св

зывающимъ оба означенныя условія права наслѣдованія въ одно живое конкретное цѣлое" (Мухинъ, стр. 20).

Въ тоже время Мухинъ является энергичнымъ защитникомъ института *семейной собственности*. „Основаніемъ семейной собственности является не договоръ, въ смыслѣ дѣйствительнаго или предполагаемаго соглашенія нѣсколькихъ самостоятельныхъ представителей семей вести общее хозяйство, какъ при общей собственности въ сводной семьѣ, но фактъ принадлежности къ извѣстной семьѣ въ силу прямого происхожденія (natura или jure) всѣхъ членовъ семьи отъ лицъ, стоящихъ во главѣ семейства и сосредоточивающихъ въ себѣ семейный авторитетъ по самой природѣ вещей" (стр. 52).

Ограничимся только что охарактеризованными взглядами названныхъ писателей на сущность и *основу* семейныхъ отношеній, какъ они складываются по обычному крестьянскому праву, такъ какъ для нашей цѣли пока этого достаточно, и обратимся къ выясненію вопроса, о *семейной собственности*, чтобы затѣмъ перейти къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній членовъ семьи и отдѣльныхъ сторонъ семейнаго обычнаго права.

Мы уже видѣли отчасти изъ приведенныхъ выше цитатъ отношеніе изслѣдователей обычнаго права къ институту семейной собственности.

Противникомъ существованія ея является С. Пахманъ, признающій общность семейнаго имущества лишь *послѣ смерти отца*, когда наслѣдники, не производя раздѣла, остаются жить въ общемъ хозяйствѣ. Эту общность имущества онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Общность имущества заключается въ томъ, что, при совмѣстномъ владѣніи, каждому изъ владѣльцевъ принадлежитъ въ немъ опредѣленная доля" (т. II, стр. 291). Управляетъ хозяйствомъ и имуществомъ одно лицо, пользуются-же имъ сообща всѣ владѣльцы общаго имущества. Въ общемъ владѣніи дольщики остаются лишь по добровольному ихъ согласію; поэтому каждому наслѣднику или совладѣльцу принадлежитъ право требовать раздѣла общаго имущества.

Вѣскія, на нашъ взглядъ, возраженія дѣлаетъ на это Мухинъ, давая свое опредѣленіе и пониманіе семейной собственности. Основаніемъ ея, какъ мы видѣли, онъ считаетъ „фактъ принадлежности къ извѣстной семьѣ" въ силу происхожденія.

Затѣмъ, онъ указываетъ, что „участіе каждаго члена семьи въ семейномъ имуществѣ не есть долевое участіе, какъ при общей собственности", но опредѣляется внѣшнею нормой—обычаемъ и проявляется во всемъ объемѣ лишь послѣ смерти главы семейства (въ наслѣдованіи). И, наконецъ, отличіе общей собственности отъ семейной состоитъ въ томъ, что выходъ изъ семьи одного изъ ея членовъ (кромѣ главы семейства) не влечетъ за собой необходимаго раздѣла семейнаго имущества, между тѣмъ какъ выбытіе изъ общенія хотя-бы одного изъ соучастниковъ непремѣнно предполагаетъ раздѣлъ имущества (чтобы привести въ соотношеніе съ оставшимся имуществомъ подлежащую выдѣлу долю). Мало того, самый выдѣлъ изъ семьи зависитъ отъ усмотрѣнія главы семейства, и отдѣляющійся членъ семьи можетъ получить больше, или меньше, или вовсе ничего не получить; самымъ существеннымъ здѣсь является, что онъ навсегда теряетъ право на участіе въ семейномъ имуществѣ (Мухинъ, 52—53 стр.).

Всѣ остальные изъ перечисленныхъ выше авторовъ признаютъ существованіе семейной собственности, указывая, что все имущество кре-

стьянъ принадлежитъ не личности домохозяина, являющагося лишь распорядителемъ его, а всей семьѣ. Да и самъ С. Пахманъ признаетъ нѣкоторыя особенности въ крестьянской семьѣ, какъ ничтожное развитіе въ семьѣ индивидуальной собственности, ограниченія для домохозяина въ правѣ распоряженія имуществомъ, когда такія распоряженія клонятся въ ущербъ интересамъ семьи, и не отрицаетъ, что при распредѣленіи имущества между отдѣльными членами семьи обращается вниманіе на *мѣру труда* и участіе въ накопленіи семейнаго имущества.

Мухинъ, придавая большое значеніе семейной собственности, какъ самостоятельному юридическому институту, умаляетъ, какъ намъ кажется, значеніе труда въ обычномъ правѣ.

Прежде всего, если вдуматься въ смыслъ одного изъ выставляемыхъ имъ основаній права наслѣдованія (а оно тѣсно связано съ существованіемъ семейной собственности) — „фактической принадлежности къ семьѣ“—то врядъ-ли можно отрицать, что самая эта „фактическая принадлежность“ есть ни что иное, какъ участіе въ тѣхъ трудахъ и заботахъ, какія несутъ всѣ члены семьи въ общемъ хозяйствѣ. Особенно рѣзко это проявляется относительно правъ особыхъ членовъ семьи, когда эти права не обусловлены договоромъ: эти лица считаются принадлежащими къ семьѣ именно вслѣдствіе участія ихъ въ общихъ семейныхъ работахъ въ теченіе извѣстнаго времени. „Этимъ и выясняется значеніе трудового начала“, совершенно вѣрно отмѣтилъ еще Якушкинъ, который непосредственно за этимъ прибавляетъ: „Если личный трудъ даетъ лицу, фактически принадлежащему къ семьѣ, права ея члена, т. е. право на участіе въ наслѣдованіи, то слѣдуетъ признать, что *личный трудъ имѣетъ самостоятельное юридическое значеніе въ наслѣдственномъ правѣ*“ (Якушкинъ, т. II, стр. XXVIII).

Мухинъ приводитъ одно интересное рѣшеніе волостного суда, которое, по его словамъ, „воспроизводитъ въ миніатюрѣ все существо семейной собственности“. Рѣшеніе, постановленное судомъ по просьбѣ сына о выдѣлѣ отцомъ имущества, дѣйствительно, весьма характерное, и читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ его здѣсь. Волостной судъ, принимая во вниманіе, что проситель, со времени возвращенія своего со службы, постоянно жилъ при домѣ; въ теченіе пяти лѣтъ и доселѣ, какъ человѣкъ трудолюбивый, поддерживаетъ хозяйство по преклонности лѣтъ отца и *несовершеннолѣтію* другого брата, постановилъ: *раздѣлить наличное имущество тяжущихся на три части;* лошадь, какъ необходимую принадлежность въ хозяйствѣ, *считать „мѣстною“ у всѣхъ трехъ лицъ. Отдѣленное просителю имущество должно быть неотъемлемою его собственностью.* Сверхъ сего предоставить просителю жить въ существующемъ домѣ съ отцомъ и меньшимъ братомъ, *пока не пожелаетъ отойти отъ нихъ, такъ какъ изба пріобрѣтена для семейства особенно его трудами*“ (стр. 59, курсивъ вездѣ автора).

Намъ кажется, что въ этомъ рѣшеніи гораздо больше проявляется признаніе трудового начала, чѣмъ то указываетъ авторъ. Не забудемъ, что это выдѣлъ имущества посредствомъ суда, по иниціативѣ просителя, слѣдовательно, при несогласіи отца дать выдѣляющемуся сыну такую часть имущества, которую тотъ просилъ или считалъ себя въ правѣ получить. Но, несмотря на это, судъ опредѣляетъ дать ему часть равную съ остальными членами семьи, приведя въ качествѣ мотива, между прочимъ, *трудолюбіе* просителя, въ теченіе пяти лѣтъ поддерживавшаго хозяйство.

Что младшій братъ получаетъ также равную часть со старшимъ, хотя онъ и не работникъ еще, объясняется кровнымъ началомъ—равнымъ въ принципѣ, правомъ каждаго изъ сыновей на часть семейнаго имущества *).

Мы такъ долго остановились на выясненіи вопроса о „семейной собственности", такъ какъ этотъ вопросъ является кореннымъ въ области семейственнаго права и затѣмъ онъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящей статьи. И если читатель припомнитъ приведенные въ предшествующихъ главахъ факты, то онъ долженъ будетъ признать, что и въ нашемъ районѣ существованіе семейной собственности составляетъ безспорный фактъ. Только не надо забывать, что *управленіе* семейнымъ имуществомъ находится въ рукахъ домохозяина, по большей части, отца, который и является *„распорядителемъ* дома, домашняго хозяйства и сельскаго хозяйства", какъ сказано въ одномъ изъ рѣшеній Кехотскаго вол. суда (№ 21 „Извѣстій", стр. 965).

Это право распоряженія, въ связи съ авторитетомъ отцовской власти, и даетъ такія большія полномочія домохозяину-отцу, повидимому, даже стоящія въ противорѣчіи съ существованіемъ семейной собственности.

На самомъ дѣлѣ, противорѣчія здѣсь нѣтъ, и гораздо труднѣе было-бы объяснить многіе факты, отрицая институтъ семейной собственности, а признавая за „главой семейства" право личной собственности на находящееся въ его управленіи и распоряженіи имущество.

По словамъ Леонтьева „основная особенность въ этой области (семейной) – общность семейнаго имущества у крестьянъ. Въ простой семьѣ съ малолѣтними дѣтьми общность семейной собственности сказывается только послѣ смерти домохозяина, въ обычаяхъ, связанныхъ съ наслѣдственнымъ правомъ. Въ простыхъ семьяхъ съ взрослыми сыновьями она уже рельефнѣй—въ семейныхъ раздѣлахъ особенно рѣзко проявляется право сыновей на общее имущество: „младшій членъ семьи получаетъ право требовать себѣ выдѣла изъ общаго семейнаго имущества, право, которое не могло бы допускаться, еслибы имущество такой семьи считалось индивидуальной собственностью домохозяина". Въ сложныхъ семьяхъ общность семейнаго имущества сказывается уже

* Между прочимъ, мы несогласны съ тѣми авторами, которые участіе малолѣтнихъ въ наслѣдованіи считаютъ однимъ изъ фактовъ, доказывающихъ несостоятельность трудовой теоріи. Мы не сторонники этой теоріи во всемъ ея объемѣ и тоже думаемъ, что, не принимая во вниманіе *кровнаго родства*, нельзя объяснить всѣхъ семейныхъ отношеній въ крестьянскомъ быту; но въ то же время, данный фактъ, на нашъ взглядъ, не стоитъ въ противорѣчіи съ признаніемъ важнаго значенія за трудовымъ принципомъ въ крестьянской семьѣ. Только здѣсь выдвигается не право труда, а *право на трудъ* также, какъ мы это видимъ въ общинныхъ передѣлахъ мірской земли: какъ „міръ" надѣляетъ каждому вновь народившемуся члену общины душевой надѣлъ, смотря на послѣдній, какъ на „средство пропитанія", такъ и въ семейственныхъ отношеніяхъ „отцовская часть" дается, при наслѣдованіи или раздѣлѣ, на каждаго хотя-бы и малолѣтняго, такъ какъ этотъ малолѣтній отъ выдѣленной имъ части и долженъ пропитываться пока не придетъ въ возрастъ, черезъ трудъ, приложенный къ этому имуществу старшими членами семьи, а затѣмъ и самъ непосредственно. Безъ такого имущества онъ не можетъ быть работникомъ, не можетъ взяться за крестьянскій, земледѣльческій трудъ.

Вообще, повторимъ уже сказанное нами раньше, семейныя имущественныя отношенія слѣдовало-бы разсматривать въ связи со всѣмъ земельнымъ строемъ крестьянскаго міра, и подтвержденіе этого взгляда мы нашли въ книгѣ Леонтьева „Крестьянское право"; авторъ ея прямо говоритъ: „Строй имущественныхъ отношеній крестьянъ, въ сферѣ семейной, въ значительной степени связанъ со строемъ поземельныхъ отношеній, который въ свою очередь, связанъ съ организаціей трудового семейнаго хозяйства" (Леонтьевъ, 330).

совершенно опредѣленно, приближаясь къ формѣ семейной артели (Леонтьевъ, стр. 330—333).

Само собой разумѣется, что у главы семейства *можетъ быть* и *личная* собственность, которой онъ не только свободно распоряжается, но и отчуждаетъ ее, кому хочетъ. Читатель, можетъ быть, помнитъ, какъ рѣзко подчеркнута была въ одномъ старинномъ завѣщаніи (1854 г.) эта именно сторона—безусловное, неоспоримое право завѣщателя распоряжаться по своему усмотрѣнію такимъ имуществомъ, „такъ какъ самъ собою все оное пріобрѣлъ, движимое и недвижимое мое имѣніе, собственными своими трудами и все мое“ *) „Извѣстія“ № 19 стр. 868).

Обратимся теперь къ юридическимъ взаимоотношеніямъ отдѣльныхъ членовъ крестьянской семьи, остановившись лишь на наиболѣе характерныхъ фактахъ и положеніяхъ.

Посмотримъ, какъ характеризуетъ эти отношенія П. С. Ефименко. Онъ, какъ мы знаемъ, придаетъ большое значеніе родительской власти отца. „Отецъ семейства—не только глава его, но и господинъ, повелитель въ особенности по отношенію къ женскому полу“. „Отецъ имѣетъ больше правъ надъ дѣтьми, чѣмъ мать. Онъ управляетъ имуществомъ дѣтей самостоятельно, даже безотчетно относительно доходовъ“. „*Дѣдовское* все во власти отца, имѣющаго право употребить его, какъ угодно, а потому при самовольномъ раздѣлѣ отецъ можетъ такому сыну дать и не дать изъ дѣдовскаго и собственнаго имущества. Если отецъ старъ и хозяйствомъ управляетъ старшій сынъ, *въ такомъ случаѣ отецъ почти не властенъ* въ раздѣлѣ сыновей“ (кн. „сборникъ“, 47) **). Все крестьянское имущество составляетъ общую принадлежность всего дома или всей семьи при согласіи и подъ управленіемъ родоначальника“. „А такъ какъ имущество состоитъ въ нераздѣльномъ общемъ владѣніи, то отдѣльной, личной собственности у членовъ семьи или вовсе не бываетъ, или бываетъ немного“ (исключая женщинъ, какъ мы уже знаемъ). Въ случаѣ приращенія имущества кѣмъ-либо, оно поступаетъ „въ общее дворовое имѣнье“, если пріобрѣвшій его не въ раздѣлѣ. Поэтому-же по смерти члена семьи, „наслѣдство не открывается“, и имущество продолжаетъ быть принадлежностью дома, пока не происходитъ раздѣла. „Если раздѣлъ имущества производится при жизни отца (а иногда и вообще хозяина), то выдѣлъ части дѣлается по его усмотрѣнію, *смотря по дѣятельности и заслугамъ*

*] Врядъ ли нужно указывать читателю, какое огромное значеніе сыгралъ *трудъ* въ обоснованіи этого права распоряжаться *личной* собственностью по усмотрѣнію собственника. Относительно *земельнаго* имущества достаточно напомнить о расчисткахъ; относительно-же построекъ и прочаго не надо забывать, что занятіе отхожимъ промысломъ давало возможность пріобрѣсти личныя средства, которыя собственникъ ихъ впослѣдствіи и могъ вложить, *какъ результатъ своего труда*, въ тѣ или иныя предпріятія хозяйственныя, промышленныя и пр.

**] То-же самое видимъ въ быту *лопарей* и *кореловъ*. У первыхъ „отецъ совершенно властенъ распоряжаться и дѣдовскимъ имуществомъ, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя дѣдъ оставилъ внуку или внучкѣ. Родители имѣютъ полное право лишить непослушныхъ дѣтей наслѣдства: если сынъ отдѣлится противъ воли отца, тогда не получаетъ никакой доли изъ имѣнья, кромѣ ружья и приданаго жены“ (А. Я. Ефименко „Народные юридич. обычаи инородцевъ“, стр. 28].

„Отецъ въ корельскомъ семействѣ тотъ-же полновластный распорядитель всего, тотъ же неограниченно-самодержавный правитель всѣмъ, какъ и въ семьяхъ русскихъ крестьянъ“ [стр. 109].

У корелъ также существуетъ общая семейная собственность—такъ, нажитое каждымъ изъ братьевъ, живущихъ послѣ смерти родителей нераздѣльно, поступаетъ въ общую семейную собственность и идетъ безразлично въ раздѣлъ [113].

отдѣляющагося (к. н.); воля его—что кому дать; сами-же родители, если берутъ на себя часть, то отдаютъ ее тому сыну, съ которымъ остаются жить". Имѣніе дѣлится *поровну* на каждаго сына и внука. При дѣлежѣ наслѣдства послѣ отца сыновья дѣлятъ его поровну, а племянники получаютъ доли своихъ отцовъ. Право наслѣдованія, при раздѣлѣ имущества безъ завѣщанія исключительно почти принадлежитъ лицамъ мужского пола: сыновьямъ, племянникамъ и пр. Отдѣленные, какъ сыновья, такъ и другіе родственники, лишаются правъ на полученіе части изъ дѣлимаго имущества. Совершенно отдѣлившійся сынъ, не поддерживающій родителей, лишается права на ихъ наслѣдство.

„Движимое и недвижимое имѣніе распредѣляется между наслѣдниками не по однимъ только обычаямъ, но и по волѣ родителей, высказываемой въ формѣ завѣщаній, которыми видоизмѣняются обычаи" (71).

„Завѣщанія имѣютъ, по б. ч., только распорядительное значеніе, т. е. посредствомъ ихъ имущество только распредѣляется между наслѣдниками, чтобы впослѣдствіи при дѣлежѣ предотвратить ссоры" (71).

Вотъ наиболѣе существенные выводы П. С. Ефименко, касающіеся *власти отца* и *правъ сыновей* на семейное имущество. Какъ видимъ, здѣсь нѣтъ для насъ чего-либо новаго, и фактическія данныя о нашемъ районѣ рисуютъ приблизительно ту-же картину. Только развѣ „авторитетъ отцовской власти" уменьшился, и теперешняя молодежь стала менѣе „почтительна" къ старикамъ и вовсе не испытываетъ того „страху", о которомъ говорится еще въ „сборникѣ".

„Стариковъ нонѣ молодые покрываютъ"—старикъ кулакомъ, а молодой и коломъ", по словамъ одного изъ нынѣшнихъ стариковъ холмогорскаго уѣзда. Но (въ „Сборникѣ" можно найти указаніе „что и прежде не одинъ страхъ и почтеніе питали къ родителямъ. Такъ, мы встрѣчаемъ тамъ слѣдующую любопытную оговорку. „Впрочемъ, неуваженіе взрослыхъ дѣтей къ родителямъ проявляется тогда, когда родители, достигнувъ глубокой старости, передадутъ свое имѣніе дѣтямъ, съ тѣмъ чтобы послѣдніе кормили ихъ и заботились о нихъ до смерти" (стр. 42).

Примѣры такого „неуваженія" выше мы видѣли неоднократно.

Относительно положенія *женщины* въ семьѣ находимъ также много сходнаго съ тѣмъ, что уже намъ извѣстно. Жена является хозяйкой въ домѣ, въ распоряженіе которой передаются всѣ жизненные припасы—хлѣбъ печеный, молоко, масло и пр.; ими она распоряжается безъ согласія мужа, а продать что-нибудь или купить лежитъ на обязанности мужа (изъ домашнихъ продуктовъ, впрочемъ, жена можетъ продавать лишнее, обращая деньги въ свою пользу). Характеризуя власть домохозяина и отношеніе его къ женскому полу, П. С. Ефименко говоритъ, между прочимъ: „Жена не столько госпожа дому, сколько слуга мужу; даже менѣе, нежели слуга, потому что она поставлена въ необходимость бояться мужа, подчиняться всякимъ его капризамъ, сносить самое варварское его обращеніе". Хотя эта характеристика для настоящаго времени и должна быть нѣсколько измѣнена, однако, и посейчасъ положеніе женщины въ крестьянской семьѣ нашего района далеко не изъ завидныхъ: стоитъ припомнить приведенныя выше рѣшенія вол. судовъ о „водвореніи" женъ къ мужьямъ и взглядъ на жену, какъ на „рабочую силу семьи".

Послѣ смерти домохозяина, старшинство, въ смыслѣ управленія хозяйствомъ, переходитъ къ кому-либо изъ членовъ семьи, а *мать* остает-

ся „большухой", и управитель семейнымъ имуществомъ подчиняется ея вліянію и безъ ея участія не отчуждаетъ имѣнья (247) *). Родная мать при неотдѣленныхъ дѣтяхъ не наслѣдница въ мужниномъ имѣньи; она остается жить на общемъ дворѣ и хозяйничаетъ. „При раздѣлѣ же сыновей, мать беретъ въ пользованіе, если пожелаетъ, часть имущества, которая поступаетъ къ сыну или сыновьямъ, призрѣвшимъ ее, а не то къ замужнимъ дочерямъ, если онѣ кормили ее". По отношенію къ женѣ умершаго бездѣтнымъ неотдѣленнаго сына, но при родителяхъ мужа или его родственникахъ, обычаи различны—она то лишается мужнинаго дома и имущества, то дѣлается полной обладательницей его и даже можетъ принять второго мужа **).

Второбрачная жена или живетъ въ домѣ мужа, или чаще выгоняется; на дѣтей получаетъ долю въ томъ-же размѣрѣ, какъ и дѣти жены перваго брака. „Вообще, у народа мать имѣетъ значеніе только при дѣтяхъ и иногда тоже случается и съ отцомъ"...

„Вдова—одинешенька" (безъ родственниковъ мужа и безъ дѣтей) остается въ домѣ безграничной хозяйкой.

Свекрови почти всегда отличаются нерасположеніемъ къ *невѣсткамъ* и дурнымъ обхожденіемъ съ ними. „Безъ брани ничего не подѣлаешь" и побить, значитъ „поучить на добро". Въ нераздѣлившихся семьяхъ, „въ работѣ невѣстка слуга свекрови, въ имущественномъ отношеніи она кромѣ своего приданаго, госпожа только надъ курами и льномъ". Здѣсь заключается одна изъ частыхъ причинъ къ семейнымъ раздѣламъ ***).

Что касается до *приданаго*, то о немъ находимъ подробныя указанія въ другомъ трудѣ П. С. Ефименко („Приданое по обычному праву"). *Приданое*—это та одежда и украшенія, которыя заготовляютъ отецъ и мать невѣсты; въ *надѣлокъ* же идутъ деньги, корова или телица, а съ ней нѣсколько саженъ сѣна и пр. Приданое дается родителями невѣсты и всѣми тѣми членами семьи, которые воспользовались извѣстной частью изъ имущества родителей выходящей замужъ дѣвушки. Значительная часть приданаго пріобрѣтается на средства отца. „Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, платное приданое составляетъ полную собственность жены, до котораго никто не въ правѣ касаться". Относительно денежнаго-различные обычаи: оно—то личная собственность жены, то общая съ мужемъ; остальное приданое—общее имущество, съ правомъ распоряженія мужу, какъ главѣ семьи. Послѣ

*) У корелъ, послѣ смерти отца семейства, „мать по отношенію къ своимъ дѣтямъ заступаетъ его мѣсто; она дѣлается полною распорядительницею всего. Иногда, являясь главою семейства, мать даже подвергается отвѣтственности за семейныя проступки". (А. Ефименко, 110.

**) У лопарей, послѣ смерти *отдѣленнаго* сына, отъ жены его, не прожившей съ нимъ трехъ лѣтъ, отбирается имѣніе свекромъ; послѣ трехъ, а въ иныхъ мѣстахъ послѣ шести лѣтъ брачной жизни, имѣніе остается за вдовой, хотя бы она и не имѣла дѣтей.

***) А. Я. Ефименко въ статьѣ „Семейные раздѣлы", указываетъ, что, по собраннымъ ею черезъ сельскихъ священниковъ, вол. писарей и отдѣльныхъ кр-нъ свѣдѣніямъ, въ числѣ причинъ раздѣловъ „выставляется на первый планъ экономическое положеніе вообще, и въ особенности частые неурожаи: какъ только обостряется трудность къ добыванію средствъ пропитанія, мало-семейные тотчасъ же отдѣляются отъ больше-семейныхъ, чтобъ работать только на свою семью и семейный союзъ распадается" („Изслѣдованія", стр. 127).

Для правильнаго пониманія этихъ словъ не надо забывать, что когда „обостряется трудность къ добыванію средствъ пропитанія", обостряются и семейныя несогласія и положеніе невѣстки въ домѣ становится еще болѣе тяжелымъ и несноснымъ, что и вызываетъ скорѣе окончательный разрывъ между молодежью и стариками.

смерти жены приданое идетъ дѣтямъ, особенно дочерямъ, хотя-бы мужъ женился на другой; послѣ бездѣтной жены—возвращается въ ея родъ и мужъ за утраченное отвѣчаетъ своимъ имуществомъ. Мужъ получаетъ только постель, икону и вещи изъ т. н. „банника“ *).

За недостаткомъ мѣста мы не можемъ касаться вопроса о земельномъ приданомъ, игравшемъ роль въ прежніе годы, и должны теперь перейти къ характеристикѣ правъ и обязанностей *зятьевъ пріемышей*, относительно чего имѣется также изслѣдованіе П. С. Ефименко. („Наслѣдованіе зятьевъ-пріемышей по обычаямъ Архангельской губерніи“). Сущность ихъ совершенно такая-же, какъ мы видѣли то выше и относительно нашего района. Затья принимаются въ домъ „для поддержанія хозяйства“, когда нѣтъ рабочихъ рукъ въ семьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для „печалованія“ тестя или тещи. Свои имущественныя права въ новой семьѣ зять и пріобрѣтаетъ именно за прокормъ и содержаніе принимателей и вообще за труды по хозяйству. „Такимъ образомъ, права зятя на имущество не безусловны. Права эти зависятъ и отъ того, при наличности какихъ именно членовъ семьи имъ предстоитъ осуществиться.

Когда зять-приймакъ имѣетъ дѣтей, онъ—полный распорядитель въ домѣ. При дочеряхъ тестя, онъ не теряетъ правъ, но обязанъ содержать дочерей и выдать ихъ замужъ; при сыновьяхъ затья не всегда пользуются наслѣдственными правами. Объемъ правъ зятя зависитъ отъ договора *и отъ степени продолжительности труда*. Если жилъ недолго въ домѣ тестя, то имѣетъ право лишь на благословенную икону и кольцо жены; когда долго—то или остается въ домѣ. какъ отецъ, или уходитъ съ частью имущества. Когда есть не отдѣленные братъ или сноха, тогда получаетъ только часть, причитающуюся на долю принимателя и его дочери. Но братъ, племянникъ и другіе отдѣленные теряютъ право на наслѣдство, которое идетъ тогда зятю. Въ „сборникѣ“ указывается, между прочимъ, что съ переходомъ по женитьбѣ въ домъ родителей жены зять лишается права на наслѣдованіе имѣнія своего отца, какъ отдѣленный; но нѣкоторые изъ такихъ жениховъ при свадьбахъ получаютъ изъ общаго имѣнья своего семейства *выдѣлъ* скотомъ, хлѣбомъ и пр. (стр. 68 ср. случай, указанный нами въ № 20 „Извѣстій“ на стр. 923).

Что касается *усыновленныхъ и незаконнорожденныхъ*, то они „имѣютъ равную часть во всемъ общемъ имуществѣ“ („сборникъ“, стр. 53), хотя „незаконнорожденные, со дня рожденія до смерти, бываютъ въ презрѣніи у сосѣдей и не называются иначе, какъ „сколотокъ“, „петрухичъ“, если отецъ у него былъ Петръ и т. п.“.

Въ нашемъ районѣ намъ не приходилось слышать о такомъ презрительномъ отношеніи ко *всѣмъ* незаконнорожденнымъ, и, вѣроятно, оно или является далеко не повсемѣстнымъ, или же съ того времени измѣнилось въ сторону болѣе спокойнаго и справедливаго отношенія къ нимъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о положеніи *дочерей* въ семьѣ архангельскаго крестьянина, какъ оно обрисовывается изъ „сборника“ и другихъ литературныхъ источниковъ. Въ „сборникѣ“ находимъ указаніе что „имущество матери, по смерти ея, поступаетъ *дочерямъ* замужнимъ и дѣвицамъ, преимущественно послѣднимъ“ (стр. 67), или въ другомъ мѣстѣ: „имущество, принесенное въ домъ мужа женою, послѣ ея смерти

---

*) У корелъ приданое, по смерти жены, остается у мужа только при дочеряхъ въ другихъ случаяхъ возвращается ея роднымъ; - *матери и сестрамъ*. У лопарей, послѣ смерти матери, приданое дѣлится поровну между дочерьми, а если ихъ нѣтъ - между сыновьями.

наслѣдуютъ дочери; сыновья пользуются отцовскимъ" (69). Относительно наслѣдственныхъ правъ дочерей, П. С. Ефименко говоритъ слѣдующее: „дочери, при существованіи родныхъ муж. пола не получаютъ доли въ наслѣдствѣ изъ раздѣляемаго отцовскаго имущества, а остаются жить при которой либо изъ раздѣлившихся сторонъ... При замужествѣ награждаются приданымъ по усмотрѣнію семьи и по достатку; сверхъ того, у кого незамужняя, тотъ долженъ нести свадебные расходы, но за то на долю того, у котораго будутъ жить сестры, при раздѣлѣ дается болѣе хлѣба и скота" (стр. 64).

То же подтверждаетъ свящ. М. Макаровъ: „По смерти родителей не имѣющихъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ въ мужскомъ колѣнѣ, все ихъ имущество переходитъ къ дочерямъ, преимущественно дѣвицамъ" (Арх. Губ. Вѣд. 1868 г., № 42).

Въ указанной выше статьѣ Ѳ. Барыкова относительно наслѣдованія сестеръ и дочерей въ семьѣ архангельскаго крестьянина находимъ слѣдующее мѣсто: „Замужнія и незамужнія сестры и дочери умершаго въ раздѣлѣ имущества не участвуютъ: первыя—потому что надѣляются при замужествѣ, а послѣднія присоединяются къ которой-либо изъ частей семейства, которая за это получаетъ при раздѣлѣ болѣе или менѣе значительное вознагражденіе" *).

Упомянемъ еще о положеніи вернувшагося со службы *солдата*. Здѣсь надо принять во вниманіе, что прежде положеніе солдата въ семьѣ не могло не быть инымъ, чѣмъ теперь, уже по одному тому, что долгій срокъ службы дѣлалъ его какъ бы чужимъ для семьи. Въ работѣ Ѳ. Барыкова говорится о солдатахъ Архангельской губерніи, что они или присоединяются къ родительскому дому, или имъ дается нѣкоторое воспособленіе, смотря потому, получили-ли они и какое вознагражденіе отъ семейства, за которое поступили на службу. Обычно, при опредѣленіи имъ части общаго имущества—произволъ и взаимное соглашеніе; вообще же возвратившіеся солдаты правомъ на имущество, пріобрѣтенное *по* отдачѣ ихъ въ солдаты, не пользуются. Близкій къ этому отвѣтъ находимъ и въ „сборникѣ".

Вернувшійся солдатъ или принимается въ домъ, или получаетъ участокъ земли. „Пользуясь надѣломъ земли, какъ бы уже выдѣломъ, и не участвуя въ увеличеніи крестьянскаго имущества, которое поддерживается и накопляется наличными работниками, а также вслѣдствіе взгляда крестьянъ на семью, какъ на хозяйственную ассоціацію, нижніе чины, возвращаясь совсѣмъ со службы, обыкновенно никакого участія въ наслѣдствѣ не имѣютъ и потому-то часто входятъ съ жалобами. Это общіе обычаи Пинежскаго уѣзда" (стр. 54). Вообще, дать или не дать пособіе солдату зависитъ отъ доброй воли родственниковъ, а опредѣленныхъ, выработанныхъ обычаемъ, правъ не создалось въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, среди населенія Пинежскаго уѣзда. Поэтому и отношеніе къ солдату въ различныхъ мѣстностяхъ весьма разное.

Мы должны, къ сожалѣнію, вовсе отказаться отъ мысли сравнить хотя бы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ обычное семейственное право крестьянъ Архангельской губерніи—въ частности нашего района—съ

---

*) Относительно лопарей Арх. губ. читаемъ: „Если братья (по смерти отца) не пожелаютъ жить вмѣстѣ, матери выдѣляется равная часть съ сыновьями, а дочерямъ половина противъ сыновей, такъ какъ, по понятіямъ лопарей, женское колѣно вдвое ниже мужского, отчего дѣвушки и зовутся у нихъ, *половинками*" (А. Я. Ефименко „нар. юрид. об., стр. 34).

таковымъ же правомъ другихъ мѣстностей, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Такое сравненіе показало бы намъ, что очень многое въ обычаяхъ, регулирующихъ юридическія взаимоотношенія членовъ крестьянской семьи, совершенно одинаково какъ на суровомъ, Крайнемъ Сѣверѣ, такъ и въ благодатной по климату Малороссіи, и на обширной территоріи Волжско Камскаго бассейна, и въ губерніяхъ центрально земледѣльческой полосы. Это сходство позволило бы намъ рѣзче выдѣлить тѣ общія, основныя начала, на которыхъ зиждутся народные обычаи и которыя мы старались, по мѣрѣ своихъ силъ, выяснить на изученіи фактическаго матеріала, касающагося населенія нашего района. Резюмируемъ вкратцѣ тѣ выводы, которые, какъ намъ кажется, мы въ правѣ сдѣлать изъ всего предыдущаго изложенія.

1. Крестьянская семья нашего района представляется въ видѣ *родственно-хозяйственнаго союза*, такъ какъ, съ одной стороны, въ основѣ ея лежитъ начало кровнаго родства, а съ другой—члены ея тѣсно связаны общностью хозяйственныхъ интересовъ, оказывающихъ огромное вліяніе на весь внутренній строй семьи и взаимоотношенія ея членовъ.

2. Въ тѣсной связи съ этими основными началами стоитъ существованіе *семейной собственности*, поддерживаемой и создаваемой трудомъ каждаго члена семьи на общую пользу всей семейной ассоціаціи.

3. Изъ факта существованія семейной собственности и ея происхожденія вытекаетъ *право каждаго члена семьи на нѣкоторую долю общаго семейнаго имущества*.

4. Въ чистомъ своемъ видѣ это право, однако, вовсе не находитъ себѣ осуществленія, такъ какъ препятствіемъ къ такому осуществленію является, съ одной стороны, *родительская власть*, съ другой—особый взглядъ крестьянъ на *имущественныя права женщинъ*.

5. *Родительская власть* получила свое чрезмѣрное развитіе не только въ силу естественнаго положенія и физическаго превосходства въ семьѣ отца, но и въ силу тѣхъ большихъ полномочій и той отвѣтственности, какія возложены на домохозяина-отца обществомъ, общиной и государствомъ.

6. Чѣмъ безупречнѣе и лучше выполняетъ отецъ свои обязанности, какъ *домохозяинъ, управитель и распорядитель* семейнымъ имуществомъ, тѣмъ полнѣе проявляется его власть въ домѣ, тѣмъ больше встрѣчаетъ она поддержки со стороны крестьянскаго „міра“ и органовъ народнаго суда.

Наоборотъ, чѣмъ хуже выполняетъ свои обязанности глава семейства—тѣмъ меньше его значеніе, тѣмъ больше критики и противодѣйствія встрѣчаютъ его распоряженія со стороны остальныхъ членовъ семьи, причемъ крайніе случаи нерадѣнія къ хозяйству приводятъ къ своего рода перевороту въ нѣдрахъ семьи—насильственному смѣщенію бывшаго домовладыки, съ замѣной его кѣмъ-либо изъ старшихъ или наиболѣе способныхъ вести хозяйство.

7. Не малую поддержку родительская власть находитъ себѣ также въ существованіи *личной собственности* отца-домохозяина, обязанной своимъ происхожденіемъ особымъ экономическимъ условіямъ Архангельской губерніи—сильному распространенію отхожихъ промысловъ и владѣнію расчистками.

8. Взглядъ на имущественныя права женщинъ выражается главнымъ образомъ въ томъ, что *женщина не является прочнымъ*, такъ сказать природнымъ *членомъ семьи*: дѣвушка должна покинуть свою семью съ

выходомъ замужъ; замужняя женщина, вступая въ новую, чуждую для нея семью, должна еще завоевать себѣ право на званіе постояннаго члена семьи своимъ трудомъ и долговременнымъ пребываніемъ въ семьѣ мужа. И чѣмъ дольше она живетъ въ ней, чѣмъ полнѣе, больше ея участіе во всѣхъ хозяйственныхъ заботахъ и работахъ, тѣмъ меньше возраженій встрѣчаетъ осуществленіе ея имущественныхъ правъ, причемъ положенія полновластной „управительницы всего дома и хозяйства" она достигаетъ или по смерти мужа, оставаясь съ неотдѣленными дѣтьми въ домѣ, или въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда „большина" передается ей вслѣдствіе устраненія отъ хозяйства бывшаго главы семейства.

9. Каждый изъ сыновей, въ принципѣ, имѣетъ право на *равную часть* семейнаго и отцовскаго имущества; но въ реальной жизни это право может и на самомъ дѣлѣ нерѣдко не получаетъ своего осуществленія въ силу вышеобрисованнаго значенія родительской власти.

10. Было-бы ошибочно, однако, видѣть въ неравномѣрномъ надѣленіи сыновей имуществомъ одинъ только произволъ и самодурство „родителя", такъ какъ весьма часто отецъ, надѣляя сына тѣмъ или другимъ, руководствуется оцѣнкой надѣляемаго какъ работника, давая ему *по мѣрѣ вложеннаго имъ труда* въ общее семейное или личное имущество отца („смотря по дѣятельности и заслугамъ отдѣляющагося").

11. Этотъ *„трудовой принципъ"* имѣетъ огромное значеніе во всѣхъ областяхъ народной жизни, оказывая очень большое вліяніе и на семейныя отношенія, въ частности на наслѣдственное право. Самое существованіе семейной собственности основано на обязанности каждаго члена семьи трудиться на общую пользу и на вытекающемъ отсюда правѣ его на часть общаго имущества.

12. Одной изъ оригинальныхъ чертъ въ крестьянскомъ наслѣдственномъ правѣ является широкое примѣненіе договорнаго начала, причемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ здѣсь весьма наглядно обнаруживается значеніе труда въ созданіи семейной ассоціаціи и обрисовывается матеріальная основа взаимоотношеній между родителями и дѣтьми.

13. *Дочери осуществляютъ свое право на часть семейнаго имущества*—выходящія замужъ въ приданомъ, незамужницы—въ правѣ проживать при комъ-либо изъ братьевъ, а въ случаѣ стѣсненія—въ правѣ получить отъ брата „указную", хотя вовсе не опредѣлившуюся обычаемъ часть для отдѣльнаго проживанія. Нѣкоторой компенсаціей является также преимущественное право дочерей на наслѣдство послѣ матери.

14. Но все-же нельзя не признать имущественныя права лицъ женскаго пола *значительно урѣзанными по сравненію съ правами мужчинъ*, какъ и вообще положеніе женщины въ семьѣ болѣе тяжелымъ и зависимымъ.

15. Подъ институтъ семейной собственности подкапывается отчасти то самое начало труда, которому она и обязана своимъ существованіемъ: общая *семейная собственность большихъ, сложныхъ семей распыляется подъ вліяніемъ экономическихъ условій*—большія семьи дѣлятся на меньшія, и въ этихъ послѣднихъ, повидимому, все чаще встрѣчается и скорѣе наступаетъ моментъ выдѣла младшихъ членовъ семьи.

16. Въ то-же время въ нѣдра еще неразложившейся семьи, съ ея институтомъ семейной собственности, все больше и настойчивѣй, повидимому, проникаетъ начало *личной собственности отдѣльныхъ членовъ семьи*, въ свою очередь являющееся разлагающимъ элементомъ.

17. Помимо экономическихъ, находимъ и *другія причины* почти повсемѣстнаго *разложенія семьи* заключающіяся въ угнетенномъ положеніи женщины въ сложной семьѣ и въ естественномъ стремленіи младшихъ членовъ семьи къ независимой жизни, къ свободному проявленію своей личности *).

18. Съ правильно направленнымъ ростомъ этого пробужденія личности должно улучшиться и положеніе женщины въ семьѣ, пока все еще являющейся „низшимъ“ членомъ семьи, несмотря на ту массу труда и заботъ, которыя приходятся на ея долю.

19. Нѣкоторые отдѣльные факты позволяютъ сдѣлать предположеніе, что и въ дѣйствительности дѣло идетъ въ указанномъ направленіи, и женщина, хотя и медленно, но все-же завоевываетъ себѣ большее признаніе въ семьѣ своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ.

20. Наконецъ, необходимо еще упомянуть, что *„законъ“ до сихъ поръ оказывалъ* скорѣе *отрицательное*, чѣмъ положительное *вліяніе* на проявленіе и развитіе обычнаго семейственнаго права. Достаточно указать хотя бы на законъ о семейныхъ раздѣлахъ, на нѣкоторыя сенатскія разъясненія, какъ, напр., о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, на проникновеніе въ крестьянскую среду понятія объ указной, „законной“ части въ наслѣдованіи имуществомъ и пр. И, надо думать, что чѣмъ больше и глубже будутъ проникать въ крестьянство эти чуждыя начала, тѣмъ разрушительнѣе будетъ ихъ дѣйствіе на существованіе обычнаго права, хотя пока еще „обычай“ съ успѣхомъ борется въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ натиска этихъ началъ, къ сожалѣнію, проникающихъ въ народъ именно той своей стороной, которая менѣе всего можетъ встрѣтить сочувствія.

Припоминая факты и документы, изложенные въ предшествующихъ главахъ настоящихъ очерковъ, читатель безъ труда дополнитъ самъ недосказанное нами и вложитъ содержаніе въ эти краткія положенія, которыми мы и закончимъ нашу статью.

Статистикъ.

*) Трудно сказать опредѣленно, что именно поставитъ крестьянство на мѣсто сходящей со сцены жизни „большой семьи“, но врядъ-ли можно сомнѣваться, что возвращеніе къ старому типу семейнаго сожительства невозможно и, вѣрнѣе всего, крестьяне-земледѣльцы будутъ искать выгодъ, соединенныхъ съ существованіемъ крупной семейной организаціи въ иныхъ коллективахъ, построенныхъ на началѣ добровольнаго, свободнаго соглашенія *всѣхъ* участниковъ коллектива, безъ принудительнаго подчиненія ихъ какому-либо авторитету. Наше время уже вырабатываетъ такія формы сотрудничества.

Перепечатано изъ №№ „Извѣстій Арханг. О-ва изуч. Русскаго Сѣвера“. 1912 г.
Архангельскъ. Губернская Типографія.